

КОМСОМОЛЬСКОЕ СЛОВО,
КОМСОМОЛЬСКОЕ ДЕЛО.

**ПРОСТОРЫ
БЕЖИНА ЛУГА.**

ПРЕМЬЕРА:
ФУТБОЛЬНЫЙ
КЛУБ
«НАДЕЖДА».

№ 16 (1374) АВГУСТ 1984

СМЕНА

ISSN 0131-6656

ДАЕШЬ СТЫК

Иван ВАРШАВСКИЙ,
бригадир
комсомольско-молодежной
бригады монтеров пути
управления
«Бамстройпуть»

Фото Альберта ЛЕХМУСА

Первый десант

*Высокогорье.
Спящие озера.
Безлюдье. Тишь.
Чистейшие снега.
Везде,
куда бы я ни бросил взора,
нетронутая матушка-тайга.*

*У великана хмурого
Кодара
запорошило инеем виски.
А где-то впереди
райцентр Чара.
А где-то слева —
чарские пески.*

*Сегодня
закрепимся на плацдарме
у этих грозных,
неприступных скал.
...Настанет день —
пробьем тоннель в Кодаре
и поезда отправим
на Байкал!*

Виктор КОБИССКИЙ,
с. Акша
Читинской области

К дню Октябрьской революции должно быть уложено «золотое звено» Байкало-Амурской магистрали. Наверное, уже в тысячный раз смотрю я на карту БАМа. И с каждым днем «пунктирчик», соединяющий бригаду Александра Бондаря и мою, становится все меньше и меньше. Счет идет уже на какие-то километры. А позади — три с лишним тысячи победных, трудных, непохожих. Позади десять лет работы.

Я смотрю на своих ребят и думаю: ведь это треть их жизни! Как нелегко бывало порой, а никто из них не жаловался, не ныл, не уехал домой. Каждый вырос не просто физически — каждый создал здесь свою судьбу.

Когда еще только все начиналось, одним из главных наших лозунгов было: «Мы строим БАМ, БАМ строит нас!» Тогда еще мы не могли полностью осознать и оценить, как верен этот лозунг, как точен. Мы еще не представляли, какую громадную роль сыграет БАМ в нашей жизни.

Здесь, на ветрах и стуже зимой, в летний зной, пропитанный комарами, закаливаешься, ощущая на своих плечах груз высочайшей ответственности: за тобой следит вся страна. Здесь не только воспитывался характер, цементировалась воля — здесь выработался свой, бамовский стиль работы. Что это значит? Это не просто быстрый темп и высокое качество. Это прежде всего надеж-

ность. Надежность, несмотря ни на какие трудности.

В этом году нашей бригадой уложен путь по самой суровой и высокогорной котловине БАМа — по Чарской котловине. И морозила-то она нас и с ног-то сбивала... Да только бамовцы — народ привычный, их насквозь не проморозишь: не поддаются, да и не замерзнешь, работа-то. И вот на подходе к поселку Чара мы достигли рекорда укладки — 4,6 километра за смену. Затем подошли к озеру Леприндо, из которого вытекает река Чара. В поселке Леприндо на Первомай уложили очередное «серебряное» звено.

Затем путь шел через Кодарский тоннель. Вот тут-то нам пришлось сделать вынужденную остановку: управление «Бамтоннельстрой» не справилось с графиком проходки и бетонирования. Обидно было терять время из-за чьей-то нерасторопности. Ведь мы знали: потом все равно придется наверстывать. Вот по таким причинам, не от нас зависящим, скорость нашего продвижения не всегда одинакова, хотя в целом мы идем хорошо. Говорилось и писалось об этих причинах

**ПОСЛЕДНИЕ,
САМЫЕ ОТВЕТСТВЕННЫЕ
КИЛОМЕТРЫ ПЕРЕД СТЫКОВОЙ.
КАК ДОЛГО ШЛА К НИМ БРИГАДА!**

**ОТ ГОРИЗОНТА ДО ГОРИЗОНТА
ТЯНУТСЯ СТАЛЬНЫЕ
КИЛОМЕТРЫ БАМА.**

много. Хочу только сказать: бригада делает свое дело добросовестно и, если обстановка требует, работает, не считаясь ни с временем, ни с усталостью.

И еще такая деталь: бригада отказалась от дополнительной оплаты за работу в выходные дни, хотя приходится наверстывать время, потерянное не по нашей вине. Но это совсем не из-за безработности и готовности «все понять и все на своем горбу вывезти». Ребята зубастые, требовательные, далеко не тихони. Выкладывают все, говорят без обиняков. Несколько лет назад, когда я собирался возглавить коллектив, меня предупреждали: бригада сложная, непокладистая, ершистая. Признаться, мне, кадровому железнодорожнику с девятнадцатилетним стажем бригадирства, далеко не все было понятно и приемлемо в бригаде. Казалось, слишком много спорят и обсуждают. Много требуют. А ведь чего только на стройке не бывает, кто не ошибается. Быва-

ОВКУ!

**КАК ВСЕГДА, ПЕРВЫМИ ИДУТ
ГЕОДЕЗИСТЫ—ОНИ ВЫВЕРЯЮТ
ПУТЬ.**

**ПЕРВОЕ СЛОВО—БРИГАДИРУ.
А РЕШЕНИЕ БУДЕТ ПРИНЯТО
СООБЩА.**

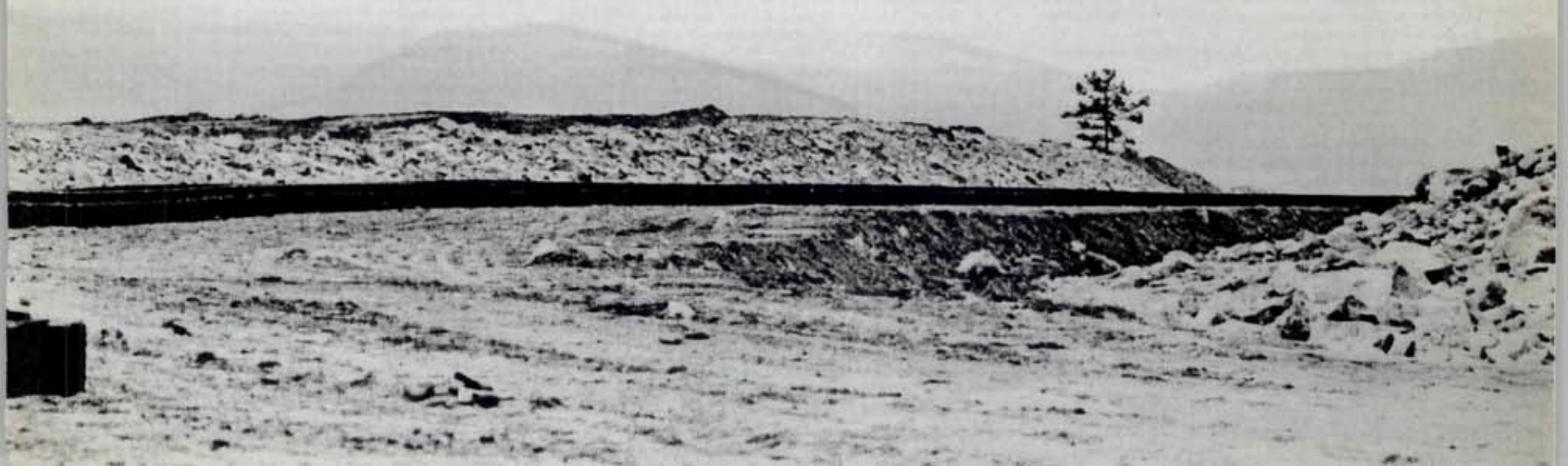
ли сбой и у нас... Но я быстро понял, что твердый характер бригады нужно сохранить. Ведь главное, чего добивалась бригада,—честного и прямого ответа за свои дела у всех подразделений. Не хотят ребята покрывать авралами организационные и другие огрехи.

Наш бамовский девиз: «Я—хозяйин стройки» — не просто высокие слова. Каждый строитель БАМа знает им цену. Ведь требуют-то ребята, добиваются своего, потому что стали они здесь настоящими хозяевами, многие корни выросли в БАМ, жить здесь

остаются. Хозяева — и болеют за дело, спрашивают строго. Помню, как появилось здесь движение «Сохрани березку». Не случайно появилось, поняли строители, что порой за строчками плана и верхушек деревьев-то не видать: погибали деревья. А надо сохранить каждое. Тайга большая, но нет в ней лишних стволов.

По темпам сближения наших бригад судят о том, как обстоят дела на строительстве БАМа. Мы завершаем огромную работу, которую ведут мостовики и механизаторы, тоннельщики и монтажники. Скорость движения путеукладчика обнадеживающая: обязательство досрочной стыковки будет выполнено. Однако стыковка — еще не конец. Работа завершится только тогда, когда вся магистраль будет введена в действие.

Но где бы ни пришлось в дальнейшем трудиться нашим ребятам, я уверен, их стиль работы останется бамовским. Потому что это уже не просто привычка — это уже у них в крови. Черта характера, заложенная БАМом.

Комитетам комсомола во главу угла надо поставить улучшение стиля, форм и методов работы комсомола. Постоянно руководствоваться указанием т. Черненко К. У. о том, что сущность этой работы, с одной стороны,—повышать организованность, порядок, дисциплину в рядах ВЛКСМ, а с другой—развивать инициативу и активность комсомольцев.

Из постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи».

ПИСЬМА ИЗ РАЙКОМА

Павел ЕМЕЛИН,
специальный
корреспондент «СМЕНЫ»

написано ПЕРОМ...

Как в некоторых
первичных
организациях
выполняются
комсомольские
постановления

В Псков я приехал в один день с ветеранами 14-й воздушной армии. Умытый ночным дождем древний город сиял яркой зеленью, ослепительной белизной старинных звонниц и соборов.

В десять утра с Николаем Ивановым, первым секретарем Псковского горкома комсомола, мы были на встрече ветеранов с юными следопытами школы № 10. Эти мальчишки и девчонки, знающие о войне лишь по рассказам и кинофильмам, стали подлинными летописцами армии, освобождавшей их родной город: ведут активную переписку с фронтовиками, открыли в своей школе отличный музей боевой славы.

Не впервой на псковской земле многие бывшие летчики, стрелки, техники, связисты. Некоторые из них сорок лет назад видели Псков лишь с самолета — руины, надолбы вражеских укреплений. Теперь приехали сюда, чтобы вспомнить события грозного 44-го года, поклониться товарищам, павшим в тех тяжелых боях. Обо всем этом ветераны рассказали на торжественном митинге, на уроках мужества.

Интересно было пройтись по улицам Пскова с Николаем Ивановым: он коренной пскович, знает историю чуть ли не каждого дома, ему знаком тут любой закоулок. Издавна Псков делится на три части: собственно город с Кремлем и старыми крепостными стенами и заречные районы — Завеличье (за рекой Великой) и Запсковье (за рекой Псковой). Это историческое, а не административное деление. Тут в отличие от других больших городов нет райкомов комсомола. Вся комсомольскую работу в двухсоттысячном городе направляет горком ВЛКСМ с его скромным штатом, когда на одного инструктора приходится по полсотни «первичек». И потому совершенно естественно, что говорили мы с Николаем главным образом о наиболее важных комсомольских проблемах, о том, чего недостает пока городской молодежи для полноценного труда и отдыха.

Не просто горкомовцам охватить все и вся. При таких условиях вдвойне важно не распыляться, а найти опорные точки приложения сил, главное звено, обеспечивающее общий успех. Важно наладить работу, говоря ленинскими словами, без нелепой суматохи, бестолочи, зряшной суетливости, без попыток отдельных «вождей» брать за 20 дел и ни одного не доводить до конца.

Современный Псков — промышленно развитый город, каждый третий рабочий здесь — молодой человек, комсомолец. А вот в КМК объединены всего лишь

пять (!) процентов работающих юношей и девушек. Просто мизерная цифра! К тому же, как сказал Иванов, число КМК в последние два года не растет, а, наоборот, кое-где сокращается. Расформированы, к примеру, молодежные бригады на заводе зубчатых колес, в строительном тресте.

Учитывая эту тревожную тенденцию, а точнее, в надежде как-то переломить ее горком комсомола созвал в январе специальный пленум, посвященный укреплению имеющихся и созданию новых комсомольско-молодежных коллективов.

Вопрос очень важный. Ведь хорошо известно, что КМК — это и опора комсомола в любом начинании и решение целого комплекса проблем труда, отдыха, учебы, повышения общественно-политической активности молодежи. Развивать движение комсомольско-молодежных коллективов, поднимать их авторитет и роль в воспитании юношества — эта задача подчеркнута в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи». Так что горком взялся за дело, которое может стать как раз тем главным звеном, где сосредоточены все его усилия.

В докладе увидел такие строчки: «Еще на прошлом пленуме делегат XIX съезда комсомола, член бюро горкома ВЛКСМ наладчик объединения «Псковхимлегмаш» Владимир Иванов (везет же Пскову на Ивановых!) рассказывал об интересных формах закрепления молодежи в своей бригаде, больших возможностях коллективного воспитания. Но... читаю дальше... разве эти вопросы волнуют только бригаду наладчиков?»

Мне захотелось встретиться с самим Владимиром. Правда, в цехе нам побеседовать не удалось. Подошел мастер, сказал: «Володя, надо срочно...» Иванов направился не к станку, а к лестнице, ведущей на мостовой кран, — в эти дни он осваивал еще одну, третью по счету смежную специальность.

Договорились встретиться в горкоме комсомола. И вот Владимир уже не в спецовке, а в светлой сорочке, в темно-синем костюме, облегающем его ладно обитую фигуру. Наш разговор только начался, а Володя уже поглядывает на часы: скоро заседание депутатской комиссии, ему надо быть там — второй раз избирают молодого наладчика депутатом Псковского городского Совета.

— Раньше мы были каждый сам по себе, на работу идти не хотелось, — вспоминает он, улыбаясь в рыжеватые усы. — А теперь мы как одна семья. Верите, в цех утром иду, как на свидание. Вчера только расстались с ребятами, а уже соскучился.

Слушаю Иванова и где-то внутренне возражаю ему. Ну, что тут, казалось бы, необычного? Работают на участке восемь парней, сошлись, что называется, характерами, помогают друг другу, не забывают поздравить товарища с днем рождения, собираются по праздникам за одним столом. Что еще?.. Спортом, конечно, увлекаются.

Вроде бы ничего особенного — нормальная жизнь, обычная работа... Но подумалось: а разве этого мало,

когда ты общаешься с близкими по духу и интересам людьми? Разве не теплеет на сердце, когда кто-то из сослуживцев ненавязчиво спросит, как дела, как настроение? Чаще отвечаешь коротко и бодро: «Нормально». А бывает... Что говорить, всякое бывает.

Вот и в комсомольско-молодежной бригаде, где работает Иванов, новички обретают нередко то, чего не могли найти в других, о чем лишь читали в газетах. Проходили тут практику две девушки из ПТУ — Лена Котова и Лена Бурцева. Смешливые, стеснительные. И, как оказалось, обе не комсомолки. Всего два-три месяца работали они в бригаде. Вместе с ребятами были и в подшефной школе (Володя Иванов — еще и командир педотряда), и на стадионе, и на семейном торжестве. Присутствовали и при нелицеприятном разговоре, когда один из членов бригады не выполнил норму. «Только тут мы по-настоящему поняли, что такое комсомол», — признались, расставаясь с бригадой, девушки. Теперь обе Лены в рядах ВЛКСМ.

А вот Сережа Михайлов, тоже выпускник профтехучилища, после армии вернулся в бригаду: два года, пока служил, переписывался с комсомольцами КМК. Для сравнения заметим: на «Химлегмаш» возвращается после службы в армии только каждый третий выпускник ПТУ.

Опыт бригады рассматривался на пленуме как пример удачного решения проблем трудовых коллективов. Разумеется, из 190 псковских КМК не только эта достойна внимания и похвалы. На пленуме говорилось и о других крепких, дружных комсомольско-молодежных бригадах. Только отдельные, пусть и яркие примеры, конечно, погоды не делают. Скорее наоборот: выпячивание редких достижений затухает, сглаживает остроту проблемы, скрывает серьезные недостатки. К чести горкома, разговор на пленуме шел больше о нерешенных вопросах.

Острой критике подверглась комсомольская организация объединения «Псковхимлегмаш». Комитет комсомола здесь имеет права райкома. На предприятии, выпускающем машины для обработки льна и химических волокон, трудится более пятисот комсомольцев, около тысячи молодых рабочих. 236 бригад на заводе, а комсомольско-молодежная всего одна — та самая, в которой работает Володя Иванов. И такой «удельный вес» комсомольско-молодежных коллективов не только на данном предприятии. Совершенно правомочным поэтому показался основной пункт постановления пленума, разосланного во все первичные организации, который гласит: добиваться создания новых КМК.

Задача, казалось бы, ясная. Опирается она на реальные потребности молодежи, на огромный резерв молодых рабочих, не включенных пока в орбиту комсомольского влияния. Словом, решение пленума четкое и очень своевременное. Как же выполняется оно на «Химлегмаше»?

После пленума минуло полгода. Произошли, надо думать, какие-то изменения и здесь, в крупнейшей комсомольской организации города.

— За это время у нас стало еще больше бригад, — бодро начал секретарь комитета ВЛКСМ объединения Михаил Юдин. — Сейчас их 253.

— А комсомольско-молодежных?..

Секретарь замаялся:

— Одна.

— Все та же, на участке станков с ЧПУ? Так что же сделано заводской комсомольей после пленума?

— Провели собрание актива. Вот, пожалуйста. — Михаил протягивает протокол. Читаю: «1. Комитету комсомола и секретариат цеховых организаций вести организаторскую и разъяснительную работу по формированию комсомольско-молодежных коллективов. 2. Более активно проводить работу по созданию КМК в цехе № 81».

— Так когда же будет создан КМК в этом цехе? Михаил пожимает плечами.

— Сейчас трудно сказать.

И это ответ вожака, лидера заводской молодежи?!

Мне приходилось бывать во многих комитетах комсомола — в Сибири, в Прибалтике, на Урале, и почти везде видел бросающиеся в глаза «Экраны контроля за принятыми решениями». Посмотришь на такой «экран» — и сразу ясно, в каком состоянии пребывает то или иное комсомольское дело. Не всегда, правда, на практике оказывалось все так же гладко, как на бумаге, но зато в оформлении чувствовался полный ажур. А тут даже постановление толком написать не смогли: общие, обтекаемые формулировки — как хочешь, так и понимай эту «организаторскую и разъяснительную работу», ни конкретных мер, ни сроков, ни ответственных за исполнение. Детский сад какой-то! Еще больше дивись такой беспомощности, когда узнаешь, что в собрании актива участвовал заворг горкома комсомола — человек, которому, казалось бы, не надо объяснять порядок подготовки такого рода документов.

Впрочем, канцелярская грамотность тут ни при чем. Здесь важно другое — деловая компетентность, профессиональная культура молодежного лидера. Ведь комсомольское постановление — это программа действий, закон, в нем должно быть весомо каждое

слово. Весомо и наполнено смыслом, чтобы, читая его, можно было видеть, как понята стоящая перед организацией задача, на что нацеливает комитет свои актив, всех комсомольцев.

А что можно понять из постановления, которое увидел в комитете комсомола «Химлегмаш»? Только, пожалуй, то, что для серьезной работы оно не предназначено.

...Из выступления Михаила Юдина на собрании заводского комсомольского актива:

«Основной базой для создания комсомольско-молодежных коллективов,— говорил секретарь комитета,— остаются цеха (следуют номера пяти цехов), но не надо думать, что нет возможности для создания КМК в других цехах и отделах». Вот и все об организационной—важнейшей, решающей стороне дела.

Более поверхностную, формальную оценку ситуации трудно придумать. Стоит ли удивляться, почему появилась на свет та «детсадовская» резолюция—для того, чтобы наметить **действенные** меры, надо как минимум знать **действительное** положение вещей.

Грустно говорить, но Псковский горком комсомола в этом отношении показывает «первичкам» далеко не лучший пример. Возьмем тот же доклад на пленуме. По какому принципу он построен? Весьма по простому и давно известному: всем сестрам, то есть первичным, по серьгам! Берется какое-то направление в деятельности первичных, и тут же, как в школе, выставляются оценки: в одних с этим делом справляются хорошо, в других—плохо. Вместо анализа—констатация фактов. Отсюда, наверно, и безапелляционный тон доклада и постановления: «добиться», «повысить», «усилить». Но ведь эти общие, в принципе правильные требования предъявляются очень разным организациям—промышленным, строительным, транспортным, торговым. Везде ли годятся средства, выписанные «под копиру»? Почему бы не проявить с учетом специфики той или иной организации большую определенность, творчество, гибкость в решении?

Именно к серьезному, углубленному изучению реальной обстановки, насущных проблем, по-настоящему волнующих молодежь, к взвешенному, тщательному отбору форм и методов работы призывает сегодня партия комсомол. На практике же комитеты комсомола нередко, как отметил в своей речи на Всесоюзном совещании секретарей комсомольских организаций К. У. Черненко, пытаются решать новые задачи «заезженными», шаблонными приемами и средствами.

Вернемся на «Химлегмаш». В чем все-таки сложность с организацией КМК в 81-м цехе?

Разговор о комсомольско-молодежном коллективе здесь шел еще в начале года. Есть протокольно записанное решение комсомольского собрания: создать КМК. Такой коллектив нужен в цехе не ради отчетности, не для «галочки». Он вполне осознанная потребность, ибо позволит молодым рабочим, что называется, показать себя с лучшей стороны.

— А то бывает просто обидно за ребят,—говорит мастер, он же комсорг цеха, Сергей Топтыгин.— Почти всегда они «на подхвате», на вторых ролях.

— Нам внушают: накопите сначала опыт,—добавляет сварщик Вячеслав Петров.— Но откуда ему взяться, если нам не доверяют ответственных заданий? Хочется работать в бригаде, где все на равных.

Тогда, на собрании, решили, что комсомольско-молодежная бригада должна быть комплексной: именно в таких коллективах быстрее растет мастер-

ство всех и каждого. Кроме слесарей-сборщиков, в нее включили станочников, сварщиков. Кому быть бригадиром? Назвали две кандидатуры—Вячеслав Петров и Михаил Лазарев, оба толковые, добросовестные работники.

Почему же решение собрания остается на бумаге? Оказывается, дело, которое горячо обсуждали ребята, по словам начальника цеха, преждевременное.

— В данный момент для такой бригады не найдется фронта работ,—объясняет М. А. Михалкинский.— Из десяти видов продукции, которую мы выпускаем, осталось лишь три. Будет, будет у нас комсомольская бригада,—успокаивает начальник цеха.— Вот через полтора-два месяца начнется сборка новой машины, тогда и у молодых появится перспектива.

Хотелось бы верить, что руководитель цеха слов на ветер не бросает. Только непонятно: почему вопрос организации КМК так прочно увязывается с поступлением нового заказа? Ведь жизнь-то в цехе не останавливалась, люди работают, и молодых сегодня волнуют те же проблемы профессионального становления, какие были вчера, год, пять лет назад.

Возникает и другой вопрос: почему комитет комсомола объединение не учел сложившуюся производственную ситуацию? Как тогда понимать строку из постановления: «Более активно...» и т. д.?

— У нас записано не «создать», а «проводить работу по созданию КМК»,—с горячностью буквалиста уточняет Михаил Юдин.

Вот, оказывается, когда пригодилась общая, неопределенная формулировка! За ней, как за ширмой, легко спрятаться, достаточно только перенести акцент с одного слова на другое, и волокиту, называемую почему-то «работой», можно тянуть бесконечно. Просто идеальный пример того, как практические дела легко заменяются игрой словами!

Что же остается делать молодым рабочим, тем, кто рвется к самостоятельности, к трудной, но интересной работе? Впрочем, рвется ли? От долгих ожиданий и отлагательств ребята теряют надежду, что будут работать в комсомольской бригаде, теряют веру в авторитет и силу комсомольского решения.

Вспоминаю Сережу Яковлева, молодого слесаря из 81-го цеха. Он слушал наши рассуждения о том, кто и как должен действовать, чтобы в цехе появился КМК, и грустно улыбался. «Вряд ли будет так, как мы хотим,—негромко сказал он.—Ведь то же самое говорили и в начале года».

Даже Сергей Топтыгин, комсорг, и тот пошел на попятную.

— Все-таки создание КМК связано с определенным риском,—вслух размышлял он.— Как комсорг я «за», а как мастер...— Сергей покачал головой.— Кардинальные улучшения это вряд ли принесет. Зачем тогда и огород городить? Дружба? Мы и так ездим на природу, на рыбалку...

Не знаю, кого больше убеждал этой фразой Сергей—меня или себя...

В 81-м цехе мы были вместе с первым секретарем горкома Николаем Ивановым.

— Знаешь,—сказал он, когда мы покидали завод,— а ведь КМК для этого цеха—революционное решение.

«Революционное решение»—громко сказано. Невольно вспоминается знаменитое ленинское: поменьше пышных фраз, побольше простого, **будничного**, дела...

Действительно, комсомольская бригада заставит и руководство цеха и самих ребят по-новому взглянуть на многие привычные вещи, пересмотреть старые,

заниженные мерки. Вот, скажем, Сергей Топтыгин считает, что комсомольцы в цехе дружные. Конечно, отдых на природе, совместная рыбалка сближают, но у молодых производителей есть дела и поважнее. Взять хотя бы их отношение к приходящим на практику в цех учащимся ПТУ. Ни у одного комсомольца нет своего подшефного. «Нам не поручают»,—слышу в ответ. А в подтексте легко угадывается: «Зачем нам это?» Так, может, когда появится КМК, забота о пополнении станет для молодых рабочих 81-го цеха таким же кровным делом, каким стало оно для Володи Иванова и его товарищей по бригаде?

Спрашиваю Николая: какую помощь оказал горком комсомола молодым рабочим «Химлегмаша» в создании новых КМК? Увы, кроме своего личного участия в планерке секретарей цеховых организаций и участия заворга в собрании актива (о его уровне было сказано выше), Иванов не мог ничего вспомнить.

— Все начинается с компетентности секретаря комитета,—то ли объясняет, то ли оправдывается Николай.

В этих словах, конечно, есть резон. Да, секретарь заводского комитета, по сути, секретарь райкома,—не мальчик на помочах. От него вправе ждать и большей инициативы и самостоятельности. Но ему нужна еще и товарищеская поддержка и деловая подсказка более опытного коллеги. Тот же Михаил Юдин, избранный год назад секретарем комитета, порой не знает, за что в первую очередь взяться, хватается сразу за все и... почти ничего не доводит до конца. А ведь при горкоме существует совет секретарей, который должен был бы направить на «Химлегмаш» двух-трех опытных работников, они и помогли бы заводским активистам наладить дело с КМК.

Пока же совет секретарей—этот авторитетный, мобильный орган—использует свои возможности не в полную силу, а то и просто стреляет из пушек по воробьям. К примеру, на последнем заседании секретари и впрямь решили пойти в организации с целью помочь комсоргам... в сборе взносов.

Вот так в текучке, в заседательской суете иные комсомольские работники забывают свои же важные, узловые решения. Провели пленум, приняли хорошее, делное постановление, а вот о том, чтобы выполнить его, не позаботились.

На месте Николая Иванова я бы отложил на пару дней горкомовские дела и пришел бы в 81-й цех: надо же в конце концов докопаться до сути, выяснить, почему до сих пор в цехе нет КМК, и вместе с активистами сделать все, чтобы там появилась бригада, какую задумали ребята. У Николая инженерное образование, опыт и авторитет комсомольского руководителя—что еще нужно?

Кстати, об авторитете. Хорошо известно, что его одними выступлениями с трибуны не завоеешь. Кроме слов, у вожака есть другой веский аргумент—личный пример. Вот им надо бы пользоваться иным секретарям почаще. Иначе не будет веры ни тебе, секретарь, ни тому, к чему ты призываешь.

Комсомольское постановление—это мощный слуг слова и дела. Не раз подчеркивалось, что главный упор в работе надо делать на личную проверку исполнения принятых решений, на конкретную, практическую помощь активистам, комсомольцам. Без этой живой, не бумажной организаторской работы любой пленум—лишь «очередное мероприятие», а любое, пусть самое верное, самое злободневное решение—пустая говорильня.

И попробуйте доказать рядовому комсомольцу Сергею Яковлеву, что это не так.

Читатель—«Смена»—читатель

ЕСЛИ БРАТЬСЯ ВСЕРЬЕЗ...

В редакцию пришло коллективное письмо от учащихся 9-го класса Никольской средней школы Иркутской области. Ребята жаловались, что на селе не ведется культурная работа.

«К тому же нам, учащимся, запретили ходить в кино (кроме субботы), ссылаясь на то, что восьмые и десятые классы сдают в этом году госэкзамены, а наш, девятый, видимо, за компанию присоединили, заявив, что сеанс в 20 часов 30 минут—сеанс для взрослых. А нам-то уже больше 16 лет! Никакого просвещения на селе; и все смирились с этим, все равнодушны, молчат. А мы не жалеем, что написали вам: надеемся, что во всем нам поможете. И как только учителя не видят, что нам некуда пойти, нечем заняться? С уважением Халтаева Инна, Чучуевская Елена, Лыкова Ольга, Назаренко Ольга...»

Редакция направила письмо в Иркут-

ский обком комсомола и получила ответ.

«Факты, изложенные в письме учащихся Никольской средней школы Иркутского района, в основном подтвердились: организация досуга учащихся, работа детского сектора Дома культуры—неудовлетворительные.

Принять меры:
В Иркутском РК КПСС состоялось совещание, на котором присутствовали представители райисполкома, райкома комсомола, Никольского сельсовета, роно, райспорткомитета. Запланирован отчет на бюро РК КПСС «О совместной работе базового предприятия совхоза «Комсомольский» и Никольской средней школы по коммунистическому воспитанию молодежи». Райком комсомола совместно с комсомольскими организа-

циями школы и совхоза «Комсомольский» разработали план по организации досуга учащихся и молодежи села Никольск. Директору школы Уховой Т. П. указано на слабую работу по организации досуга учащихся. На совместном заседании педколлектива и партбюро совхоза утвержден комплексный план по коммунистическому воспитанию молодежи.

С учащимися 9-го класса Никольской средней школы проведена беседа. В Доме культуры началась демонстрация кинофильмов для детей в 17.00 и 19.00. Сеанс 20.30 демонстрируется для взрослых. Репертуар кинофильмов утвержден дирекцией киносети Иркутского района».

А. АКУЛОВА,
секретарь обкома ВЛКСМ

Судя по ответу секретаря обкома комсомола, письмо школьников всерьез обеспокоило общественность,—если судить по количеству совещаний, проведенных на разных уровнях и со многими

представителями. Будем надеяться, что «разработанный план по организации досуга учащихся и молодежи села Никольск» обернется на деле интересными лекциями, кружками, кинофильмами. Значит, можно было бы и без тревожного сигнала из редакции повнимательнее всмотреться в жизнь молодежи, позаботиться о ее культурном досуге: ведь многие сегодняшние старшеклассники завтра должны стать рабочими этого совхоза, а не убежать из родных мест туда, где лучше работают Дома культуры.

Правильно сделали четыре подруги, что не промолчали. Но все могло бы решиться быстрее, если бы... Если бы школьные подруги вынесли этот вопрос на комсомольское собрание, да не только бы о кинофильмах поговорили. Если бы комсомольцы пригласили на свое собрание представителей из райкома комсомола, роно, райисполкома, старших своих товарищей, заинтересованных в разумном решении проблем досуга молодежи. Инициативнее надо бы быть комсомольцам школы.

ФИЗИЧЕСКАЯ ЗАКАЛКА СТУДЕНТАМ СТАНКИНА БОРИСУ МАТВЕЕВУ И АЛЕКСЕЮ САСОНКИНУ НЕ ПОВРЕДИТ.

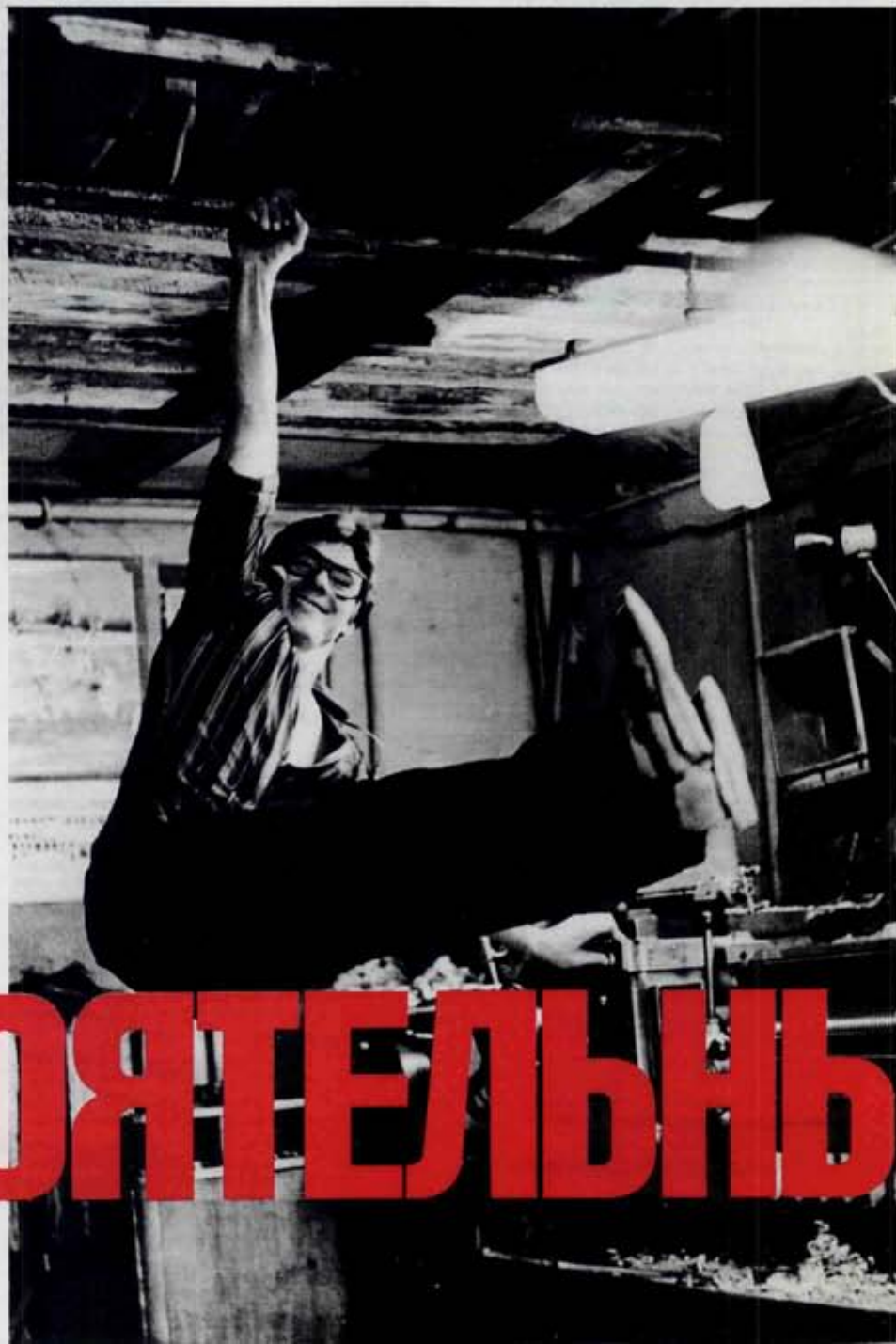
менно с обычной школой окончил музыкальную, владеет трубой, тромбонem, саксофоном.

Как рассказал старейший преподаватель училища Геннадий Федорович Красавцев, один опытный гимнаст когда-то пытался сделать нечто подобное, да не получилось. По тому, что мы видели и слышали на учебном манеже, у Коли получится...

Там же, на манеже, мы познакомились и с однокурсником Николая, клоуном Виктором Виноградовым. Он тоже подрабатывает в свободное время — в прошлом учебном году, например, был ночной няней в школе-интернате. Но ночью какая фотосъемка? Поэтому мы и сняли Виктора с его подопечными днем, после школьных занятий.

Студенты, с которыми мы встречались, готовя этот репортаж, учатся в разных вузах Москвы. Общее у них то, что все они работают. Эка невидаль — работающий студент! — скажут нам. Да, но «наши» студенты учатся не на заочных или вечерних, а на дневных отделениях. Как возникла эта тема? Ну, то, что школьники десять лет учебы находятся на полном обеспечении пап и мам, это еще понятно. (Правда, в пос-

«ПЕРЕКУР АКРОБАТА» — ТАК, НАВЕРНОЕ, МОЖНО НАЗВАТЬ КОРОТКИЙ ПЕРЕРЫВ В РАБОТЕ ТОКАРЯ И ВОЗДУШНОГО ГИМНАСТА ИЗ ЦИРКОВОГО УЧИЛИЩА НИКОЛАЯ БОЦОРОГИ.

**Владимир АНИСИМОВ.
Фото Петра НОВИКОВА**

Лет двенадцать назад Коля Боцорога, юный умелец из молдавского села, соорудил свой первый дельтаплан. Разбежался с горки, оттолкнулся... Пострадал, к счастью, один летательный аппарат, а его создатель отделался легким нагоняем от мамы...

Детали второго дельтаплана лежат пока в студенческом общежитии. Надо полагать, конструкция его будет более надежной, и полетит он дальше, нежели тот «детский» вариант: студент Московского училища циркового и эстрадного искусства Николай Боцорога по совме-

стителю еще и токарь, слесарь, плотник — словом, на все руки мастер. Мы и нашли его в мастерских училища, где он числится подсобным рабочим. Впервые зашел сюда, чтобы сделать аппаратуру для своего номера, да так и остался здесь штатным рабочим. С одной стороны, ремесло в руках никогда не помешает — для тех же цирковых приспособлений или дельтапланов. С другой — зарплата подсобника стала весьма существенной прибавкой к студенческой стипендии.

А потом мы посмотрели номер, который придумал и готовит воздушный гимнаст Боцорога. Штейн-трапе (разновидность трапеции) поднимает его высоко под купол; Николай становится на голову и играет на трубе арию мистера Икса из оперетты «Принцесса цирка». Инструмент у Николая не бутафорский, и играет он не под фонограмму: одновре-

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ

ПЕРЕСМЕНКА В БОЛЬНИЦЕ... ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ НА МЕДБРАТА, ПЯТИКУРСНИКА СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ЕВГЕНИЯ МАКЕДОНСКОГО НА ВСЮ НОЧЬ ЛЯЖЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БОЛЬНЫХ.

ледние годы все чаще заходит разговор о том, что и им не грех заняться общественно полезным трудом в свободное время. Мы знаем, какой размах получило движение трудовых объединений школьников. Важность трудового воспитания и обучения подчеркивает и школьная реформа.) Но если совершеннолетний, взрослый человек еще пять лет сидит, простите, на родительских шеях — разве это нормально? Что стипендия? На кино и дискотеку еще хватит... Кстати говоря, полноценный досуг тоже требует средств: книги, билеты в театр, на концерт пока еще не бесплатны.

ДЕТИ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА ВСЕГДА РАДЫ ВИКТОРУ ВИНОГРАДОВУ. И ОН В ДЕТСКОЙ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ НАХОДИТ НУЖНЫЕ ШТРИХИ ДЛЯ РАБОТЫ НА МАНЕЖЕ.

Речь не о том, насколько студенческие потребности обременительны для семейного бюджета. Сейчас все-таки не те времена, когда полуголодный студент бегал по городу в поисках частных уроков или вагоны по ночам разгружал. Сейчас и семья среднего достатка может позволить себе роскошь лишние пять лет кормить, обувать, одевать и развлекать еще одного «иждивенца». Речь о том, насколько иждивенчество внедряется в сознание молодого человека.

На последнем съезде комсомола с тревогой говорилось о позднем взрослении, инфантилизме некоторой части молодежи. Проблема многогранная, и здесь мы берем лишь один из ее аспектов — материальную несамостоятельность. Почему-то перестало вызывать удивление, что 22—23-летний человек не заработал за свою жизнь ни одного рубля (за исключением членов студенческих стройотрядов, составляющих все-таки не самую большую часть студенчества) и в житейском смысле беспомощен.

Конечно, главная задача вуза — выпустить хорошего специалиста. Но почему иногда молодые нерешительны, инертны, несамостоятельны на производстве? Не беремся, разумеется, да-

РАБОЧАЯ ФИЛОСОФИЯ СТУДЕНТА ФЕДЕРАЛЬНОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ АЛЕКСЕЯ ЧУМАЧЕНКО НАЧАЛАСЬ ЗАДОЛГО ДО ПОЛУЧЕНИЯ ДИПЛОМА. АЛЛЕИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПАРКА — ЕГО ДВОРНИЦКИЙ УЧАСТОК — ВСЕГДА В ИДЕАЛЬНОЙ ЧИСТОТЕ.

ИЕ ЛЮДИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 16 (1374) АВГУСТ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
уголок
земли родной.

Фото
Альберта
ЛИХАНОВА.

Очерк
«Возвращение
на Бежин луг»
читайте на 11-й странице.

- 1** Иван ВАРШАВСКИЙ. «ДАЕШЬ СТЫКОВКУ!»
- 2** ПИСЬМА ИЗ РАЙКОМА.
Павел ЕМЕЛИН. «НАПИСАНО ПЕРОМ...»
- 4** «САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ».
Фоторепортаж Владимира АНИСИМОВА
и Петра НОВИКОВА.
- 7** ЖИВАЯ ПАМЯТЬ.
Прокопий МОЧАЛОВ, ветеран войны и труда.
«С ВОЙНЫ НЕ ВСЕ ВЕРНУЛИСЬ».
- 8** Рассказ Светланы НОВИКОВОЙ «СВИДАНИЕ».
- 11** ОТЕЧЕСТВО.
Альберт ЛИХАНОВ. «ВОЗВРАЩЕНИЕ НА БЕЖИН ЛУГ».
- 15** Конкурс одного стихотворения «ЗЕМЛЯ МОЯ—СУДЬБА
МОЯ».
- 16** ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ «НАДЕЖДА».
Выпуск 1-й.
- 18** «ПЕРЕД ГЛАВНЫМ МАТЧЕМ».
Интервью с Гарри КАСПАРОВЫМ.
- 20** МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.
Светлана КУНИЦЫНА.
«СОГЛАСЬЕ СТИЛЯ, ВКУСА, ЦВЕТА».
- 21** Генрих ГУРКОВ. «СЛУШАЯ «МАТИА БАЗАР».
- 22** НРАВСТВЕННАЯ НОРМА.
Игорь СЕРКОВ. «ОСКУДЕНИЕ».
- 24** СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ СССР—50 ЛЕТ.
- 26** Алла ОСАДЧАЯ. «И РАССЕЙВАЮТСЯ МИРАЖИ...»
- 29** Леонид МЛЕЧИН. «ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД».
Политический детектив.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редак-
тора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н.
ОРДЖОНИКИДЗЕ, Ю. М. ПОЛЯКОВ, Р. И. РОЖДЕСТВЕН-
СКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬ-
ЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного
редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

вать исчерпывающий ответ. Одна из причин, на наш взгляд, та, что самостоятельность на работе тесно связана с самостоятельностью в житейских делах. И наоборот, иждивенчество в личной жизни располагает к иждивенчеству в жизни производственной. Только там молодой человек — под опекой родителей, а здесь — под опекой старших коллег.

...Алексей Чумаченко учится на географическом факультете МГУ. По утрам, перед занятиями, его можно встретить с метлой на территории университета. По необходимости работает дворником?

— Особой нужды вроде бы и нет, — ответил Алексей. — Родители у меня зарабатывают хорошо. Пока учился на первом курсе, присылали по шестьдесят рублей в месяц. А потом мне как-то неловко стало. Сколько ж можно брать? Надо и им начинать помогать.

Не во всех институтах одобрительно относятся к работающим студентам. Дескать, пока главное для них — учеба. Как бы работа не повредила успеваемости... Что сказать? В день, когда мы фотографировали Чумаченко, он получил на экзамене очередную пятерку. Нашему вопросу, не слишком ли трудны обязанности дворника, удивился:

— Молод, здоров, силы есть — отчего не поработать?

Алексей — комсорг курса, нападающий факультетской футбольной команды, страстный книголюб и заядлый фотолобитель. Это мы к тому, что подметание улиц не исключает ни хорошей учебы, ни интересного, насыщенного досуга, ни участия в общественной жизни. Между прочим, на нехватку времени жалуются обычно те, кто делами не очень-то занят. Кто больше загружен — больше и успевает.

Есть и другие варианты: можно работать по будущей специальности (или близко к ней), не дожидаясь получения диплома. Самый большой трудовой стаж среди наших знакомых студентов у Жени Македонского. Когда учился в медуниверситете — работал санитаром. Учебу в Московском медицинском стоматологическом институте совмещает с работой медбрата в больнице № 50. Дежурства ночные, через два дня на третий. Женя убежден, что будущий медик обязательно должен работать в клинике:

— Какой же я буду врач, хирург, если не сумею укол как следует сделать? Работа учит меня и умению общаться с больными, лучше понимать их... Вы знаете, что в больницах не хватает медсестер, санитаров. Вот и у нас тридцать пять больных на сестру. А по норме положено двадцать. Как могли бы выручить студенты!

Но вот парадокс: справки, необходимые студентам для оформления на работу, даже в медицинском институте выдают не очень охотно. Даже будущим врачам, желающим поработать не где-нибудь, а в больнице. Студенты устраиваются сами по себе, кто как сможет. Хотя, казалось бы, чем может помешать такая трудная и полезная практика, как работа медсестрой, медбрата, санитаром?

Несколько иначе смотрят на подобную практику в СТАНКИНе — Московском станкоинструментальном институте. Здесь студентам-старшекурсникам помогают подобрать соответствующую работу. К примеру, Борис Матвеев и Алексей Сасонкин работают инженерами (на полставки) в ЭНИИМСе — Экспериментальном научно-исследовательском институте металлорежущих станков. Вечером, после занятий, налаживают станки, составляют программы для электронно-вычислительных машин. В общем, стали своими людьми в коллективе. Здесь и будут работать после института.

И все-таки, конечно, не всем студентам удастся найти работу по будущей

специальности. Но большая ли беда в том, если будущий географ, инженер, педагог поработают на досуге, допустим, метлой? Надо еще то учитывать, что не редкостью стали студенческие семьи, студенческие дети. В таких случаях совсем уж нехорошо вваливать на родителей все новые и новые заботы. Нет, мы не призываем к тому, чтобы каждый студент в обязательном порядке работал. Разные бывают обстоятельства. Но если есть силы, возможности, стоит ли весь досуг употреблять лишь на развлечения?

Студенты могли бы помочь решить проблему нехватки кадров во многих отраслях — в коммунальном хозяйстве, службе быта, общественном питании, медицине, на многих предприятиях. Но вот какая загвоздка... Нужны рабочие руки — и многие студенты готовы работать. Иначе говоря, есть и спрос и предложение. А вот «найти» друг друга не всегда могут.

В том же СТАНКИНе комитет комсомола пытался централизовать устройство студентов на работу. С этой целью выяснили потребности ближайших предприятий. Но предложенные графики работы не устраивали студентов, так как совпадали по времени с лекциями в институте. За редкими исключениями студент сам ходит в поисках подходящей работы. Но... в одном месте студентов не берут, в другом время не устраивает, в третьем нужна квалификация, которой у студента пока нет...

Сейчас идет реконструкция старого общежития СТАНКИНа, и комитет комсомола предложил идею: передать это общежитие полностью на студенческое обслуживание. То есть студенты будут и вахтерами, и уборщиками, и обязанности коменданта будут выполнять они же. Теперь предстоит решить задачу: как официально «поставить» их на эти должности? Но и это будет не полным решением проблемы, так как рабочих мест в общежитии единицы.

Когда мы готовили репортаж, подумали: а не создаются ли проблемы трудоустройства студентов искусственно? Решили узнать, как обстоит дело в других местах.

В Венгрии, например, почти каждая фирма вывешивает объявления типа: «Есть работа для студентов. 50 форинтов в час». Приходи, когда тебе удобно, на любое время. Там же, в Венгрии, хозяйственное обслуживание университета — дело студентов. Разумеется, за плату.

В Болгарии коммунальные работники набирают, когда требуется, бригады желающих для уборки улиц, площадей, скверов. Оплата — сразу же. И нет нужды постоянно держать большой штат дворников, которым и работы-то нередко в хорошую погоду нет.

Впрочем, зачем далеко ходить за примерами? Хороший опыт мы встретили и у нас — в МГУ. Возвратившись после летних каникул, студент идет в хозяйственное управление университета, и там ему предлагают на выбор: есть вакансии сантехника, уборщика, дворника, озеленителя... Работа всем найдется. Студенты сажают цветы, ухаживают за парком, убирают мусор, ремонтируют... Причем графики работы составляют сами, распределяя свое свободное время.

Понимаем, что не каждому вузу такое под силу. Но всегда можно найти иной выход, иное решение. Так, некоторые предприятия заключают постоянно действующие договоры с райкомами комсомола. Райкомы постоянно направляют туда студентов на различные вспомогательные работы. А некоторые студенты — и таких немало — работают даже наладчиками оборудования. То есть становятся квалифицированными рабочими. Словом, проблема трудоустройства не так и сложна, если... не делать из нее проблемы, а проявить минимум инициативы. Как комитетам комсомола вузов, так и предприятиям, организациям, где нужны молодые рабочие руки.

С ВОЙНЫ

Прокопий
МОЧАЛОВ,
ветеран войны
и труда

1945-1985
ЖИВАЯ
ПАМЯТЬ

НЕ ВСЕ ВЕРНУЛИСЬ

Городок наш Великий Устюг старинный, ровесник Москвы. Ребятишками мы любили лазить на колокольни и церковные чердаки, ловить диких голубей-сизарей и смотреть с высоты на необъятные заречные дали, леса, бывший монастырь и поселки окрест. Четверо закадычных друзей, живущих в одном доме, в погожие дни мы поднимались на какую-нибудь звонницу, готовили там уроки, читали книги, мечтали о будущем, об учебе в институтах, о работе по призванию.

Выбирать профессию колебаться нам не приходилось — это у каждого было давно определено. Генка и Витек уже с десяти лет жгли предохранители, испытывая самодельные электромоторчики и разные электросхемы, — их путь лежал в электротехнику. По характеру они были не похожи, но как бы дополняли друг друга: Генка, горячий и вспыльчивый, неплохо ладил с флегматичным Витьком, не любившим решать с кондачка даже любой пустяковый вопрос. Третий из нашей четверки, Толян, скромный и застенчивый, решил идти по пути родителей-врачей. А я вопреки своим не особенно твердым знаниям русского языка возмечтал стать журналистом.

Мы твердо решили, окончив институты, вернуться в наш город. Витек шутил:

— Будь у всех одинаковая профессия, было бы трудно использовать с максимальной отдачей наши выдающиеся (в будущем) познания в таком маленьком городке, как наш.

Толян добавлял:

— Сломается у кого-то дома электроплитка или утюг, Генка с Витьком тут как тут, а если болезни на вас навалются, я помогу. А Прокоп будет писать наши биографии, когда они понадобятся для серии «Жизнь замечательных людей».

Памятную дату вступления в комсомол наша четверка постаралась отметить добрыми делами: Генка и Витек для школьного физического кабинета смонтировали электростенды — для демонстрации закона Ома, а мы с Толяном в качестве редактора и художника выпускали стенную газету.

Годы летели быстро. И вот успешно сданы экзамены за среднюю школу. Решили, чтобы быть ближе друг к другу, не разъезжаться по разным городам, а поступать в ленинградские вузы. Наступил час, когда мы вчетвером поднялись на колокольню одной из самых старинных церквей, чтобы проститься с городом. Было грустно. Ведь каждый из нас впервые и надолго отрывался от родного гнезда.

Чтобы разрядить обстановку, Генка предложил:

— Ребята! Никто не знает, что нас ждет, как повернется у каждого жизнь. А есть такое поверье: если бросить в море, озеро или реку полюбившегося места монетку, то судьба обязательно приведет тебя туда еще раз.

Обстоятельный Витек заметил:

— А если переделают церковь под какое-нибудь учебное или производственное помещение вроде клуба водников или автотехникума и колокольню с нашими монетами снесут?

Но Толян сказал:

— Эту церковь, братцы, скоро как памятник старины будут реставрировать, так что такое опасение

излишне, — и засунул свою монетку в щель в малозаметном месте. Каждый из нас последовал его примеру.

Витек пошутил:

— Запоминайте как следует, чтобы потом, когда наши сыновья пойдут в первый класс, рассказать историю гривенников и подарить им монеты как сувениры из юности отцов.

Никто из моих друзей не подозревал, что это было прощание с родными местами навсегда.

Сверх ожидания вступительные экзамены у нас прошли успешно. Правда, я не посмел сдавать на филологический, решил идти в полиграфический: «Все же ближе к журналистике, а потом буду добиваться своего на заочном отделении».

Раз в полмесяца собирались у Генки с Витьком в общежитии, делились успехами и неудачами в учебе, новостями из дома и мечтали провести приближавшиеся каникулы в родном городке. Но дома побывать нам не пришлось. После окончания первого курса, принимая участие в соревнованиях институтов по легкой атлетике, мы задержались с выездом, и... Война перечеркнула все.

В военкомат пришли вчетвером и стали проходить медицинскую комиссию. Толян спрятал очки в карман. Он как начинающий медик твердо знал, что со своим зрением ни в коем случае в действующую армию не попадет, и когда настала очередь идти к главному врачу, попросил Витьку сходить вместо него.

Вскоре мы оказались в запасном полку, где несколько недель с утра до ночи вместе с бородачами-добровольцами, годившимися нам в отцы, постигали азы военной науки: ползали по-пластунски, стреляли, преодолевали препятствия.

И вот наша четверка в действующей, вновь скомплектованной дивизии. Мои друзья попали в один полк: Генка и Витек, будущие электротехники, стали связистами, а Толян — санитаром. Меня как студента-полиграфиста направили в типографию военной многоотражки.

Около месяца наша дивизия, упорно обороняясь, отбивалась от гитлеровцев. Я изредка встречался с ребятами, они забегали ко мне или я, исполняя обязанности наборщика, корректора и одновременно репортера, бывал в блиндажах и окопах. Мои друзья воевали успешно: Толян десяткам раненых спас жизнь, а связисты Генка и Витек, кроме своих обязанностей, иногда даже ходили «в гости» к врагу за «языками». Командир разведроты охотно удовлетворял просьбы моих друзей — закаленных спортсменов, включая их в поисковые группы. Наша газета неоднократно писала об их ратных делах. Я клял судьбу и хотел «дезертировать» на передовую соседней дивизии, но жаль было расставаться с друзьями, и я подал докладную с просьбой перевести меня в полк. Но ответа не успел получить. На нашем участке фронта резко обострилась обстановка. Полк с моими друзьями-связистами оказался в окружении, но какими-то чудом вырвался из кольца и, наполовину поредевший, соединился с дивизией.

Узнав об этом, я хотел отпроситься у командира, чтобы сбежать к товарищам, но тут в редакционный

автобус пришел замполит полка и попросил напечатать заметку о героях, которые, по сути дела, спасли полк от уничтожения. Это были два связиста — мои друзья.

...Геннадий и Виктор прокладывали телефонную связь к роте. Обходя овражки и болотца, заблудились, чуть не утонули в трясине, а когда после долгих мытарств выбрались на твердь, оказались в тылу у гитлеровцев, слабо охранявших подходы к непроходимому болоту. Геннадий и Виктор проползли мимо сторожевого поста, обнаружили немецкий кабель и двинулись по нему. Вскоре у блиндажа увидели часового. В блиндаж то и дело проходили офицеры и солдаты. Ребята, посоветовавшись, решили его взорвать. Распределили обязанности: Виктор с винтовкой укроется в кустах против входа в блиндаж, а Геннадий опустит в вентиляционную трубу гранаты, из последней выдернет чеку и быстро, пока три-четыре секунды горит запал, укроется за камнем у двери блиндажа.

Задуманную операцию провели четко. Дождавшись, когда на командном пункте немцев, а им и оказался блиндаж, собралось порядочно офицеров, видимо, пришедших на совещание, ребята сняли часового...

Немногих уцелевших от взрыва фашистов, выбегавших из блиндажа, встретили прицельные выстрелы моих друзей. У гитлеровцев поднялась паника, наше командование, решив, что на выручку подошли свежие силы, стремительно повело бойцов в том направлении.

Так Геннадий и Виктор ценой своей жизни спасли сотни людей. Виктора убили, а Геннадий был тяжело ранен. Его из окружения вынесли. Жил он еще часов пять, приходил в сознание и успел рассказать о взрыве блиндажа.

Сохранение заметки об их подвиге я запомнил так, что и спустя сорок лет могу без газетного текста, на память, рассказать слово в слово. Я сам набирал и печатал ее. Мои слезы смешивались с типографской краской.

А вскоре я получил еще одно горестное известие. Анатолий, спасший жизнь семидесяти восьмью бойцам и командирам, вытаскивая с поля боя очередного раненого, погиб, прикрывая его от осколков мины своим телом.

После этого я взбунтовался, требуя немедленно отпустить на передовую. Старик-редактор, хотя и сочувствовал моему горю, желанию мстить за друзей, отказал: у нас и так не хватало людей. Но вскоре в мою судьбу «вмешалась» мина, угодившая в наш старенький редакционный автобус. Мне досталось несколько осколков. Пролежав в госпитале около месяца, я скрыл свою военную специальность и был направлен в другую дивизию пехотинцем.

Решение мстить за смерть друзей, не ограничиваясь участием в атаках, мне удалось осуществить с трудом. Я попросил у командира роты снайперскую винтовку. Пришлось доказать, что в свое время мне одному из первых в школе вручили значок «Ворошиловский стрелок», после чего командир дал разрешение.

Я уничтожал оккупантов, приговаривая после каждого выстрела: «Это вам за Родину, за моих товарищей!» Но и меня несколько раз дрыгивали гитлеровские пули и осколки. После лечения опять был фашистов. Снова был тяжело ранен, надолго угодил в госпиталь, где и встретил День Победы.

Судьба забросила меня далеко от родного городка. Первые годы работал без отпусков по восстановлению разрушенного войной завода, долечивал раны, то и дело напоминая о себе, учился и не заметил, как стал отцом взрослых сыновей, а потом дедом.

Все это время часто подавлял приступы тоски по родному городку. Мои старики и родители друзей давно ушли из жизни, ехать было не к кому, да и не хотелось беречь себя тяжелыми воспоминаниями. Но старость сентиментальна, и я не выдержал.

И вот стою на колокольне, где сорок с лишним лет назад наша четверка, прощаясь с городком, оглядывала его с высоты. Удивительно, но удалось мне найти и потемневшие от времени монетки.

Возвратившись домой, укрепил гривенники у письменного стола под портретами моих друзей. Об истории монет, как мы намечали в далеком прошлом, я рассказал только своим внукам: мои друзья потомства после себя не оставили. Когда-то Анатолий возложил на меня обязанности историка-летописца, но не пришлось мне написать о своих друзьях в серию «Жизнь замечательных людей». Ограничиваюсь этим скромным повествованием. Отдаю долг их светлой памяти.

СВИДАНИЯ

Светлана НОВИКОВА

РАССКАЗ

Как он стоял передо мной! Господи, как он стоял! Стоял! Да разве так стоят? Он просто весь расплылся, и лицом и телом, словно у него враз отказали мускулы. Как зверь, которого загнали в ловушку и он понял, что все, конец. Только смотрел на меня — обреченно, бессильно, застыло. Без испуга. Испуг длился всего мгновение, когда еще оставалась надежда. Когда еще можно было подобраться и напрячь мускулы, чтобы они придали авантажность торсу и значительность лицу. Чтобы выглядеть равным, которого можно ударить...

Но он не успел. Слишком внезапно я появился. Слишком откровенно все вокруг говорило о лжи. Жалкой, многотрудной, изматывающей лжи. В один миг я понял все. Десять лет я не видел ничего, десять лет я был слеп, слеп и глух. Десять лет я ходил на свидания с ним и видел только то, что он хотел. Видел его благополучным, преуспевающим, блестящим, всем на зависть и удивление, ученым с почти уже мировым именем, которому вот еще чуть-чуть, самую малость дотянуть, да он бы давно уже все доделал, только вот люди... людишки всякие... интриганы... козни... оборудования не дают... да и обстоятельства некоторые... а иначе он бы давно свершил, сумел, открыл бы целую новую область, направление, можно сказать, новую науку... и тогда о нем заговорил бы весь мир... тогда бы ему дали целый институт и все остальное, и он бы... и мы бы... то есть и я бы, его сын, купался вволю в лучах его славы и имел бы все, что она с собою приносит. А пока...

Мы встречались с ним два раза в год: в день моего рождения и по окончании учебного года. Иногда, очень редко, он звонил. Еще реже вызывал на внеочередные свидания. И всегда говорил, говорил, говорил. Обо мне он почти не расспрашивал, так, два-три вопроса, чтобы как-то начать разговор. Меня это вполне устраивало, я терпеть не мог, когда ко мне приставали с отметками, лезли в дневник, будто это и в самом деле так уж интересно, еще проверяли бы, как я чищу ботинки и помню ли наизусть «Песнь о вещем Олеге». Почему-то история «вещего» киевского князя и его коня больше всего волновала маминых гостей. Нет, отец не лез ко мне со всеми этими мелочами. Вообще моя osoba мало его интересовала. Он всегда смотрел как-то сквозь меня. Лишь бы я слушал его. Конечно, как у каждого мальчишки, у меня были свои проблемы, которые мне хотелось бы с кем-нибудь обсудить, но я четко знал, что отец в моих делах не помощник и не советчик, и у меня никогда не возникало охоты говорить ему о себе. Поэтому у нас всегда была не беседа, у нас всегда был монолог. Его монолог.

И все-таки я всегда с удовольствием ходил на наши свидания. И он мне радовался, я видел, и с увлечением, подробно и красиво рассказывал о себе, о своей работе, о разных научных проблемах и открытиях, о своих поездках, лекциях, докладах, о всяких конференциях, симпозиумах, концепциях, о знаменитых людях, встречах, спорах. Это не были споры о том, где снять дачу на лето или какую купить люстру. И не о том, хорошо ли подсказывать на уроках и кто лучший центрфорвард в нынешнем сезоне.

Нет, в том мире, в заманчиво-таинственном мире отца, люди не опускались до столь низких и пустячных предметов. Их волновали лишь те проблемы, которые могли оказать влияние на судьбы всего человечества, никак не меньше.

Отец умел говорить, у него был явный дар увлекать собеседника, и я любил его слушать. Часто меня охватывало волнение оттого, что я приобретаю к чему-то значительному и пока для меня недостижимому, но очень желанному в будущем. Именно туда, в этот мир, буду я стремиться попасть, став старше, это я знал, и после свиданий долго не мог успокоиться, и учебники казались особенно нудными, а жизнь — медленной и бесполой. Мать ворчала, что я возвращаюсь от отца в растрепанных чувствах, и пренебрежительно обзывала его болтуном, эгоистом, скрягой. Я вообще-то тоже так считал. Ведь если он процветает, то почему бы ему не исполнить хотя бы кое-что из своих обещаний? Ну, если не свозить на море, то хотя бы купить велосипед. Или книжные полки. А то только все: вот получу за статью, тогда... вот дадут аванс за книгу, тогда... вот утвердят старшим научным, тогда... Не знаю уж почему, но я каждый раз верил ему, что он сделает, что ему хочется это сделать. И только мама охлаждала меня, говоря что-нибудь вроде: «обещанного три года ждут» или «получишь, когда рак свистнет». Когда же я и в самом деле возвращался от отца с каким-нибудь подарком вроде шариковой ручки или набора открыток, мама язвила: «Батюшки, никак рак-то и впрямь свистнул». Но я на отца не сердился и легко прощал ему то ли жадность, то ли полную финансовую несамостоятельность в новой семье.

Для меня главное было другое. Мне импонировала значительность его личности. Я гордился им. Нет, не любил, никакого теплого чувства он во мне не вызывал. Но от него исходило такое благоухание удачи, внутренней весомости, умения жить — широко, интересно, возвышенно, что все это удивительно приятно щекотало мое самолюбие, даже скорее не щекотало, а прямо-таки умищивало. Как же, ведь я сын такого человека! В моих жилах течет его кровь, от него передались мне — ну, конечно же, от него! — блестящие способности и ум, потому мне так легко дается учеба, и жизнь тоже удастся, как же иначе? Что же для этого еще нужно, кроме ума и способностей? Ну, и еще, само собой, обаяния личности. А это я тоже унаследовал от отца. В классе я всегда был среди первых, и не только в учебе. Со мною все считались, я это чувствовал, от меня часто зависело решение, и если я говорил «да», то это было «да» всего класса, если — «нет», то напрасно строптивцы пытались спорить и не подчиниться: они оставались в одиночестве, а большинство все равно шло за мной, без всяких дополнительных усилий с моей стороны.

Я виду не подавал, но меня это очень приятно тешило. Я даже иногда нарочно экспериментировал. Как-то в седьмом классе мы решили проучить немку за ее вредность. У нее была манера устраивать нам внезапные контрольные — ни с того ни с сего. Придерется к чему-нибудь, и все: «Приготовьте листки». Отвечать ей надо было без запинки, без заминки, никаких раздумий, запнулся пенял на себя. Она могла минут двадцать гонять одного ученика. И возражать не смей. Будет хуже всем. И однажды кто-то предложил: «А давайте, как только устроит внезапную контрольную, возьмем и откажемся писать всем классом». Предложение понравилось. А что? Вот так откажемся раз, другой, третий — может, и отстанет? Все загорелись.

И вот идет урок, и немка объявляет свое: «Приготовьте листки». Все сидят, замерли. И вдруг у меня внутри что-то шевельнулось, нет, не страх, не угрозыния

совести, а что-то совсем иное, какое-то острое, нестерпимое желание поступить вразрез с общим решением. Пусть думают, что хотят, и... пусть попробуют остаться без меня, одни. Вот тогда решатся они на бунт или нет? И... решатся они идти против меня? На бунт против немки и... против меня?

Я достал листок. Следом за мной, чуть поколебавшись, достали все. Уже потом, на перемене, я объяснил, что передумал, потому что нашел средство получше, и хотя многие были разочарованы (конечно, им было очень обидно, так горячо обсуждали и так здорово придумали, и вдруг все рухнуло и опять писали ненавистную контрольную), однако мое объяснение приняли и новый, отнюдь не лучший способ мщения тоже. А я хотя и торжествовал, но в душе остался неприятный осадок: все-таки подло, конечно, поступил. Поэтому вот так, по-серьезному, я больше не экспериментировал. Неохота чувствовать себя подлецом, приятнее ощущать себя чистеньким и на высоте. Ну, а по мелочам пробовал, и всегда без промаха. Одним словом, был я весьма доволен своей личностью. Можно даже сказать, восхищался. Все во мне было прекрасно, как этого требовали классики. Я был прям и смел. Девочки писали мне записки и сияли, когда я приглашал их на танец. Одевался я без лишнего шика, но вполне в духе времени. Мысли свои я записывал в особую тетрадку, и среди них были такие: «Уж лучше журавль в небе, чем синица в руке». Или: «Слабого лучше ударить, чем пожалеть. Первое ему поможет, второе — утопит». Кое-какие из этих оригинальных изречений я переписывал в тетради своих одноклассников (а они в обмен писали мне свои, это было модно у нас одно время), а потом, я видел, их переписывали к себе другие.

Да, я вполне себя устраивал. Мне было за что себя любить. И поэтому весь мир, все, что он вмещал в себя, все я мерил по себе. Подходит мне, соизмеряется со мною, нравится мне — я принимаю. Нет — я отвергаю, отбрасываю, как несовершенное, никчемное, ненужное миру моего «я». И никогда никаких сомнений в своем особом праве судить и ридить. А если и возникало, то я их гнал, гнал подальше, поглубже...

Как-то Гелька, до смерти влюбленная в меня, позвала меня на выставку одного художника, я даже не помню, кого именно, потому что он мне не понравился, а зачем же тогда запоминать? Там были какие-то девушки, загроможденные треугольниками, цветами, клетками с птицами, еще чем-то. Я никак не мог понять, зачем это рисуются, а тем более выставляется, и высмеивал Гельку, которая пыталась толковать мне об «удивительном выражении печали» в глазах этих девушек, о «тревожных сине-бурых бликах», «взламывающих» холодный серебристый колорит картин. Я ничего этого не видел, злился и, не стесняясь, дал понять Гельке, что зря потратил время. Она расстроилась, смотрела виновато, а меня это тешило, и я становился все язвительнее и остроумнее.

Вообще я любил себя потешить. За счет других это здорово получается. Я только удивлялся, почему люди позволяют унижать себя. Ну, вот почему, например, Гелька согласилась тогда пойти на этот нудный фильм, который вдобавок она уже смотрела? Я-то это знал, она же сама поносила его на весь класс. А я взял и пригласил ее, а сам не пошел, послал вместо себя Наумова. Представляю, каково ей было второй раз смотреть эту муть! Даже верный Наумов не выдержал и предложил уйти, но она отказалась и высидела до конца. Только после сеанса сразу куда-то исчезла. Мы с Наумовым потом долго веселились, обсуждая свою проделку, смакуя каждый момент в отдельности, особенно первый, когда Гелька узрела рядом с собой не меня, а Наумова. Уж мы так хохотали, были в таком восторге! На другой день Гелька увидела меня и отвернулась, а сама вся дрожала от напряжения: боялась, видно, расплакаться. Мне сделалось жалко ее, но я тут же себя успокоил: «В следующий раз не будет душой», — и уже почти с удовлетворением наблюдал, как она старательно меня избегает. И страдает, страдает. Из-за меня. И все видят, как она страдает из-за меня. Ах, какое это упоительное чувство!

Интересно, до чего бы я дошел, если бы... если бы вчера не застал отца врасплох. Даже подумать страшно! Я ведь был в таком гневе.

Еще бы! Кто-то посмел встать мне поперек. Жалкий деканишка, администратор, полное ничто в науке, лишает меня стипендии из-за прогулов и несданных работ «по неуважительным причинам». И не хочет выслушать, не хочет даже знать, что я во время этих дурацких лекций не спал и не гулял, а торчал в лаборатории, потому что не мог оставить опыты, раз я их уже начал. Ему наплевать на мнение заведующего кафедрой, который пытался меня отстоять, доказывал; что я лучший студент его семинара, что я выправлюсь, подтяну хвосты, что мне хватит месяца, трех недель. Куда там! Декан закусил удила. И плевать он хотел на мои похвальные намерения, на мои успешные опыты, на мою одаренную личность, на мое светлое будущее. И несколько его не страшило, что потом, когда это будущее наступит, ему будет стыдно вспоминать, как он вставлял мне палки в колеса, что он посмел! И еще ждет, что я буду кланяться, писать объяснительные записки. Ну уж нет, дудки с бантиком, я гордый!

Но вот как быть с матерью? Сказать ей? Нет, нельзя. Она откажется от путевки и не поедет лечиться. А у нее язва, она не спит ночами от болей. Встает и ходит по комнате, ходит. А утром на работу... Но и скрыть от нее — как? Где достать денег? Пойти работать? Тогда я не выпячу хвосты. И лабораторные опыты полетят к чертям. А я весь четвертый семестр как каторжный возился с пробирками.

И тут меня осенило. Отец! У меня же есть отец! Вот кто мне поможет, должен, обязан! Не по закону, по совести. Также мне палочка, едва, небось, дождался, когда мне стукнет восемнадцать. Я ему скажу, я ему все скажу. И пусть он только посмеет мне отказать! Как ему вообще не стыдно, не поговорив со мной, прекратить всякую денежную помощь? Не поинтересовавшись, смогу ли я без нее? Неужели ему жалко каких-то грошей для единственного сына? И какого сына! Ведь сам же будет потом гордиться мною. Да и что ему стоит подкинуть мне немного, в конце концов речь-то идет всего о двух месяцах! При его-то доходах и сплосном благополучии. Ну, пусть не таким, как он рисует, а все ж таки... И главное — я же не для себя хлопочу, мне мать жалко. Подумал бы, как ей, женщине, трудно меня тянуть. А то обрадовался, освободился от груза — и зажил в свое удовольствие. Я десять лет слушал его разглагольствования. Для чего?!

Вот такую я заготовил речь. И интонация должна быть гневная, хлесткая, чтобы каждое слово било в яблочко. Я шел от станции по грязной, узкой тропке и нес эту речь в себе. Я не повторял слова, чтобы не расплескаться чувства, а просто нес ее всю

Рисунок Натальи СЕДУЛИНОЙ

целиком, как сосуд с драгоценной жидкостью. И донес. Открыл серую, расшатанную калитку и на покосившихся, щербатых ступеньках, ведущих в дом, увидел его.

И все. Я был оглушен, раздавлен, смят. Господи, да как же он жил-то? Вот тут, в этой развалюхе в два окна, без удобства, без участка почти — так, полоска в три шага от забора да крохотный квадратик позади, сотка... Так вот она, его роскошная дача, которую он предпочитает городской квартире! Да и нет у него никакой квартиры. Тут он и живет круглый год. И ежедневно топает по этой тропке до станции пятнадцать минут да сорок минут трясется в электричке, а вечером назад. И так десять лет. Изо дня в день. А ему уже пятьдесят. И болен он и изношен. Вон какое у него обрюзгшее, землистое лицо. И одышка. Ну да, она у него уже давно, разве я не замечал, что он не может ходить быстро? Не замечал, пропускал мимо. На свиданиях наших нам было не до этих мелочей. Не для того же мы с ним встречались, чтобы говорить о здоровье. А для чего? Для чего ему был нужен этот маскарад? Ведь нету у него ничего: ни интересной жизни, ни любимой работы, ни большой зарплаты. Нет.

Из дома вышла женщина. Она была вся неопрятная, от косынки на голове до замызганных ботинок, но не стеснялась этого и не заметила, что отец застеснялся. Она учуяла только нашу неловкость, но не постаралась рассеять ее, а, наоборот, неприятно властно приказала отцу вынести ведро. Он пошел и вынес. Потом ему велено было поставить лопату на место, «а не бросать где попало». Он поставил. Потом слезил в погреб, принес воды, нащипал лучины. Она все приказывала и приказывала. А он все ходил и ходил. И не мог посидеть со мной. Он совсем потерялся и ничего не смел. А ей так нравилось помыкать им, так нравилось. И зритель был. Да еще какой! Я видел ее впервые, но она-то знала, кто я. Наверняка знала, я видел. В злых глазах плавала ухмылка. Так хотелось одернуть ее, чтобы сползла с ее физиономии эта гнусная ухмылка. И это было так просто. Но это должен был сделать он.

И тут меня бросило в жар: а что, если бы я вздумал предупредить его? Что, если бы мы, как всегда, встретились в кафе или в парке? Если бы он подготовился к разговору? Ведь я бы тогда так ничего и не узнал. Он снова возник бы передо мной весь разукрашенный, как картинка в детской книжке. И я бы...

Когда-то я обожал эти книжки-раскраски. Мне так нравилось смотреть, как серый, невзрачный рисунок превращается в радужную сказку. Потом это стало мне скучно. А ему вот нет. Он продолжал расцвечивать картинки. Зачем? Ребячество? Слабость? Наверно. «Слабого лучше ударить...» Мой бессмертный афоризм. Может, кому-то из наших он запал в душу, и он теперь лупит направо и налево, без долгого разбору, из этих моих «лучших» побуждений.

Так что же я сам-то не ударил? Пропала такая речь! Ах, ну да, я же вообще-то благородный, сам я предпочитаю иметь дело с равными. С теми, кто может ответить.

Ответить? А чем могла ответить мне Гелька? Или Витька Скатыш? Посмешище всего класса. Когда ребята зашли слишком далеко и на всех контрольных нарочно швыряли ему нелепые шаргалки, а он, как идиот, списывал и получил подряд

шесть пар, я их остановил. Но сам-то я позволял себе называть его в глаза недоноском и еще советовал: «Слушай, не теряй время, бросай школу и дуй прямо в научно-исследовательский институт. Психиатрический. Там большая нужда в таких дебилах, как ты». Скатыш слушал и только моргал глазами. А в глазах этих — стерильная чистота.

Впрочем, один раз я увидел другое. Ребята гоняли мяч на школьном дворе. Я с ходу хотел врезаться в кучу и вдруг гляжу: в сторонке Скатыш стоит один, прижался к забору, смотрит на ребят, и в глазах его... Мне даже трудно определить их выражение. Наверно, так смотрят закованные в кандалы на тех, кто свободно разгуливает перед ними. С такой завистью, с такой тоской... Мне даже не по себе стало: чувства-то эти человеческие, а мы с ним...

Но это было мимолетно. Этого мне было слишком мало, чтобы очухаться. Это было с кем-то, а не со мной.

Отец позвал меня в дом. Там был накрыт стол к чаю. Вазочка с вареньем, тарелка с плюшками, масло, колбаса, пакет молока. Женщина потчевала меня, изображая радушие, но не слишком стараясь. Ей было явно наплевать, что я о ней подумаю. Полная противоположность отцу. А тот теперь сузил, делал множество неловких, бесполовых движений, говорил ненужные, пустые слова, что-то насчет чая, хвалил домашние плюшки. И заметно ждал, что, может, она уйдет. Но она сидела прочно и непоколебимо, как скала. После чая я встал, отец довел меня до калитки, сказал, как я хорошо сделал, что приехал к нему. «Приезжай еще, теперь дорогу знаешь, а я тебе всегда рад». А я видел только, что ему стыдно, так стыдно и так больно, что нет и сил скрывать.

Мне тоже было стыдно. Никогда не думал, что это такое жгучее, такое болезненное чувство. Я чуть ли не вслух стонал и даже, кажется, шатался, так мне было худо. Я не думал о том, что только что произошло, я не мог думать. То есть мысли какие-то мелькали, разные, несвязные, они скакали бесполово и тыкали меня по самым больным местам. А я не мог защищаться, не мог прикрыться, потому что весь, насквозь, как сухое дерево огнем, был пронизан вихрем незнакомых чувств.

Нет, конечно, я не моральный урод, и мне не раз приходилось испытывать стыд, сочувствие, жалость. Но чтобы страдать из-за этого, мучиться по-настоящему, ощущая пронзительную физическую боль, нет, я даже не подозревал, что такое возможно.

Дома, постепенно придя в себя, я стал думать: что же произошло? Почему мне так стыдно? Что я такого натворил? Ведь я ничего ему не сказал, не брякнул с налету, не обругал. Моя блистательная речь, слава богу, угасла во мне в тот же миг, как я его увидел. Я не ударил слабого. Пожалел.

Не ударил? Да я же просто сбил его с ног, растоптал, уничтожил! Сломал все, что он так тщательно выстраивал годами. Я ворвался к человеку в самую душу, когда он не ждал, когда она была у него обнажена, когда все, что в ней было ничтожно, что он прятал как постыдное уродство, было неприкрыто. И я увидел, подсмотрел!

Когда я учился еще в классе пятом-шестом, я, помню, прочитал какой-то

Беспамятность — враг духовности.

Как всякая разновидность бездуховности, она умела и многообразна, наловчилась торговать общими фразами, деланно восхищаться, мнимо знать и непременно присутствовать.

Присутствовать, праздно любопытствуя в святые и торжественные минуты, понимающе кивая головой, правильно называя имена и даты жизни, присутствовать во что бы то ни стало, возводя в ранг высокой культурности свое абсолютное равнодушие.

Выйдя из одного музея, ряженая ложь торопится в другой, спешит к старинной усадьбе, на вернисаж или поэтический вечер, чтобы потом, вернувшись домой, устало плюхнуться на диван среди шкафов, забитых красиво, с позолотой, изданными, но не читанными книгами. Когда-то мы думали, что впереди нее бежит душевная лень, увя, теперь надобно признать, что бездуховность вполне энергична в своем желании казаться не хуже иных, она не отстает от толпы жаждущих, да и в глазах ее, как и у других, желание, но только не знания, не восторга, не чувства, а желание быть примеченной, причастной, наконец, самовозвыситься.

Главный ее союзник — обязателька, поспешность все сказанных слов или выпренность велеречивость, когда в стремлении показать себя забывают, куда они пришли да и что они есть перед тенью, какую порой без нужды беспокоят.

Главный ее враг — осмыслен-

автоколонны. Уминают они духмяные травы, усыпают поляны бутылками, мятыми газетами и объедками с сытой скатерти, оскверняют березовые взлобки да ельники близ святых мест, и позволим им, так они уселись бы за стол великого, чтоб потом об этом помянуть как о достопамятной странице своей биографии.

Нет, не берусь описать беспамятность во всех ее обликах. Эта работа сродни мукам зоолога — время и терпение требуются для того, чтобы приколоть булавками все разнообразные виды этой безрадостной коллекции, и единственное, чему не устанешь в подобных исканиях, — так это поражаться бесстыдству подле святыни, отсутствию расстояния между высоким словом и низким поступком и таинству, при котором подделка под ценность сосуществует рядом с подлинным, не вызывая всеобщего возмущения.

Но ведь это все о беспамятных.

Я же переполнен совсем иным...

Я переполнен благодарным чувством тихой радости за памятливость некрикливую, ясную и кроткую; точно небо над срединной Россией в недолгие дни предзимья, когда искренний человек идет к своему месту по сердечному желанию, стоит под дождем, раскинув свой плащико еще над троими, и, несильно зная подробности истории, все же жив ее памятью, душой благодарствуя великий талант писателя за то, что он обессмертил частицу Отечества, подарив право

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА БЕЖИНСКИЙ ЛУГ

ность и подлинность чувств, жажда осознания духовных начал, желание поверять свою вседневность высокими истинами человеческого духа. И честная искренность. И уважительность. И забвение себя, когда речь идет о высоком.

И все же как выглядит она, эта беспамятность?

Видел я возле Бежина луга в пьяном угаре парней, бессмысленно азирающих окрест, и это, конечно же, беспамятность, непочтение прошлого и самих себя, но все-таки половина беды, родом из несдержанности и духовной глухоты; их, пожалуй, обуздать и просветить можно, а страшней, по моему разумению, беспамятство иного рода: чисто выбритое и отупленное, накрахмаленное, при джинсах, «Жигулях» и «Мальборо», пусть хоть и отечественного производства, все ведающее и ко всему равнодушное, всего достигшее и постигшее.

Как перекачи-поле, носит ветер погони за самоуважением целые

Альберт ЛИХАНОВ.

Фото автора

Отечество

гордиться своей землей совершенно по-особенному.

Я говорю о сельском празднике на обыкновенном лугу близ Черни Тульской области и о крестьянах из соседних деревень, о трактористах и доярках, о пастухах и конюхах, о председателях колхозов и деревенских стариках, старухах, пенсионерах, и о детях их, о внуках, которые собрались на районный праздник песни, повторяю, на обыкновенном лугу, только вот имя его необыкновенное — Бежин луг.

Постой, это в каком же классе читала нам вслух учительница тургеневский «Бежин луг»? В третьем? Четвертом? Не помню. Помню только, что было это, может, за год, за два до той поры, когда я увидел знакомое название в школьной хрестоматии, и обрадовался ему, точно давнему знакомому, и вспомнил — нет, не содержание, оно ведь просто, как прост глубокий вздох, — а чувство, которым одарила нас тогда дорогая моему сердцу

Рисунки
Юрия ИВАНОВА

**ТУРГЕНЕВСКИЙ ДОМ
В СПАСКОМ-ЛУТОВИНОВЕ.**

Аполлинария Николаевна Тепляшина.

Шла война, и в классе было холодно, учительница куталась в платок, стояла перед нами почему-то, хотя можно было сесть, и голос ее дрожал, как дрожали огоньки свечей и коптилок на наших партах — ведь света в школе по утрам не было. Она стояла перед доской, будто сама была ученица, и торжественно, словно отвечая урок, произносила слова, известные всем нам каждое по отдельности и все же соединенные между собой так, что отчего-то сжималось горло и хотелось плакать, только плакать не от беды, не от горя, которое ходило рядом с нами тогда каждый день, а по-другому — просветленно, от теплой радости, выплывающей откуда-то из твоих собственных глубин.

Теперь-то, отплывя на целые десятилетия от тех благословенных и

тяжких дней, я понимаю, что великая и мудрая женщина, которой довелось думать о нас, страдала за наши души, боялась, как бы не ожесточила, не сломила нас непомерность недетской правды военных дней, как бы мы, раненные осколками беды, долетавшими до нас, не изуверились в мире и не позабыли, что такое покойное, благословенное существование человека на земле, которое и есть единственная, достойная его разума истина, и детская душа непременно должна помнить об этом, знать, что война — это временно, а постоянно и вечно — красота и радость.

Потом, кажется, в пятом, я читал «Бежин луг» уже другими глазами, теперь мне нравились мальчишки,

**ТРИ СТАРЫЕ КРЕСТЬЯНКИ
С ПРАЗДНИКА НА БЕЖИНОМ ЛУГУ,
ТРИ ЗАПЕВАЛЫ.**

**ЦЕЯРКИЕ ЦВЕТЫ,
ПРЯНЫЙ ЗАПАХ ЛЕТА.**

**«ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА» ПРАЗДНИКА —
ТУЛЬСКИЙ ПРЯНИК С ПАМЯТНОЙ ВЯЗЬЮ.**

их рассказы про водяных и леших, про места, какие есть повсюду, в любом краю и про которые ходят легенды, передаваясь из века в век, лошади, ночное, костерок и мальчишечья самостоятельность, может, оттого, что ее не очень доставало мне. Любопытно, но теперь описание природы глаз пробежал впрямую, опуская целые страницы, хватывая только содержание, да, надо сказать, и спрашивала другая теперь учительница лишь пересказ событий, сюжета, который в «Записках охотника» неочевиден, неинтригующ.

Впрочем, не всю вину перекалываю на школу, да, собственно, и назовешь ли виной-то состояние души одиннадцатилетнего человека, главной природной обязанностью которого является торопливость, нетерпение роста его физического да и всего духа, спешащего побольше и побыстрее наизнать, начитать, насмотреться. Нет, в этом — да не обидятся великие, а среди них Иван Сергеевич — заклю-

чается своя правда, своя истина: человек поражен и внимает природе поначалу, удивляясь самому явлению ее в свою жизнь, разглядывает широко распахнутыми глазами травинку, лист, жука, вслушивается трепетно, порой с испугом, в незнакомые голоса и шум; потом, чуть позже, он почти не обращает на нее внимания — может, сливаясь с ней, может, становясь ее частью, впрочем, может, просто по привычке, увлекшись иными мерами вещей, иными страстями; но проходит и это — время безоглядной молодости, размеренней становится жизненный шаг, умудренней опыт, и вдруг ты словно вспоминаешь раннее детство: природа вновь оживает вокруг тебя, становится значи-

тельной, и, раскрывая книгу, ты уже не пропускаешь ее описания, а вчитываешься с новым пониманием, которое увлекает куда значительно сюжет.

И вот, порядочно отплыв от детства, я подъезжаю к Бежину лугу, перечитывая страницы повествования, пытаюсь реставрировать в своем сознании: что же грело меня в раннем детстве, тогда, военной порой, какие такие строки?

Может, эти?

«Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой».

Пожалуй!

В нетихом нашем детстве летние облака, многоэтажные, снежно-величавые, были едва ли не единственной категорией вечности и покоя. Бывало, я залезал на крышу сарая, поросшую ярко-зеленым мхом, ложился на спину, и на меня снисходил блаженный покой. Облака представлялись неведомыми материками и необыкновенными животными, у детского воображения вырастали крылья, и я летал среди прохладных белых окаменелостей, состязаясь со стрижами. Выходило, будто я сбежал с земли, одиноко ликуя среди облаков, а с небес сдергивал окрик, знакомый голос или прихлынувшая вдруг забота.

Припоминая таинства детства, я оглядывал нынешнее, взрослое небо и улыбался мысли о том, что тургеневские облака проплыли над моим детством, а вот теперь здесь,

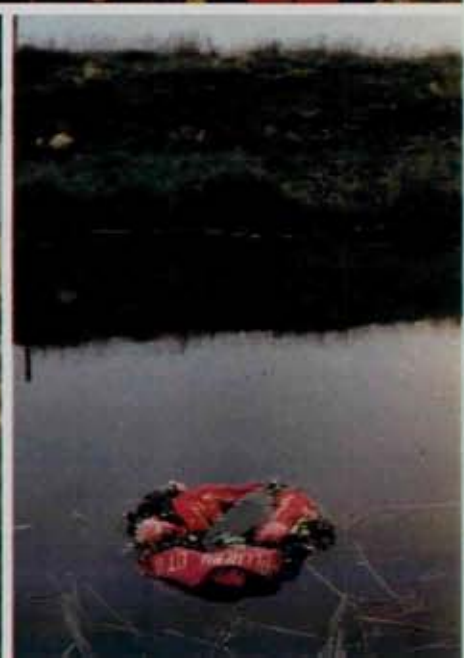

ЦВЕТА
ТУРГЕНЕВСКИХ
ПОЛЕЙ...

«СТАРОЖИЛЫ»
БЕЖИНА ЛУГА.

ВЕНОК ИВАНУ СЕРГЕЕВИЧУ

сейчас, уже в нынешней, не только моей жизни, они действительно золотисто-серые, лучше не скажешь, с нежными белыми краями, и эти края сплетают глаза, как тогда, в детстве, вызывая теплую волну, которая вдруг подкатывается к горлу из твоих собственных глубин.

Нет, что там! Небрежение природой подобно слепоте; слепота, сменяющая ненадолго восторг начала жизни, подобна куриной, она проходит, да и сама-то, кажется, возникает лишь только для того, чтобы превратить восторг детского открытия в осознанную глубину взрослого самоосознания. Гляньте-ка! Тургеневские мальчики с Бежина луга давно взойшли травой, скошенной и вновь воспрявшей; их лица и слова удерживаются в нашем сознании таинством таланта, теперь по Бежину лугу бегают совсем другие мальчики, а облака — вот они, проливаются дождями над нашими лугами и вновь восходят над головой, вечные, прекрасные, возвышенные тургеневские облака!

Может, в этом все и дело? Вечное и смертное соединимы жизнью на краткий срок. Но они могут слиться еще одной бессмертной властью — силой таланта.

Дорога подходит к концу. Бежин луг уже близок. Я перечитываю еще одну картину, которая опять передо мной в двух измерениях: на листе бумаги и в небе — реальном, нынешнем, тихом:

«Цвет небосклона, легкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, чернотавые и неопределенные, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно взошло на небо, алое сияние стоит недолгое время над потемневшей землей, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нем вечерняя звезда».

Боже! Если у таланта бывает голос, то вот он — голос таланта. Перечитайте вслух, послушайте себя, вообразите, гляньте под вечер на небо: «...как бережно несомая свечка, затеплится на нем вечерняя звезда».

...

А еще я хочу сказать о том, чего я не знал да и не мог знать в своем далеком тыловом детстве. Узнанное лишь теперь, это, мне кажется, не теряет своего значения, напротив, волшебным образом соединяет прошлое и настоящее, рождая новые сравнения и мысли.

Бежин луг, тридцать гектаров несеяных угодий, лежит неподалеку от селения Чернь, теперь районного центра, а Чернь находится на пути между Тулой и Орлом. Волею войны в этих местах развернулось сражение за Орел, и от Черни не осталось ничего, кроме церкви.

Дальше за Чернью — Спасское-Лутовиново, Мценск, Орел, ближе к Москве — Тула, Ясная Поляна, земля и память двух гениев российской словесности, Тургенева и Толстого, сгущенная историей отечественная духовность, национальная гор-

дость, соединенная в какую-то сотню верст, и вот по этим верстам целила и била вражья сила, норовя сравнить высоты русского духа. Уверен: знай враги наши, как дорого сердцам русских такое понятие, как Бежин луг, они бы его снесли с лица земли, изрыли воронками, обезобразили, как обезобразили и распыли дворцы под Ленинградом, Михайловское, могилу Льва Толстого. Но обнесло...

Так вот как, оказывается, было. Враги выжидали наше сознание, нашу память, а учительница Аполлинария Николаевна Тепляшина нам не позволяла ничего позабыть.

...

И вот Бежин луг.

Тургенев написал его ночным, а днем он прекрасен. Речка с невестиним именем Снежедь рассекает его синей гладью и ракитовыми кустами. Траву до праздника не косили, и луг колыхается, негромко шумит у подножья склона, где расселся честный народ из соседних деревень. Земля с горы смотрится далеко, простор открыт, как будто душа приветливого человека.

Воздух туго бьет в лицо, и жадно вдыхаешь его чистоту, настоящую на полыни, ромашке и малиновых цветах чебреца. Внизу, на округлой площадке, будто нарочно сделанной для артистов, сменяют друг дружку солисты и сельские хоры в народных костюмах, группки старух в старинных домотканых одеяниях и девушки в современных кофточках. О Тургеневе и о Бежином луге песен не поют, их, пожалуй, и нету, но то, что представлено, к радости, ничего не имеет общего с современным многоваттным сотрясанием воздуха. Поют старинное, дорогое, прямо скажем, уходящее, а из современного — доброе, проверенное, выбранное в море разливанном со вкусом и удивительным чувством меры.

Вот печемся мы о том, что старинное уходит на глазах наших — и строения и предметы крестьянского быта, но ведь вот уходит и речь — много слов сочных и выразительных, высмеянных оголтелой речевой посредственностью, тихо утеснились да и исчезли вовсе, стыдясь своего сельского происхождения, и с горечью слышишь ты вдруг из уст исконно деревенского человека вместо хорошего слова «нынче» валящее навзничь своей весткостью «в настоящий момент времени».

Ну и песня отступает, уходит в тени, а потом в небытие, исчезает, до сих пор, к стыду нашему, не записанная ни на бумагу, ни на пленку.

А на Бежином лугу старушки, три пенсионерки, с лицами крестьянскими, строгими, обветренными, загорелыми — две из них бывшие доярки, одна, тоже бывшая, телятница — Мария Петровна Судакова, Татьяна Гавриловна Новикова да Антонина Иосифовна Гордеева — песни принимались петь, как жемчужинки невиданные из сундука метать, и хоть крепко они немолды, ясно, что и для них это песни старинные, бабушек да и прабабушек нынешних старух.

Описывать, как поют в тургеневских местах, — дело ненужное да и неловкое, раскройте «Певцов», и

дело ясно, замечу только, что лица трех старушек миглом преобразились; я ведь их разглядывал до концерта: нарядные крестьянки с руками, грубыми от нелегкой работы, и выражение на лице спокойноравновешенное, кажется, ничем их не выведешь из этого величия. Но вот встали перед народом, затянули песню, и точно занавес с лиц их опал: такое волнение, такая страсть нежданная, такие глубины душевные приоткрылись — другие женщины, другого происхождения, с тонкостью необычайной душевного уклада. Вот тебе и еще одно доказательство, что душа, образ жизни и работы и внешняя образованность — понятия, не совпадающие друг с другом, связанные хоть и всегда, а по-разному.

После трех певиц старые крестьянки будто на состязание вышли, одна группа другой ни в чем не уступает. Лица раскрыты, как и души, приплясывают, пританцовывают и сеют вокруг себя что-то удивительно доброе. Зрители в такт песням прихлопывают, улыбаются, друг на дружку поглядывают с доброжелательством и удовольствием.

Я и заметить не успел, как она присела на тюк сена рядом со мной, услышал только, что старухам кто-то подпевает тоненьким голосом, повернулся — на меня глянули васильковые девчоночьи глазки да от улыбки по носу поехали веснушки.

— Ты что ж, — спросил я, — знаешь эти песни?

— Знаю! — смело ответила она.

— Где же ты их узнала?

— От бабушки. Вон она поет.

Бабушка поет песни вместе со своими старыми подружками, собираются они на ретепици в бабушкиной избе, а рядом внучка — уши топориком, — как же ей не знать, как не помнить, как не петь.

И стало спокойно мне на Бежином лугу.

Не увянут песни, нет. Не увядают же колокольчики на Бежином лугу, повторяется каждый год ромашка, цветут васильки, голубеют незабудки.

Кто придумал это имя тихому полювому цветку — незабудка?

Не-забудь-ка.

Не забудь-ка, Ириша, свою бабушку Аришу Перунову, ее песни и этот луг, близ которого ты родилась. Бежин луг.

Не забудем и мы уголок родной земли, которая с детства согревает нас: вначале — словом великого писателя, потом — если доведется — наслаждением звуками и запахами места, которое есть святыня.

...

Но чего я окрысился на безпамятство, в семье ведь все равно не без урода.

А вот чего. Много праздников во славу Отечества стали праздновать мы — начиная с праздника Пушкина, священного для россиян июньского дня его рождения.

Только вот что надо бы еще. Чтобы это были всенародные праздники. Не только в Михайловском, не только в Болдине, но и там, где Пушкина не было, потому что он не

только где умер, где жил, а повсюду. Он — в нас.

Земля Союза нашего нарожала столько гениев, что нам уж кажется — их много; отчего же тогда иные дорогие и важные дни мы покорно пропускаем, точно это обычность, а не возвышенная возможность без стеснения поклониться прошлому во имя будущего? Отечеству, и молодым его сынам особо, нужны, нужны, нужны всесоюзные толстовские именины. И чеховские. И тургеневские. И горьковские, конечно же. И праздник Репина. И великого Глинки. И Сурикова. И Александра Невского. И Кольцова. И Тимирязева. И Тараса Шевченко. И Низами. И Руставели. И великого армянина Григора Нарекаци.

В перечислении имен достославных не надо соревноваться. Вспомним всех поименно — есть такое выражение, оно к минувшей войне относится, справедливо. Так в какой же кратности верно это применительно к героям и гениям, которые вдохновили на подвиг ратников недавних битв?

И еще. Поклонение должно быть священным. Праздники надо возводить в ранг обета перед духовными ценностями Отечества.

Праздник Бежина луга я бы вознес в праздник поклонения русскому крестьянству, народу-оратаю, в праздник классической литературы, воспевавшей деяния сельского труда.

А это исключает праздное любопытствование, нечестивое собиранье в собственническую коллекцию уже не бутылок с иностранными наклейками, а примечательных мест.

Не было на Бежином лугу битв, как на поле Бородинском, нет тут памятников и могил, и все же спасибо тем, кто причислил этот русский луг к нашим святыням.

Незабудка. Не забудь-ка...

...

А песня, которую спели три старушки — Мария Петровна, Татьяна Гавриловна да Антонина Иосифовна, — такая была:

*Рассадушка растет, стелется,
Черного — люблю, белый — сердится.
Третий станет — сам глазами не глядит,
Только дурно мое серденько болит.
Ой болит, болит, побаливает,
Родна матушка побранивает.*

*Не брани меня, мамашечка-душа,
Не тревожь мое сердца, живота.
Навязался муж постылый на меня,
Спать ложится — отвернется от меня.
Вынимает праву руку с-под меня,
Отойди ты прочь, постылая жена.
У нас с тобой ни лето, ни зима.*

Дмитрий ЧЕЛЫШЕВ,
рядовой,
Минская область

Мелодия

В непроглядном одиночестве,
В неизведанном краю
Так всегда услышать хочется
Мне мелодию свою.
Ночь настала неизбежная,
Задует мой костер.
Холод, незнакомый с нежностью,
Надо мной крыло простер.
Но в груди не стынет мужество,
Снова на ноги встаю
И сплещу — пускай закружится —
Я мелодию свою.
Впереди опять распутица,
Незнакомые края.
Но со мной идет, как спутница,
В жизнь мелодия моя.

Валентин СЕМЕНОВ,
шофер,
Ленинград

Осенний вечер

Окутано поле туманом.
В осиннике смолкли дрозды.
Лишь трактор, урча неустанно,
Все режет лопотью борозды.
И, глазами хитро блистая,
Устроив на пашне обед,
Лисят повзрослевшая стая
Мышкет за трактором вслед.
В деревне затоплены печи,
Кричат петухи на заре...
Мы осенью чувствуем крепче
Привязанность к отчей земле.

Владимир МАКСИМЦОВ,
журналист,
г. Чебаркуль
Челябинской области

Ночь в горах

Огонь терзает запахи лесные,
Усиленные влагою ночной.
Такие ночи — черные, густые,
Переполняют землю глубиной.
В тепле костра —
наш напряженный разум.
За светом —
черной ночи торжество.
Друг на полслове обрывает фразу,
Деревья долго слушают его.
Тревожно лепестки далеких окон
Горят в горах на звездной высоте.
Колдует ночь.
Воздушный женский локон
Высокий дым рисует на стволе.

ЗЕМЛЯ МОЯ — СУДЬБА МОЯ

Под таким девизом проходит наш конкурс одного стихотворения. Напоминаем его условия: в конкурсе могут принять участие все, кто пишет стихи (не члены Союза писателей СССР); обязательно указывайте профессию, фамилию, отчество, возраст, домашний адрес; присылать только одно стихотворение; рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премией «Смены».

Иван БЛОХИН,
преподаватель,
Московская область

Вот она, излучина Свяги.
Рыбная темнеет борозда.
Для кого-то тальники, коряги,
Для меня — любимые места.
Сколько тут оставлено ночевок
Около костра в лопушняке,
Весело, с картошкой печеной
Мы встречали вечер на реке.
Ждали клева

до рассветной зорьки.
А пока улов наш был в воде —
Кто мечтал о дальней новостройке,
Кто-то в небо звездное глядел.
Снова, снова отвожу здесь душу:
Даже кочке камышовой рад,
Так смотрю на ржавую ракушку,
Словно древний обнаружил клад...

Тамара ДЬЯЧЕНКО,
Евпатория

Экстренный вызов

Вечер.
Чуть слышно поет телевизор.
На кухне мурлычет кран.
В дверь барабанят:
— Экстренный вызов,
Товарищ лейтенант! —
Слова отчетливы и упруги:
— Приказ командиром дан! —
Форма.

Ботинки.
Фуражка.
А в руки —
«Тревожный» чемодан.
Секунды то мчатся,
то тащатся еле.
Щелкнул дверной замок.
Хлопают двери, хлопают двери,
Топот десятков ног.

Светит забытый экран телевизора.
Женщин покинули сны.
Жизнь наша —
вечный экстренный вызов
Ради покоя страны!

Вячеслав ФАХРУДИНОВ,
Москва

Пробуждение

Мне надо вернуться к себе самому,
себя самого возвратить
к истокам,
известным лишь мне одному,
когда и по совести и по уму
я знал, как дышать мне и жить!

Весеннее плещется солнце в снега,
как юный и сильный прибой!
Мне надо вернуться —
и вся недолга —
и стать наконец-то собой.
Я верю: помогут леса и лучи.
И помощь их мне дорога.
Как ясно, о чем эта роца молчит!
Как спелые сливы, синеют грачи,
как свод, голубеют снега.

Татьяна ЛИТВИНОВА,
учительница,
Харьковская область

Ос прощальное жужжанье
Взмет в воздухе густом.
До свиданья, до свиданья,
Деревенский добрый дом.

Праздник, сад, осенний праздник!
У меня свои плоды:
Приезжаешь — всяким разным,
Уезжаешь — молодым.

Уезжаешь, уезжаешь,
Но не сгинешь без следа.
Провожаешь, провожаешь —
Не забудешь никогда.

Не пожмешь легко плечами
Там, где все тебе родня.
...Червоточинка печали
В золотом наливе дня.

Виктор ЖОРНИК,
инженер,
Феодосия

В простом, естественном наряде
природа: речка, лес, шалаш.
Замру на полуслове,
глядя,
на этот утренний пейзаж.

Какой простор душе и взгляду!
Гляжу уверенней вперед.
Мне кажется, что счастье рядом,
вот-вот в ладони упадет.

Александр БАЮРОВ,
моряк,
Кронштадт

Водолаз

Скафандра толстое окно
Протерто в сотый раз.
И с корабля
идет на дно
Тяжелый водолаз...

Мы затаили потому
Дыханье в тишине,
Чтоб больше воздуха
ему
Досталось там,
на дне.

Александр КОРМАШОВ,
студент,
Наро-Фоминск

Заблудится солнце
в лохматых верхушках деревьев,
запрыгает белкой
по лапам размашистых сосен,
и будет то время —
мы снова вернемся в деревню,
в простую и тихую,
старую добрую осень.

По вырубкам старым пройдем
стороной полуголой,
по просекам узким,
оврагам и скользким угорам...
Дождь гладит лосиные морды
рукой невеселой,
и камни у поля застыли
в раздумье нескором.

Нас город все держит,
а осень уже на исходе,
и снег на рассвете
сырого асфальта коснется,
а ночью нам снится,
нарушилось что-то в природе
и, словно за белкой,
помчались собаки за солнцем.

Рисунки Ильяса АЙДАРОВА

По многочисленным пожеланиям читателей — любителей спорта «Смена» открывает свой футбольный клуб. Мы назвали его «Надежда» (тоже по совету читателей), потому что интерес к футболу, к любимым командам, тренерам и игрокам всегда связан

с надеждами — на победы в ближайших матчах и в крупных турнирах, на знакомство с новыми именами (потому, кстати, и массовый турнир молодых футболистов, который уже много лет проводит ЦК ВЛКСМ, называется «Кубком надежды»), на торжество красивой, волнующей зрителей игры. А мы к тому же полны надежд, что читатели «Смены» полюбят наш клуб, найдут в нем ответы на все интересующие их вопросы. И поэтому просим направлять в редакцию отклики и пожелания. Ждем ваших писем.

Взгляд

МЕЧТА

У сборной СССР — юбилей. Шестьдесят лет назад, в сентябре 1924 года, эти два слова — «сборная страны» — появились в нашем спортивном лексиконе. Сбылась извечная мечта болельщиков: увидеть на поле одновременно, в едином коллективе самых лучших, самых любимых игроков. Дореволюционная сборная России, собиравшаяся от случая к случаю, случайно и складывалась и никаких лавров не снискала. А сборная СССР свой первый же международный матч выиграла с блеском (3:0) у команды Турции.

И вот юбилей. И в эти юбилейные дни наша главная команда вступает в борьбу в очередном чемпионате мира — 12 сентября она проведет первый отборочный матч в Дублине. Сборная улетает в Ирландию, образно говоря, на крыльях нашей мечты — мечты увидеть ее наконец красивой, смелой, торжествующей победой. Конечно, не только в Дублине и не только в конце отборочного цикла, но и на чемпионате мира в Мексике. Мы мечтаем увидеть ее вновь такой, какой она не раз представляла перед нами за шесть десятков лет своей истории. Не раз, но, к огромному сожалению, и не так часто, как этого хотелось нашим любителям футбола, а имя им — легион.

Юбилей... А лишь два месяца назад прошел финальный турнир чемпионата Европы, куда сборная СССР не пробилась. В третий раз подряд не попала на финал команда, которая в 1960 году выиграла первый такой континентальный турнир, которая в 1964 и в 1972 годах становилась вторым призером европейского первенства. Не слишком ли много разочарований, наших несбывшихся мечтаний в это последнее десятилетие?

Ведущие клубы страны за те же годы стали сильнее, в европейских турнирах они выигрывали у многих именитых соперников, дважды выигрывали и эти турниры, выступали в финалах и полуфиналах. На передовые позиции в чемпионате страны вышли

ОЛЕГ БЛОХИН — ЛУЧШИЙ БОМБАРДИР В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ФУТБОЛА.

Фото Юрия СОКОЛОВА и Григория ТЕРЗИБАШЬЯНЦА

Футбол — это надежда
Надежда — это футбол

ВЫПУСК 1-Й

О СБОРНОЙ

команды городов, недавно считавшихся футбольной провинцией. Юниоры были чемпионами мира и Европы, молодежная сборная побеждала в первенствах континента. За эти же годы были предприняты невиданные прежде организационные меры в деле подготовки резервов: когда-то и мечтать мы не смели о такой сети детских и юношеских футбольных школ!

И только о настоящей сборной продолжаем лишь мечтать. Когда она уверенно завоевала путевку на чемпионат мира-82, казалось, мечта близка к осуществлению. Но вновь — отказ от смелой, активной игры, вновь — промахи в руководстве командой, вновь — безволие и меркантилизм. Словом, очередное разочарование.

Но надежда, как известно, погибает последней. И сегодня, когда сборную возглавил новый тренер, когда мы верим, что больше никогда ею не будут руководить так, как, скажем, год назад, когда восстановлены в правах принципы нашей спортивной педагогики и вместе с ними понимание того, что футбол не вещь в себе, а существует он для людей, — сегодня, в юбилейные дни сборной, мечта увидеть ее возрождение, мечта миллионов ее поклонников должна окрылить и опытных мастеров, и молодежь ее пополнение, и молодого тренера Эдуарда Малофеева. Тренера, который, пожалуй, первым из тренеров «новой волны» провозгласил «закон наследования», необходимость профессионально-творческой преемственности, продолжения традиций тех, кто в течение пяти десятилетий, из поколения в поколение, создавал главную команду страны, как безусловное требование. Требование сохранить, а сегодня и восстановить морально-нравственные и чисто спортивные традиции сборной Советского Союза.

Пока существует футбол, не покинет нас и мечта о сборной — мечта постоянно видеть ее среди лучших в мире.

Валерий ВИНУКОВ

Долг откупать ты родом

В нашем футболе немало было замечательных игроков, которые всю свою спортивную жизнь провели под флагом одной команды, защищая цвета только одного клуба. Нет, нет, речь не пойдет о так называемых переходках, которые были, есть и будут, регламентированные соответствующими положениями и инструкциями. Речь пойдет о юношах, вступающих в большой футбол.

Когда услышишь новое имя и увидишь на поле нового юного игрока, всегда хочешь узнать, я бы даже сказал, испытываешь потребность узнать, откуда он своим футбольным родом, кто его открыл, нашел, воспитал. Знание это рождает обязанность, если есть возможность, сказать об этом вслух, назвать и поддержать скромного зачастую тренера, честно выполняющего свой долг и живущего порой вдали от футбольных столиц.

Слов нет, футбол высшей лиги обязан принять каждого талантливого

игрока, обеспечить его развитие на общее же благо. Поэтому прекрасно, когда клуб-чемпион принимает в свои ряды парнишку из провинциального городка или столичная команда — воспитанника сельской школы. Но и в этом случае негоже приписывать себе славу «первооткрывателя», напротив, надо как можно чаще вспоминать имя того, кто сеял и растил.

На недавнем юношеском чемпионате Европы, который заслуженно привлек всеобщее внимание у нас в стране и за рубежом, телекомментаторы то и дело рассыпались в похвалах клубам с громкой славой, делегировавшим игроков в сборную страны. «Воспитанник киевского (или тбилисского) «Динамо», — сообщали про одного. «Игрок команды — чемпиона страны», — говорили про другого. И выглядело это, мягко говоря, антипедагогично. Потому что Горилый и Татарчук, к примеру, в Киев переехали совсем недавно из Сим-

ЗАДОРНО ИГРАЮТ ЮНИОРЫ.

ферополя и Львова, Медвидь в Харькове — из Ужгорода, Зейберлиньш в Ростове-на-Дону — из Латвии. Капитан юниорской сборной Чедия воспитали не тбилисские тренеры, а М. Хурцилава в Зугдиди, «диспетчера» сборной Художилова — не днепропетровские тренеры, а Г. Варжеленко в никополюском районном сельском интернате.

Не знаю, что тут сыграло свою роль: незнание или желание угодить тренерам знаменитых клубов, но ведь как просто и в высшей степени благородно было бы теплым упоминанием поощрить работу тех, кто фактически растил молодую поросль, будущее нашего футбола.

Непедагогично забывать первых учителей еще и потому, что неуважение к учителю, проявленное другими в какой угодно форме, порой может пагубно сказаться на отношении к учителю и самого ученика, — речь ведь шла о юношах, только что попавших из безвестности в поле всеобщего обозрения, на экраны телевизоров, на страницы печати.

Нет дерева без корней, и если дереву суждено стать большим, тем более ему без крепких корней не обойтись. Но наши корни ведь не в земле в отличие от деревьев, а в тех людях, которые создали нас. Ухаживая за молодым деревцем, мы, по существу, ухаживаем за его корнями. Так не будем забывать об этом — и для того, чтобы наш футбол был животворным, плодоносил, и для того, чтобы юноши, входящие в мир большого футбола, навсегда оставались крепко связанными с теми людьми, которые отдавали им и своей труд и свое сердце. Надо воздавать почести тем, кто их заработал. Упоминание при всем народе — это тоже поощрение, которое поднимает учителя и в глазах будущих учеников. Ведь воспитание многогранно, а юношеский футбол — школа, нуждающаяся в высокой и умной педагогике.

Борис ШУРДЕЛИН

«Если будет у «Смены» футбольный клуб, журнал сможет чаще рассказывать о мастерах футбола, которые своей игрой, своим примером так много делают для привлечения ребят в детские спортшколы, в команды «Кожаного мяча». Уверен, что эти публикации удачно дополнят то, что «Смена» будет писать о футболистах в любимейшей нам рубрике «Спортивный автограф», — написал из Пензы В. Семенов, наш постоянный читатель. Он и предложил начать рубрику «Мастера» с рассказа о полузащитнике сборной СССР Х. Оганесян. Такая же просьба в письмах школьников И. Дугина и Ю. Иванкова из Каменска Ростовской обл., студента П. Смирнова из Караганды, семьи Тальзыных из Керчи, семьи Беркутовых из Томска, В. Лизуна из Ровенской обл., С. Вересовой из Грозного и многих других.

Мастера

ХОРЕН ОГАНЕСЯН

Жалеть, что человек не родился на несколько лет раньше? Пустая блажь. И все же не могу побороть ощущение, что Оганесяну обидно — самую малость разминус с тем «Араратом», где была целая плеяда мастеров во главе с Маркаровым и Андриасяном, с «Араратом» чемпионского достоинства. Он как нельзя лучше пришелся бы ко двору в той команде, да и она высветила бы, отчеканила его талант. Оганесян едва начал в ней, а она, та команда, уже заканчивалась, себя исчерпав. При нем, в весеннем чемпионате 1976 года, «Арарат» по старой памяти схватился с московским «Динамо» в борьбе за первое место, но не выдержал. А в осеннем сполз на 14-е. И больше не покушался на лидерство.

Все свои футбольные годы Оганесян провел в своеобразной, несколько странной роли вожжа команды, не имеющей запросов. Правда, «Арарат» сберег свою игровую манеру, сплетенную из мягкой ловкости и неистовых взрывов, что позволяло ему время от времени отводить душу, задавая

трепку то киевскому «Динамо», то «Спартак», то вдруг, словно по заказу, на спор, подряд всем московским клубам на их стадионах. «Арарат» остался зрелищно привлекательным, но засучив рукава играл изредка, трудно было угадать, когда его осянет вдохновение.

Оганесян тем не менее всегда был виден и различим, можно сказать, возвышался, не будучи велик ростом. Он и игру направлял и голы забивал, многие из которых редкостной красоты. Его умелость настолько выпирала, что тренеры сборной, хотя они, как водится, менялись, неизменно его приглашали.

Одна из нередко встречающихся ситуаций: команда средней руки и состоящий в ней мастер высокого класса. Случается, что такого мастера засасывает болото заниженных требований. Другого полностью устраивает собственная исключительность, он не прочь похвастаться, сверкнуть в выгодных эпизодах, зная, что любую победу свяжут с его именем. Бывает, что команда старательно работает на своего выдающегося товарища, заботится, чтобы он увенчивал ее игру, он к этому привыкает и невольно сужает свою задачу.

Поведение Оганесяна не укладывается ни в один из ходовых образчиков. Он на редкость добросовестно и уравновешенно исполняет обязанности атакующего полузащитника, оставаясь заодно с партнерами, никаких выгод и привилегий для себя не ищет, со всеми по-братски делится и мячом, и удобными ситуациями. Просто он эти обязанности выполняет настолько хорошо, что, само собой, делается центральной фигурой. И, кроме того, природное предощущение игры помогает ему брать на себя смелость, как только позволит обстановка, выскакивать на голевую позицию и наносить удар, превращаясь в самого что ни на есть форварда. Он забивает регулярно, но, повторю, не потому, что на него играют остальные, а потому, что он сам записал это в свою роль. Мне он представляется футболистом, прежде всего наделенным человеческим тактом. Ни малейшего позерства, никакого желания пока-

зать: «Я Оганесян, не кто-нибудь!» И такт этот превратил его в большого мастера вернее, чем если бы он старался во что бы то ни стало доказывать, что он большой мастер.

И в сборной Оганесян на месте. Разве что чуточку, иногда, в каких-то эпизодах дает себя знать его тактическое одиночество. Там он рядом с игроками ведущих клубов, привычками годами изо дня в день действовать на поле по строгому рисунку, когда все взаимодействия отработаны, привычны, построены на равном участии. Оганесян же его клубная жизнь к этому не приучила, не избаловала его в лучшем смысле слова четкими, разумными откликами на каждый ход, может быть, даже не обязала так, как других, полностью доверять партнерам. Словом, издержки привычек, приобретенных в «Арарате», играющем складно лишь изредка, у Оганесяна, полузащитника сборной, нет-нет да и прорываются. Иногда думаешь, что Оганесяну, умеющему и знающему практически все, провести бы сезон в клубе с регулярной игрой, борющемуся за самые высокие места, и слетели бы с него заусеницы вольных лишних движений и порывов, которые он, сам того не желая, приобрел в «Арарате». Да и меньше было бы в его душе отметин разочарования. Не счесть, сколько он провел мячей, которые не удерживали победу.

Широкий в груди, коренастый, с литыми мускулистыми ногами, похожий на знаменитых армянских тяжелоатлетов, Оганесян с первого же шага, с первого рывка оказывается, может быть, несколько неожиданно стремительным, как бы обтекаемым, созданным для извилистых путей, внезапных остановок, ложных поворотов, и мяч покорно следует его намерениям, летит то ласково, то хитро, то с карающей, злой силой. У него доброе лицо сильного человека. Футбол ему впору, как и футболу. Это впечатление, создающееся быстро, решительно укрепляется многократными подтверждениями. Он выдержан, с головой уходит в игру, увлечен, на него приятно смотреть, футбол зрителям он преподносит в подарок.

Он свой человек в «Арарате». Для родного клуба он больше чем капитан, чем бомбардир, забивший сотни мячей. Оганесян — прообраз тех мастеров, которым предстоит вновь поднять престиж клуба, он живая память, факел, передаваемый от «Арарата» начала семидесятых годов в будущие сезоны. Такого рода игроки в жизнь футбола вносят нечто, не поддающееся формальным измерениям, их влияние не зависит от того, есть ли у них медали. Они хранители игры, благодаря им высекаются искры неугасаемого интереса к футболу.

Лев ФИЛАТОВ

**Спорт
в нашей
жизни**

ПЕРЕД ГЛАВНЫМ МАТЧЕМ

БЕСЕДА О ШАХМАТАХ ДЛИНОЙ В ДВА ГОДА

Летом 1981 года в «Смене» был напечатан очерк «Семнадцатилетний капитан» о молодом бакинском гроссмейстере Гарри Каспарове. Очерк заканчивался пожеланием председателя Федерации шахмат СССР, дважды Героя Советского Союза Виталия Ивановича Севастьянова как можно чаще наблюдать встречи двух замечательных советских шахматистов Анатолия Карпова и Гарри Каспарова (перед выходом журнала они сыграли три партии и все вничью). И вот 10 сентября 1984 года наши гроссмейстеры начнут матч за звание чемпиона мира.

Путь Каспарова к этому матчу был стремительным. На протяжении всего претендентского цикла авторы материала неоднократно беседовали с бакинским гроссмейстером. Записи этих бесед мы и предлагаем читателям журнала, которому когда-то давал интервью и юный Анатолий Карпов, тогдашний претендент на лавровый венок.

Летом 1982 года мы передали по каналам АПН за рубежом: «Успехи 19-летнего бакинского гроссмейстера Гарри Каспарова, чей рейтинг (2660 по системе Эло) сейчас второй после чемпиона мира, привлекают внимание всех любителей шахмат. Похоже, что на этого высокого, широкоплечего юношу (рост 178 см, вес 68 кг) авторитеты никакого действия не оказывают. Блестящая победа Каспарова на турнире 14-й категории в Бугойно (Югославия) лишний раз укрепляет в этом мнении».

Претендентский цикл начинался в июле 1982 года в Лас-Пальмасе (Испания), еще два межзональных турнира стартовали в августе и сентябре в Мексике и Москве. Мы попросили Г. Каспарова дать прогноз: кто выйдет в следующий круг отбора претендентов?

— Тимман (Голландия) и Псахис (СССР) в Лас-Пальмасе; Полугаевский (СССР) и Сейраван (США) в Мексике; Белявский и Каспаров в Москве, — ответил Каспаров, и как видите, исключая свой турнир, ничего не угадал: успеха добились Смыслов, Торре (Филиппины), Рибли и Портиш (Венгрия).

— Когда вы начали подготовку к межзональному турниру?

— Я начал ее с первых дней июля. В июне был занят экзаменами в институте (Каспаров — студент английского факультета Института иностранных языков, сейчас он перешел уже на пятый курс). В течение десяти дней сдал пять экзаменов и не пропустил ни одной телетрансляции с чемпионата мира по футболу.

— Один из ваших преподавателей сказал, что вы за день великолепно подготовились и практически знали наизусть два учебника?

— Он преувеличивает, хотя на память пока не жалуюсь. Дело в том, что предпочитаю заниматься не только по учебникам, но и максимально использовать справочную литературу. Если я обычно встаю в половине девятого, то в день экзамена — в шесть утра и повторяю весь материал.

— Есть ли секреты в вашей шахматной подготовке?

— В конкретно шахматной — секреты есть. А в общих чертах рассказать могу. На два месяца я уеду в Загульбу (курортное место на берегу Каспийского моря в 45 километрах от Баку). Там в пансионате начну разбирать шахматные партии. Буду много плавать, правда, я обещаю маме, дальше, чем на 800 метров, в море не заплывать, играть в футбол. И, конечно, возьму свой любимый велосипед. Фирма «Пежо» подарила мне гоночную машину. Я разогнался на ней до 50 километров в час. Во время шахматных тренировок слушаю песни Аллы Пугачевой и Владимира Высоцкого.

— Это не имеет прямого отношения к шахматам. А что конкретно будет связано с ними?

— Буду изучать всю выпущенную за последние годы шахматную литературу. Плюс ежедневный разбор собственных партий, в основном неудачных.

— Как вы относитесь к постоянным разъездам?

— Здесь вступает в силу закон диалектики о единстве и борьбе противоположностей (гроссмейстер только что сдал экзамен по философии). Мне нравится знакомство с новыми городами, но я скучаю по дому. Один раз меня не было в Баку пятьдесят пять дней, думал, что не выдержу, брошу все и вернусь.

— Что вы сейчас читаете?

— «Историю французской революции» князя Кропоткина. История навсегда останется моим самым любимым занятием после шахмат.

Спустя три месяца после этого интервью, в конференц-зале гостиницы «Спорт» на Ленинском проспекте начался московский межзональный турнир. Здесь прогноз Каспарова полностью оправдался, и в следующий этап он вышел вместе с Александром Белявским.

Первый наш вопрос победителю касался его шансов в дальнейшей борьбе. Мы, как и многие корреспонденты, вспомнили слова 22-летнего Анатолия Карпова: «Это не мой цикл», — и ставшего спустя восемь месяцев чемпионом мира.

— Сейчас мне трудно говорить о своих шансах, но повторить высказывание чемпиона не могу, ибо это значило бы покривить душой: я считаю, что могу продолжать борьбу за шахматную корону. По-прежнему глубоко убежден, что соперником Карпова станет шахматист молодого поколения. Шахматисты моложе 35 лет составили более половины участников цикла впервые за много лет. Несмотря на опыт шахматистов старшего поколения, шансы молодых выше. На их стороне честолюбие, физическая сила и крепкие нервы. Однако проблема отцов и детей надуманная. Потому что в шахматах нет возрастных барьеров. Пример Василия Васильевича Смылова показывает, что годы не помеха.

Шахматные обозреватели, уже тогда привыкшие к ярким победам бакинца, отметили, что на первом этапе межзонального цикла он выглядел несколько скованным. Каспаров это мнение не опровергал.

— Действительно, я играл поначалу натруженно и без легкости. В первой половине турнира во главу угла поставил осторожность, полагая, что на такой короткой дистанции любая неожиданность может оказаться решающей. После партии с Андерссоном, чудом спасенной, я полностью успокоился, поняв, что не только я нервничаю. В какой-то степени мне помогало то, что меня побаивались.

После Московского межзонального турнира состоялась шахматная Олимпиада. Вторая в жизни

Каспарова, и играл он теперь на второй доске. Здесь, в Люцерне, он стал двукратным олимпийским чемпионом, здесь жребий назвал и его соперника в четвертьфинальном матче — Александра Белявского. Естественно, мы сразу же заинтересовались мнением Каспарова о своем сопернике.

— Человек необыкновенной работоспособности, Белявский особенно силен, когда у него есть время для подготовки. Плюс к этому — умение постоянно вести силовое давление на доске и редкое самообладание. Вспомните московский межзональный турнир. Никого судьба не била так, как Белявского. Неудачный старт, проигрыш в предпоследнем туре партии, в которой Белявский имел лишнюю ладью. Не представляю, кто бы еще мог оправиться после таких ударов. То, что совершил Белявский, выйдя в число претендентов, — настоящий спортивный подвиг. Победить Белявского можно только изобретательностью и нестандартным подходом к каждой партии.

Любопытно отметить, что Михаил Моисеевич Ботвинник, наставник молодого бакинца, сразу сказал, что его подопечному повезло: ведь Белявский тоже не имеет никакого опыта матчевых встреч. Смыслов, например, в четвертьфинале вполне мог, по мнению Ботвинника, и обыграть Гарри.

Матч с Белявским закончился в марте 1983 года. В ходе соревнования Каспаров узнал, что ему присужден «Оскар» 1982 года (приз ведущих обозревателей мира лучшему шахматисту года). До этого «Оскаром» восемь раз владел Анатолий Карпов.

В августе Гарри предстояло сесть за шахматный столик против Корчного. Еще никто не подозревал, что матч будет перенесен на ноябрь, да и вообще весь цикл окажется под угрозой.

У Каспарова еще к встрече с Белявским сложилась тренерская «команда», куда вошли Александр Никитин и Александр Шакаров, московский и бакинский мастера, занимающиеся с Гарри почти десять лет, международный мастер из Алма-Аты 23-летний Евгений Владимиров (Гарик) играл с ним еще в юношеских турнирах) и гроссмейстер из Новосибирска Геннадий Тимоценко. А неофициальный капитан этой «команды» — мама гроссмейстера Клара Каспарова, инженер по образованию, в недавнем прошлом руководитель лаборатории в одном из бакинских научно-исследовательских институтов. На тренировочных сборах сына она вела строгий режим, распорядком напоминающий рабочий день научной лаборатории.

— Вы проиграли Белявскому одну партию — четвертую. Как перенесли неудачу?

— I оряю переживал, но трагедии из проигрыша не делал. Белявский проявил большое упорство в небезошибочной партии; я могу показать три такие ошибки у себя, две — у моего соперника. Вообще же до сих пор, играя в турнирах, я после поражения, как правило, уже в следующей партии добивался победы. Так получилось и в матче.

— Шоколад «Вдохновение» во время партии: что это — рекомендация медиков или просто любовь к сладкому?

— Никаких рекомендаций на этот счет я, конечно, не получал. Любовь к шоколаду у меня сохранилась с самого раннего шахматного детства. Сначала просто нравилось, а став старше, понял, что шоколад дает ощущение сытости во время партии. После дегустирования многих сортов шоколада остановился в 1979 году на «Вдохновении», которым меня тогда угостил тренер Никитин. К тому же мне очень нравится название.

— После четвертой партии комментаторы выразили в прессе мнение, что вы, прекрасно атакуя, «не достигли еще в совершенстве тонкостей высокого искусства защиты». Что бы вы могли возразить по этому поводу?

— А зачем возражать? Я и в нападении не постиг еще в совершенстве всех тонкостей «высокого искусства». Безусловно, я защищаюсь хуже, чем атакую, но это грех большинства шахматистов.

— Как вы оцениваете свои шансы перед предстоящим матчем?

— Мне кажется, преимущество, пусть небольшое, на моей стороне. Не последнюю роль здесь играет возраст.

— Четвертьфинальный матч с Белявским — ваш первый матчный опыт. Что он вам дал перед встречей с шахматистом, который сыграл официальных матчей больше, чем кто-либо?

— Я реально осознал, сыграв свой первый матч, что постоянное соперничество только с одним противником значительно отличается от турнира. Здесь очень велико психологическое напряжение. Так что, помимо тренировок шахматных и спортивных, я занимаюсь и психологической подготовкой.

— В последних встречах с советскими гроссмейстерами Корчной обычно создавал напряженную ситуацию вокруг матча. Готовы ли вы к психологическим неудобствам в предстоящем состязании?

— Трудно сказать. Ведь в моей встрече с Белявским не было подано ни одного письменного или устного протеста.

— В Советском Союзе много всемирно известных шахматистов. Почему же в вашей подготовке принимают участие мастера, которые на международной арене не прославились?

— Для меня главное не имя, а человек, с кем у меня полный контакт, который работает со мной не по обязанности и не из одолжения. Делить нам нечего, встреча за доской в ближайшем будущем не предстоит, и наши тренировки являются взаимобогащающими.

— Как вы добились такой отличной физической формы?

— При росте 178 см я сейчас вешу 72 кг. Свои спортивные занятия рассчитывал по тестам Купера. Людям в возрасте от 20 до 30 лет, находящимся в хорошей спортивной кондиции, достаточно пробегать через день 3,2 километра не больше чем за 16 минут. Я пробегаю это расстояние по песчаному пляжу за 12 минут. Занимаюсь еще и упражнениями, которые дают нагрузку практически всем мышцам, и, конечно, играю в футбол.

Как известно, матч в Пасадине не состоялся. Лишь в ноябре в лондонском отеле «Грей-Истэри» прошли оба полуфинала.

— Теперь, когда сыграны уже два претендентских матча и приобретен определенный опыт, вы, очевидно, можете провести более четкую черту между двумя видами соревнований — матчевыми и турнирными. С точки зрения подготовки. Игры. Нагрузок — психологических и физических.

— Все-таки матч сложнее. Если противник искушен в тонкостях матчевой борьбы, можно столкнуться с ситуациями, которые просто выбивают из игры. В турнире результат отдельной партии может не повлиять на конечный результат, в матче же каждая партия оказывает влияние на его течение. И нервное напряжение не спадает до самого последнего хода. Но если подготовка к матчу удалась, то он может сложиться легче, чем турнир. Это в том случае, если сумеешь диктовать свою волю. Физические кондиции? В матче они не имеют такого значения, как в турнире. Играть надо через день, и если нет доигрывания, то восстанавливаться легко. Все же физическая усталость приходит незаметно и из-за психологических перегрузок.

И тут мы задаем вопрос, который задавали совсем недавно, но теперь получаем на него противоположный ответ. Каспаров так же бы-

стро, как двигается вперед в спорте, набирается жизненного опыта, и уже трудно поверить, глядя на поседевшего, именно поседевшего молодого гроссмейстера, что мы знали его еще застенчивым 12-летним мальчиком.

— О проблеме отцов и детей в шахматах. Существует ли такая?

— Эта проблема в какой-то мере существует. Шахматы — игра многогранная, и каждый использует в ней какие-то свои козыри: позиционные, теоретические, дебютные. Но в матчевой борьбе приобретают особое значение физическая готовность и опыт. Что касается предстоящего матча, то во время его проведения мне исполнится 21. Смыслову — 63. С одной стороны — запас сил, энергия, пробивная сила, с другой — колоссальный опыт. Стиль Василия Васильевича ближе к решению именно этого противоречия. У Смыслова природное чувство гармонии. Часто он расчеты заменяет интуицией, построенной на этом чувстве, и оно его не подводит.

Наша последняя беседа состоялась в Вильнюсе, после победы в финальном матче Аллы Пугачева, которая гастролировала в столице Литвы, вышла после концерта за руку с Каспаровым на площадь, где ее, как обычно, поджидала многотысячная толпа поклонников, и воскликнула: «Каспарову, ура!» Почитатели мгновенно отозвались. В Вильнюсе же Каспаров узнал о присуждении ему второго «Оскара».

— Со стороны кажется, что победа в финальном матче далась вам без особого труда. Так ли это?

— Ни в коей мере. Смыслов играл хорошо, во всяком случае, никак не хуже, чем в матчах с Робертом Хюбнером и Золтаном Рибли. Я особенно чувствовал силу его игры в начале матча, когда экс-чемпион мира боролся просто прекрасно. Первые пять партий протекали в жесткой борьбе, которая здорово изматывает. Мне казалось, что у меня был некоторый перевес в дебютной подготовке, я мог по ходу соревнования без боязни менять дебютные системы. Словом, борьба была нелегкой, и считаю победу в этом матче своим наивысшим пока достижением. Очень рад, что удалось не проиграть ни одной партии. Ведь следующий матч — за звание чемпиона — будет играть до шести побед, и там умение не проигрывать может приобрести решающее значение: каждая спасенная тяжелая позиция будет стоить дорого.

— Складывается впечатление, что, вступив в борьбу претендентов, вы с каждым новым соревнованием прибавляли, усиливали игру...

— Со стороны, возможно, виднее. Мне же кажется, что стоит вести речь не столько об усилении игры в матчах, сколько о повышении качества подготовки к ним. Перед четвертьфиналом у меня, как и у моих тренеров, отсутствовал опыт матчевой борьбы. И потому каждый фрагмент каждого нового матча давал нам неоценимую информацию для дальнейшей подготовки.

— Удавалось ли на какое-то время отключиться от шахмат? Как вы отдыхали?

— В кино попал лишь раз. Зато много гулял, кормил орешками ручных белок в парке у нашей гостиницы. На ночь прочитывал одно-два из нравственных писем Сенеки. Получал истинное наслаждение.

— Как думаете распорядиться временем, оставшимся до встречи с Анатолием Карповым?

— Съезжу на несколько дней в Испанию, куда приглашен, чтобы получить шахматного «Оскара». Месяц отдохну от шахмат. Затем начнется непосредственная подготовка к решающему матчу. Готовиться будем дома, в Азербайджане.

— До сих пор вы трижды встречались с Анатолием Карповым, и всякий раз игра приходила к мирному исходу. Не можете ли припомнить, как протекали эти поединки?

— Все три партии состоялись три года назад, когда чемпион мира имел дело практически с другим шахматистом. Третья партия, сыгранная в апреле 1981 года, не заслуживает серьезного комментария: к ее началу Карпов уже обеспечил себе первое место в московском «Турнире звезд», и я был не в состоянии ни морально, ни физически дать бой, хотя и играл белыми. В первой же нашей партии мне удалось получить перевес, но пути к его реализации я не нашел, а чемпион великолепно раскрутил свои фигуры и в итоге даже достиг чуть лучшей позиции. Во второй встрече Карпов, игравший белыми, стремился к выигрышу, но, как мне кажется, несколько просчитался в вариан-

тах — пожертвовал пешку в неправильной редакции и затем предложил ничью. Я ее отклонил, но ничего реального не создал, а в наступившем обоюдном цейтноте уже Карпов отказался от мирного соглашения. Потом ошибся я, и все свелось к абсолютно равной позиции.

— Что может сказать претендент на мировое первенство о чемпионе мира?

— Вот уже девять лет Карпов — сильнейший шахматист мира не только формально, по званию, но потому, что действительно превосходит всех своих соперников. Он поднял шахматы на необыкновенно высокий уровень; благодаря ему возросли в целом и техника защиты и техника разыгрывания окончаний. Безусловно, он сейчас шахматист номер один.

— Но в последние два года журналисты, пишущие о шахматах, присуждали «Оскара» не чемпиону, а вам. И рейтинг, то есть индивидуальный коэффициент, у вас выше.

— Журналистам надо было выбирать из двух шахматистов, добившихся в турнирах примерно равных достижений, — тут субъективизм неизбежен. Допускаю, впрочем, что отсутствие на протяжении многих лет реальной конкуренции не пошло на пользу чемпиону мира. Что касается рейтинга, то между нами разница не более десяти пунктов, это пустяк.

— А есть ли какие-то преимущества у претендента?

— Возможно, я не уступаю или даже превосхожу чемпиона в позициях, где многое решает фантазия. Вопрос в том, как получить, играя с ним, подобные позиции.

— Как и Карпов, вы проигрываете чрезвычайно редко. Мы подсчитали, что за три года из 92 официальных партий вы потерпели поражения лишь в пяти. Сколько же, по вашему мнению, может длиться между вами матч до шести побед?

— Он, конечно, не должен быть коротким. Наиболее реальная цифра, как мне кажется, 28—30 партий.

— Сохраняется ли в силе ваш прежний тезис: играю не против человека, а против шахматных фигур?

— Я по-прежнему исхожу из основополагающего принципа: чтобы выиграть, надо делать ходы более сильные, чем соперник. Другое дело, что теперь, готовясь к тому или иному матчу, я учитываю не только шахматные привязанности соперника, но и пытаюсь моделировать его поведение в различных ситуациях, предполагаемых в будущем матче.

— Как, по-вашему, может сложиться поединок с чемпионом мира?

— Некоторое психологическое преимущество у меня. Ведь банальное выражение «Удержать звание гораздо труднее, чем завоевать его в первый раз» остается неоспоримой истиной. Карпов гибче распределяет силы, у него больший опыт матчевых поединков. Его стиль игры более рационален. Не забывайте: в 1975 году, когда Карпов стал чемпионом, я был кандидатом в мастера. Каждый чемпион — это эпоха в шахматах. Выдающихся шахматистов было и есть десятки, чемпионов всего двенадцать.

**Виталий МЕЛИК-КАРАМОВ,
Алексей СРЕБНИЦКИЙ.**

СОГЛАСЬЕ СТИЛЯ, ВКУСА, ЦВЕТА

Светлана КУНИЦЫНА,
искусствовед.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Это был настоящий парад мод. Ведущие дома моделей Российской Федерации, Украины, Прибалтики, Средней Азии показали свои перспективные коллекции в дни проходившего в Челябинске всесоюзного семинара по проблемам молодежной моды.

Как сократить путь новой модели до прилавка магазина — пожалуй, это один из главных вопросов, обсуждавшихся на семинаре. Вот как на него отвечают, например, в Челябинске. Комсомольско-молодежная фирма «Эталон» здешнего торгового центра предлагает покупателям очень красивые вещи: стеганые уютные пальто, комплекты из «смесовых» тканей, летние асимметричные сарафаны — посмотришь на них, и кажется, что они сошли прямо с картинок журнала мод. Любопытная деталь: художник-модельер, художник-консультант и искусствовед фирмы — появление этих специалистов в торговле, кстати, находка «Эталона» — работают в самом тесном контакте с местными швейными предприятиями. Может, поэтому новые модели внедряются здесь в 3—4 раза быстрее обычного. (Увы, как часто контакт модельеров и промышленности нарушен.)

Семинар в Челябинске убедил, что недостатка в новых идеях нет. Дело за одним — наиболее интересные воплотить в жизнь. Художников-модельеров с их многообразными предложениями объединяет стремление сделать одежду для молодых удобной, легкокомбинируемой, простой по крою, максимально приспособленной к условиям современной динамичной жизни. Мода сегодняшнего дня внимательно прислушивается к советам специалистов разных профессий. Например, химики предлагают новые материалы и способы их обработки, дизайнеры — удобные застежки, съемные детали. Не так-то просто добиться гармоничного сочетания в костюме всех лучших качеств, да еще с учетом возможного тиражирования. Опыт домов моделей страны доказывает, что эта задача вполне посильна.

Новые по форме, стилю, крою модели — куртки, жакеты, юбки-брюки, комбинезоны со множеством карманов, застежек-молний, кнопок — выглядят очень современно, органично вписываются в городской пейзаж. Представленные на снимках платья и костюмы лишний раз подтверждают, что тонкие шелка, широкие юбки, воздушные воланы, так же, как комбинезоны и туники с цельнокроеными рукавами, вполне приемлемы в современной одежде для молодежи.

ЭТИ ИЗЯЩНЫЕ ПЛАТЬЯ И КОСТЮМЫ ПРЕДЛАГАЮТ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ ХУДОЖНИКИ-МОДЕЛЬЕРЫ ОБЩЕСОЮЗНОГО, НОВОСИБИРСКОГО И ЧЕЛЯБИНСКОГО ДОМОВ МОДЕЛЕЙ.

легкой руки кого-то из музыкальных критиков за великолепным французским шансоном Жильбером Беко закрепились весьма лестная для артиста характеристика: «Месье Миллион Вольт». Речь шла о неукротимом темпераменте певца, а не о выходных данных применявшейся им усилительной аппаратуре. Увы, творческие свершения многих групп в последние десятилетия легче и надежнее измерять величинами из области электротехники, нежели категориями музыкальной, вокальной и текстовой культуры. Аббревиатура ВИА обрела некий надоедливо-раздражающий привкус: слишком уж много одинаковых, как пластмассовые стаканчики, компаний, вооруженных инструментами, подключенными к необходимому — без них не обойтись! — мощнейшим электронным усилителем, промелькнули на эстрадных площадках, на экране телевизора, прозвучали в радиопрограммах. Количество в принципе должно переходить в качество. Но, увы, это не столь всепобедающе проявляется в сфере, что именуется «легкой музыкой»...

С такими примерно размышлениями я шел на концерт итальянской группы «Матиа базар», на первый концерт в Москве — он состоялся в помещении Московского театра оперетты, и, наверное, зал с его классически старомодной золотой лепкой и нависающим над партером могучим каскадом хрусталя не был вполне точной декорацией для ансамбля в высшей степени современного исполнительского стиля. Вероятно, комплекс «Олимпийский», где прошли московские гастроли коллектива, подходил много больше.

Итак, вначале — краткие «анкетные данные»...

Год рождения группы — 1974-й. Состав — пять человек. Вот их имена и занимаемые «должности»: Джан карло Гольци — ударные, вокал; Альберто Монпельо — клавишные; Альдо Сальваторе Стеллита — бас-гитара; Карло Маррале — соло-гитара, вокал; Антонелла Руджиеро (ее сценическое имя — Матиа, от него и название ансамбля) — солистка. К этому нужно прибавить, что Карло Маррале — ком-позитор, им написаны почти все песни, прозвучавшие во время гастролей в СССР (до Москвы группа выступала в Риге и Ленинграде). Авторы большинства текстов — Стеллита и Гольци.

Группа выпустила девять дисков-гигантов, наибольшую популярность и наивысшую оценку музыкальной критики (что, как известно, далеко не всегда совпадает) завоевали диски «Берлин, Париж, Лондон» и «Аристократка».

Два главных приза фестиваля в Сан-Ремо: в 1978 году за песню «...И

сказать прощай», в 1983 году за песню «Римские каникулы».

И вот звучат песни «Матиа базар». Звучат в Москве.

Я не скажу, что они заставляют слушателя, как говорится, подпрыгивать на стуле. Исполнение отличается строгостью и вкусом. Декоративный «гарнир» в виде плоскостей, по которым бегут некие невнятные изображения, скорее отвлекает, чем привлекает что-то. Всплески разноцветных огней чаще тоже кажутся необязательными, хотя, возможно, порою они работают на настроение, поддерживая тему песни (например, красно-черные сполохи, когда Антонелла Руджиеро поет «Кармен»).

Вначале зал реагирует прохладно, пожалуй, в чем-то разочарованно. Но... звучит песня за песней, и вдруг убеждаемся, что нас всех ожидал приятный сюрприз: группа привлекает тем самым «лица необщим выраженьем», которое не проглядишь...

Говоря о творческой манере «Матиа базар», иногда употребляют формулу «средиземноморский рок». Не знаю,

специалистам виднее. Во всяком случае, когда я спросил Карло Маррале, как бы он сам определил тот стиль, в котором написаны песни и его и его товарищей (Антонелла Руджиеро тоже пробует себя в композиции, особенно в последнее время, когда стала студенткой Миланской консерватории), он пожал плечами: «Я не знаю. Мы делаем музыку, и очень хотелось бы, чтобы она была хорошей. Музыка для ума, а не для ног. Не теми дешевыми песнями-однодневками, которые у нас называют «спагетти»... Поэтому мы стремимся найти точное сочетание мелодии, ритма, текста, изобразительного решения».

Мелодии и тексты «Матиа базар» не тонут в электронном грохоте. Они главное. И, хочется надеяться, это наведет на некоторые раздумья участников наших собственных «домашних» (не хочу сказать «доморощенных») ВИА, которые, конечно же, были обязательными слушателями в те дни в «Олимпийском», в Риге и Ленинграде...

...В репертуаре английской группы «Ху», громогласно — в прямом и переносном смысле — звучавшей около полтора десятилетия на мировой рок-сцене, есть такие слова:

Эта песня совсем иная?
Или я в ней повторяюсь?
Что-то подобное уже было —
ведь дверь в музыку
всегда открыта...

Дверь в музыку открыта для всех. Но пусть каждый, кто входит в эту дверь, задумается: а что он приносит с собой, какие надежды, настроения, мысли, планы? Для себя входит или для других? Ведь легкая музыка — очень трудное дело...

Спасибо, «Матиа базар», за талантливое напоминание об этом.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ГОСТИ
В СПОРТКОМПЛЕКСЕ
«ОЛИМПИЙСКИЙ».

Генрих ГУРКОВ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

«МАТИА БАЗАР» СЛУШАЯ

Как ни изобильна и плодоносна наша природа, как ни сильна в ней жизненная сила, но и она уступает, поддается, когда вторгается в нее человек-хищник с глазами, затуманенными жадной немедленной выгодой, грубо приспособляющей все живое к своим сиюминутным потребностям. И тогда скудеет самая плодородная почва, дряхлеют могучие леса, иссыхают полноводные реки...

В шестнадцать, получив паспорт, Павел устроился учеником на завод. Матери ничего не сказал, боялся, что отговорит, уприсит учиться дальше, а он видел: его и Динку, сестренку, матери одной поднимать не по силам. Ведь Динку пора было готовить в школу. А вдвоем они сестренку вырастят не хуже других, да и сама мать хоть немного отойдет от постоянных забот. Потому и сказал о заводе только вечером, как о деле решенном.

Люди помнят, что зажили они тогда куда веселее, потому что Павла в цехе быстро оценили: голова работает, руки ловкие, да и, главное, не боится работы, не бежит от нее, сам ищет. Заработок его уже скоро стал первой опорой семьи. Он словно и рожден был кормильцем, на чьих плечах держится дом. И он сам знал, для чего рожден, и долю свою принял с достоинством, не колеблясь и не сомневаясь. Его сверстники выглядели рядом с ним детьми, еще никак не определившимися в жизни.

Для Дины и Павел и мать ничего не жалели. Порой знакомые урезонивали даже: «Да вы не все ей-то, себя не обделяйте...» А у них просто не было большей радости.

В жизни есть загадки, которые, наверное, можно объяснить. Но понять и принять их сердцем человеку все-таки невозможно. Только стала налаживаться жизнь в семье, долго мыкавшей горе после предательства отца, бросившего близких своих, как вдруг открылась у матери дремавшая все трудные годы неумолимая болезнь. Всего-то два года и дано было порадоваться ей...

На скромных поминках сосед, прошедший войну, растолковывал:

— На фронте мы тоже не болели, а как закончилась война, так все болячки и полезли. Человек, он же существо сознательное, тоже понимает, когда ему можно болеть, а когда нельзя. И если впрямь понимает, то организм его слушает, переживает болезнь... Ну а чуть легче станет...

Легче от этого объяснения не стало.

Так они остались вдвоем. Было тогда Павлу восемнадцать, а Дине—девять.

Скоро после похорон Павлу предложили отдать Дину в интернат. Он отказался наотрез. «Чего уперся,— урезонивали его,— там ей плохо не будет. А ты просто не знаешь, какой воз собираешься везти—девку растить». Он твердил одно: «Вывезу. Будь что будет со мной, а Динку никуда не отдам».

Его уговаривали и так: «Смотри, Павел, а как жениться соберешься? Нынешние, знаешь, какие невесты—какая захочет чужого ребенка растить. А если согласится, то девочка от нее может такого натерпеться! Мачеха молодая—это ж и представить трудно». «Ну и не женись»,—спокойно отвечал Павел. «Э-э, сердцу-то не прикажешь».

А он приказал. Растил сестренку. И так уж сложилось, что первой обзавелась своей самостоятельной семьей как раз Динка. Дина Алексеевна. Павел ее выбрал—а вышла она чуть ли не сразу после школы за человека куда старше ее, обеспеченного, с собственным домом, садом, машиной,—сразу не понял. Потом заметил, что действительно вроде любит сестра мужа.

Дина переехала в дом к мужу, но у брата бывала часто. С назидательностью, забавлявшей Павла, учила его

жить, объясняла, какая ему нужна жена. Павел не выдерживал—хохотал. Но вдвоем они ладили друг с другом—прошлое не давало им спориться. Потом Павел на сестру вообще обижаться не умел, а Дина Алексеевна в доме брата становилась той Динкой, какой была в детстве. И Павла отпускало беспокойство, овладевавшее им, когда доходили разговоры о чрезмерной предпримчивости мужа сестры, с которым у Павла никаких отношений так и не сложилось. Не любивший лезть в чужие дела Павел успокаивал себя: слухи...

Да, вдвоем им было хорошо, но потом Дина уходила. Да и бывала у брата она с каждым годом все реже...

А Павел, он не мог жить один. Неприспособлен был думать только о себе. Мечтал о детях, которых боялся иметь, чтобы Дина рядом с ними не почувствовала себя обделенной. И когда понял, что сестре он уже и не нужен,—женился. И у него родился сын...

Жизнь порой представляется несправедливой и неразумной, когда обрушивает испытания именно на нас. Но оглянемся, посмотрим вокруг. И увидим: многим рядом с нами выпадают испытания куда более тяжкие.

С какой-то беспощадной жестокостью порой обрушиваются невыносимые испытания души и ума на тех, кто уже доказал и силу души и широту ума. И поневоле задумываешься: зачем? Что тут—очевидная бессмысленность, слепые случайности? Где же твоя разумность, жизнь?

Но нет ли тут всем нам, живущим рядом, указки: сумеете осознать, на что способен человек! Сумеете понять, какие громадные, необозримые и — увы! — неосознанные запасы душевных сил, выносливости и сострадания отпущены каждому из нас...

Для чего? Чтобы устыдиться собственной слабости и малодушия. Устыдиться тому, как мало испытываем мы себя на любовь и добро. Как часто отступаем, теряем лицо, ощущаем себя беспомощными...

А ведь выход есть всегда. И выход достойный. Достойный человека.

Его ребенок, его сын родился с врожденной болезнью. Врачи говорили, что уход, режим и родительская любовь могут многое исправить, но на это потребуются годы. А у жены Павла сил и терпения хватило только на несколько месяцев—ребенку не было и года, когда она ушла от них. Ушла навсегда.

Он растил сына один. Ему помогали врачи и соседи. Иногда к нему заходила Дина. Забегала ненадолго, но не помочь, а посочувствовать брату, напомнить, как предупредила его... Иногда вздыхала: «А вообще-то ее понять можно...» Когда Дина говорила так о бывшей жене, Павел мрачнел. Он такого не мог ни понять, ни простить. А Дина уже взахлеб рассказывала о путешествиях, которыми они увлеклись с мужем в последнее время.

«Ой, Паша, а ведь ты тоже мог бы вполне,—вдруг прерывала себя Дина.—Зарабатываешь ты не так чтобы очень, но на одного хватило бы... Вполне». «Ты давай не отвлекайся»,—останавливал ее Павел. «Ох, Паша ты, Паша,—вздыхала Дина.—Сам свою шею под всякий хомут суешь. На таких, как ты, каждый навалит и старается...» «Опять ты про свое! Кто тебя этому учит?» «Жизнь, Паша». «А я вот как-то обхожусь». «Так-то ж ты».

И так прошло несколько лет.

Был яркий день на исходе ноября. Хотя зима в этих местах только еще начинала свой неспешный накат, озеро, мимо которого Павел ходил на завод, уже блестяло зеленоватым зеркалом бесснежного льда—горы тут недалеко, а там зима уже хозяйничала в полную силу, скатывая по ночам на поселок хлесткие ветры, стянувшие гладь воды непрочным еще ледяным кровом.

С утра здесь постоянно гомонили пацаны—школа рядом. Взрослые гоняли их, объясняли, что лед еще не тот, может проломиться в любой момент, но

стосковавшиеся по хоккею за долгое лето ребяташки упорно выбирались на лед и, ломая клюшки, носились по озеру без коньков, наполняя стылый воздух криками и стуком.

Лед не треснул и даже не проломился, он как-то рухнул громадным куском, и трое пацанов оказались в темной воде. Трудно сказать, умели ли они плавать, может, и умели, но страх сковал их так же прочно, как и тяжелая мокрая одежда. Они беспомощно болтались в темной яме полыньи, захлебываясь криком и водой, слабее с каждой секундой. Хватаясь друг за дружку, утыгивали под воду того, кто бился рядом.

Павел в тот день не работал. То, что он оказался рядом,—случайность. Услышав крики, рванулся к озеру.

Навстречу шел незнакомый мужчина.

— Пацаны орут!—крикнул Павел.

— Да они каждый день орут со своим хоккеем,—проворчал мужчина.—Их гоняют, а они опять...

Ворча что-то под нос, он скрылся в своем подъезде.

Темное пятно пролома, головы, то выныривающие, то пропадающие, руки, бессильно колотящие по воде... И детский, отчаянный, реущий душу крик.

Он бежал, не слыша, как скрипит лед, готовый в любой миг развалиться под ним. Бухнулся, не раздумывая, в полынью, добрался до ребят.

Их окончившие пальцы вцепились в него намертво. Едва успевая глотнуть воздуха, он выталкивал их по одному на лед, а они, не способные ни ползти, ни

ОДЖЕД

двигаться, снова скатывались в воду. Им будто казалось, что самое безопасное—быть рядом с Павлом, держась за него.

Уже бежали люди, кто-то прыгнул к нему на помощь...

Ребят спасли, а Павла в сознание так и не привели. Организм не вынес переохлаждения.

Дины на похоронах не было. Незадолго до случившегося подвернулась возможность «смотаться» в Крым. Такое вот совпадение.

Человек погиб, спасая чужих детей. Его собственный сын, беспомощный, для которого весь смысл, вся радость жизни были сосредоточены в отце, остался в совершенном одиночестве, неспособный даже самостоятельно выйти из комнаты, в которую уже никогда не войдет отец.

Эта ситуация, трагическая и в то же время заставляющая осознать, на какие усилия способна душа человека, не могла оставить равнодушными людей.

Никого не нужно было упрашивать. Никому ничего не надо было доказывать, объяснять. На помощь мальчику пришел завод. Рядом с ним дежурили три женщины из профкома—по очереди. Завод купил для ребенка одежду, спальные принадлежности, игрушки. Медицинская сестра заводского здравпункта осматривала ребенка еженедельно. Шефствовать над мальчиком взялся райком комсомола.

Да, упрашивать никого было не нужно. Люди сами почувствовали и поняли свой долг перед памятью человека, способного пожертвовать собой ради других.

И почему-то сейчас, когда раздумываешь об этой истории, порой приходит в голову одна мысль. Да, конечно, Павел не думал погибать, рассчитывал, что сил его хватит спасти ребят. Понятно, надежда в нас умирает последней. И все же кажется, Павел верил тогда: люди, случись что, не оставят его сынишку. Эта вера и позволила ему совершить то, что он совершил.

Дина Алексеевна вернулась в город, когда оставалось решить самое главное: с кем жить сыну Павла? Да, шефы, помощь, но кому-то нужно мальчика ежедневно кормить, одевать, ухаживать за ним, просто быть неотлучно рядом. Мать? А где ее искать? Да и тот факт, что она сбежала от своего ребенка, не вызвал особого желания искать ее. В нескольких заводских семьях возникла мысль взять ребенка к себе... Им не то чтобы сразу отказали, но предложили подумать еще, взвесить все без спешки—все-таки ребенок больной, растить его просто тяжело. Мудрая неспешность. Да и понимали все, что без Дины Алексеевны решить этот вопрос нельзя.

...Сначала Дине Алексеевне объяснили, что мальчика можно отдать в специальный интернат. Там за ребенком будет уход, там вокруг него будут врачи, специалисты своего дела... Дина Алексеевна сказала, что об этом и речи быть не может. Память о брате—вещь для нее слишком дорогая. «Ведь он столько для меня сделал»,—тихо сказала она.

А через месяц с небольшим Дина Алексеевна ушла от мужа. Тем, кто осторожно интересовался, что, собственно, произошло, объясняла, что муж воспитывать чужого ребенка, да еще больного, не захотел. Тут люди обычно вспоминали Павла: вот и у сестры его, павловский, характер. Из-за племянника от мужа ушла, с которым раньше ни забот, ни хлопот не знала! Качали головами: «Родная кровь... Куда от нее денешься...»

ОДЖЕД

Скоро в райком, в райисполком, в другие серьезные инстанции стали приходиться письма. Писала их Дина Алексеевна. Письма были почти одинаковыми. Несколько слов в напоминание о поступке Павла и скорбные слова о том, что теперь его сестра и больной сын живут в условиях, «совершенно непригодных для жизни».

Когда стали выяснять, в чем дело, выяснилось, что шефы по-прежнему помогают мальчику и Дине Алексеевне, что завод помнит своего бывшего рабочего и помогает, чем может... Потом все же ситуация прояснилась: Дина Алексеевна просит улучшить ее жилищные условия—комната Павла, которую он получил в свое время от завода, теперь тесна и неудобна. Но, как оказалось, заводская комиссия во главе с парторгом и председателем профкома проверяла жилищные условия семьи и нашла их удовлетворительными—комната просторная, соседи, всего одна семья,—спокойные, готовые всегда прийти на помощь люди. Директор завода сам заезжал несколько раз на квартиру, считает заключение комиссии объективным. Конечно, была бы возможность, дали бы и отдельную квартиру, но положение с жильем на заводе куда как сложное...

Райком партии все же нашел возможность помочь сестре героя. Через месяц Дина Алексеевна и ребенок перебрались в двухкомнатную квартиру в новом доме. Перевозили их люди, которых специально прислал завод.

Как раз в это время Дине Алексеевне рассказали, что бывший ее муж продает дом вместе с садом. Видимо, решил уехать из города. Дина Алексеевна пожимала плечами: «Его дела, а мне это неинтересно». За такой дом много дадут... «Ну, а мне-то что до этого?»

Как выяснилось довольно скоро, к Дине Алексеевне все это имело прямое отношение. Потому что через полгода, продав дом, ее муж вернулся в город, и между ним и Диной Алексеевной «лю-

бовь вспыхнула с прежней силой». Это выражение — цитата из одного письменного заявления Дины Алексеевны. Как оказалось, «они не могут друг без друга». Именно так мотивировала свою просьбу прописать прежнего мужа в свою новую квартиру Дина Алексеевна. «Они поняли, что их развод был ошибкой...» И потом ей необходима помощь мужа, чтобы растить сына героя. С некоторых пор ей очень полюбились выражения: «семья героя», «сын героя». И вот теперь ее муж, не так давно отказавшийся воспитывать мальчика, тоже становится членом семьи героя.

Эти люди еще снесли. Но когда Дина Алексеевна обратилась в район с просьбой взять в интернат «сына погибшего героя», так как убеждена, что государство сможет воспитать его лучше, а она не справляется и чувство вины за это ее постоянно угнетает, люди от них отвернулись. Те, кто помогал Павлу растить маленькую сестренку. Кто делал все, чтобы после случившегося помочь его сыну.

Как-то довелось мне ехать из крупного северного города в райцентр. Ехали на машине. И были со мной попутчики, люди, искренне и преданно любящие свой край, гордящиеся его красотой. Скромной и в то же время величественной. И так весело и ладно было ехать, глядеть по сторонам, видеть, как мерно, кругами раскочиваются малиновые шесты сосен, окутанные фиолетовыми облаками верхушек!.. Раскочиваются под

— Нет, конечно.
— Ну, вот. А потом муж понял, что не может без меня, а я поняла, насколько он мне дорог, и мы опять сошлись... Стали жить, и тут вдруг нам стало понятно, что зря мы упорствуем, что в специальном интернате мальчику будет куда лучше, чем с нами, — ведь там такой уход, такие специалисты! Да и устали мы мучить друг друга — то ли делаем, а может, надо делать совсем не так? Ну, скажите, неужели в это так трудно поверить?

Дина Алексеевна смотрит честно распахнутыми глазами. Такими честными, что я задумываюсь: а что, может, все действительно так и было, как она говорит? Расстались, сошлись, вдруг поняли... Сколько таких историй!

Дине Алексеевне хочется верить. Да и называть-то ее Диной Алексеевной как-то не совсем удобно — выглядит она совсем молодо. Ей двадцать пять. Но выглядит еще моложе. Такая современная, ироничная, знающая себе цену молодая женщина. Одета по-южному вольно, свободно закуривает, и вообще от нее так и веет независимостью и раскованностью. В Москве она чувствует себя такой же свободной, не теряющейся, знающей себе цену.

Я думаю над ее словами.
— Да вы не расстраивайтесь так.
— А что мне расстраиваться?
— Ну, как же, вы там понаслушались от соседней всякого, у вас в голове уже сложилась история, а вдруг оказывается, все не так! — смеется Дина Алексеевна.

СНИМЕТСЯ

свежим ветром, все пронизанные слепящим солнцем, которое редко бывает здесь таким...

И вдруг как обрубило. В один миг стало страшно и горько видеть то, что творилось по сторонам дороги.

Пепелище после пожара... Обугленные стволы, безжизненно скрипящие на ветру голые сизо-черные ветви. И ветер вдруг показался мертвым и злым, как в пустыне, а солнце — ненужно, излишне, безжалостно ослепительным.

— Пожар здесь был, — сухо проинформировал меня один из попутчиков. — Туристы развели костер. Потом говорили, что хотели обогреться, но ненароком запалили такой кострище, что и лес запыхал... Потом они все говорили, что если бы знали, что уж тогда бы...

И потом долго еще мы молчали, упорно глядя прямо перед собой.

Не было сил смотреть не только на жуткие следы огня, но и друг на друга. Стыдно было.

Да, другие люди умертвили прекрасный сосновый лес. Другие. Но ведь и мы были из них. Из людей.

— Почему? Скажите мне, почему вы все не хотите поверить, что все действительно так и было?

— Как?
— Да просто так, как оно и есть: да, сначала я честно решила взять мальчика к себе, муж вроде не возражал, а потом, когда понял, как это трудно... Вы, кстати, хоть в это-то верите, что растить большого ребенка очень трудно?
— В это верю.

— К тому же, учтите, врачи не дают никаких гарантий. И муж просто не выдержал, мы разошлись. В одной комнате с большим ребенком, знаете, как тяжело?! Вот я и стала просить квартиру — и мне дали. Ведь Павел действительно совершил поступок героический, этого вы не отрицаете?

— Не обязательно, — защищаюсь я.

— Ой, рассказывайте, — машет она рукой. Такой вольный, красивый жест. — И потом я уже привыкла к тому, что мне никто не верит. Как же! Торгуя памятью брата, делаю на уважении к нему свои мелкие делишки!

— Но если все так, как вы говорите, зачем же тогда вы в письмах чернили людей, которые вам действительно помогали? Клеветали на завод? Зачем, если все действительно так и было — сошлись, разошлись...

— Ну, вы тоже слова-то подбирайте, — с укоризной произносит Дина Алексеевна. — «Очернила, клеветали»...

— Слова можно найти и другие... Суть же не изменится.

— А вы думаете, если бы я писала просто слезные просьбы, они бы откликнулись? Другое дело, когда: забыли, махнули рукой!.. Ну, преувеличила слегка. Важность какая, — искренне не понимает она. — Зато, сами видите, это свое дело сделало.

Да, то, что Дина Алексеевна получила хорошую квартиру, я уже знал. Я даже знал, что, не дожидаясь решения об устройстве сына Павла в интернат, они с мужем начали срочно искать вариант обмена, чтобы уехать из города в другой, крупнее. Уехать с солидной суммой, полученной за продажу дома.

— Вы сейчас меняетесь.
— А... вы знаете? — Она впервые выглядит чуть растерянной. Ненадолго. — Да, хочу поменяться. Потому что устала! Не могу выносить этих взглядов, этих разговоров вокруг нас! Надоело! Смотрят и качают головами. Каждый день! И нигде от них не денешься... И будут смотреть, пока мы не уедем!

Странно, думаю я, мы так часто жалуемся, что никого вокруг не проймешь своими бедами, все рядом равнодушно. Мы буквально вопием об участии, мы так хотим, чтобы, чуть нам плохо, весь мир спешил нам на помощь. Но ведь если мир должен спешить помогать, то и

судить нас за все, что мы совершаем, он тоже должен! Как же иначе? Как же отделять одно от другого? Почему же к этому мы не готовы?!

— Они так смотрят! Смотрят и шепчут вслед! Вы верите, что это тяжело? ...Ничего, скоро мы уедем и все закончится. Там никто не будет знать нас и мы никого. Какое счастье! Какое это счастье, когда никому до тебя нет дела!

Счастье... Когда они остались вдвоем с Павлом, счастьем было иное — способность людей помогать. Люди не дали их в обиду, а вот теперь Дина Алексеевна находит счастье в том, чтобы никто ничего не знал о ней. А если все вдруг изменится и ей станет плохо, что она станет делать? Ведь опять обратится к людям.

Мы научились делить с другими несчастьем, мы так спешим поделиться ими с окружающими, а чуть настало благополучие — нам уже никто не нужен. Как мы кричим, ворчим, чтобы нас оставили в покое. И кто нас научит быть с людьми в радости и в горе? Или хотя бы мысли, что, если не нужны тебе люди в благополучии твоим, не жди, что придут они в твоей беде...

— Иногда я думаю, что лучше бы Павел тогда сразу отдал меня в интернат. А то выросла, а за плечами мешок долгов — висит и давит: будь благодарной, помни, что брат ради тебя всем пожертвовал. — Дина Алексеевна ожесточается все больше и больше.

— Вы думаете, в интернате вам было бы лучше?

— А что? Вокруг все такие же. Зато потом вышел в жизнь — и никому ничего не должен. Павел, он своей самоотверженностью и довел до всего.

Эх, Дина Алексеевна! Что вы знаете об интернатах?! Что вы знаете о мыслях, жальщих живущих там ребят, о чувствах, бережущих и разворачивающих их души! Вам ведь не приходило задумываться: почему тебя, именно тебя, бросили родные и близкие? Вас-то не бросили. Вот вы теперь и рассуждаете.

Еще до встречи с Диной Алексеевной меня занимал один вопрос. Почему-то очень важным показалось узнать: все ли было у нее рассчитано до того, как она заявила, что не может не взять сына Павла? Или потом уже открывала, что из памяти о нем можно урвать и для себя? Велика ли разница? — скажут мне. Почему-то кажется, что велика. Ведь в первом случае еще есть надежда. Почему-то верилось в это.

И я спросил ее. И мне показалось, что она была искренней, когда сказала, что ни о чем не думала, а просто чувствовала: нельзя предать Павла. И взяла ребенка. А потом уже, когда устала, когда ощутила, какое это тяжелое дело — каждодневная многолетняя забота о человеке, перепугалась и стала думать, как освободиться. Ведь она привыкла быть свободной и раскованной... А муж ее, человек предприимчивый, надумил, что не просто освободиться надо, а еще и с выгодой для себя.

И она принялась добывать эту выгоду. Как и почему вдруг решается человек устроить погром в своей душе, чтобы стала она безжизненной и не мешала добывать, урывать свое, не думая, какой ценой за это платится?

И понимаю я, что можно тут и Павла упрекнуть — зачем растит сестру беззаботной, неспособной напрягать себя для помощи другим, способной лишь принимать от жизни? Разговор этот весьма серьезен — почему жертвенность взрослых по отношению к детям так часто оборачивается душевными и духовными прорехами у детей, когда они подрастают? Только по-человечески не хочется вести его на примере Павла.

И потом ведь все-таки заронил он в сестру умение понимать, что по-людски, а что — нет. Не зря так тяжело ей осуждающие глаза людей. Не зря чуть ли не с иступом вскинулась на меня, когда я спросил, не заранее ли обдумала она с мужем всю «операцию».

— Нет, что вы! Да ни о чем таком я не думала! Что вы! — Она выглядела и

впрямь обиженной. — Что уж вы совсем из меня чудовище делаете?

Вот еще тоже логика. Совсем чудовищем быть не хотим, а немножко вроде и можно. И не помним, что, как ни стойка душа, и она поддается под постоянным нажимом: уступи там, отступи тут. Уминаем ее под тяжестью мелких уступок сиюминутной выгоды, желания добыть побольше... Так уминаем, что выжженное место остается, не вспомнишь, где и было что.

Страшная это картина — уморенная человеком природа. Бесплодные почвы, реки без воды, луга без травы... Скучная пустыня, где не выжить человеку.

И так же тяжела, мучительна жизнь рядом с теми, кто умял, разгромил, подчинил себе свою душу и совесть.

Помню, пришлось однажды столкнуться с жмурым подозрительным мужиком, угрюмо и неуступчиво требовавшим права на внеочередное приобретение машины. Живет он в районе сельскохозяйственном, в период уборки люди зарабатывают помногу, и спрос на машины опережает предложение. Потому выделяют их лучшим, передовикам, ветеранам. А этот гражданин требовал машину, потрясая вырезками из газет, в которых говорилось о его сыне-пограничнике, задержавшем нарушителя. И еще в его руке были намертво зажаты благодарности командования части, где служил сын. Еще подумалось: вернется парень, что от людей услышит? Что ему пережить предстоит?!

Помню крепенькую, налитую молодостью и свежестью девушку, которая в переполненной санатории требовала «убрать» из ее комнаты больную, беспоконную по ночам соседку. Разговор с администрацией она всегда начинала одинаково: «А вы знаете о заслугах моего папы?»

О заслугах папы знали. Как знали, что у нее самой заслуг пока никаких.

Да и немало еще, к сожалению, примеров в памяти. Примеров того, как люди, ничего не заслужив сами, выбивают, зубами вырывают то, на что права не имеют. Что не заработали. И ради этого лгут, обманывают, спекулируют на нашем уважении к людям заслуженным. На нашем доверии, великодушии.

Расправившись с собственной совестью, они вынуждают быть подозрительными, осторожными, недоверчивыми тех, с кем сталкиваются. Тех, кто просто живет рядом с ними. Из-за них и в поступках честных людей порой начинают выскидывать корысть и жажду наживы. Из-за них тут и там слышится вырывающая-оскорбительный вопрос: «А ты что с этого будешь иметь?» И уже глупостью и нерасторопностью выглядит неумение и нежелание воспользоваться возможностью что-то ухватить. Выглядит там, где они населили среди людей свой взгляд на жизнь.

Потому и хочется сказать каждому, кто допускает для себя, что можно разок-другой поприть свою совесть: не обманывайтесь. Такое не проходит бесследно. И люди все видят. Можно обмануть себя. Людей не обманешь.

Ведь любила Дина Алексеевна своего брата. И чувство благодарности ей знакомо. Но вот дернулась получить за брата еще и еще и не заметила, как стала торговать тем, что неприкосновенно. И уже неумогу было остановиться. Хотя все больше людей отводили глаза в сторону при встречах, а многие просто здороваться перестали.

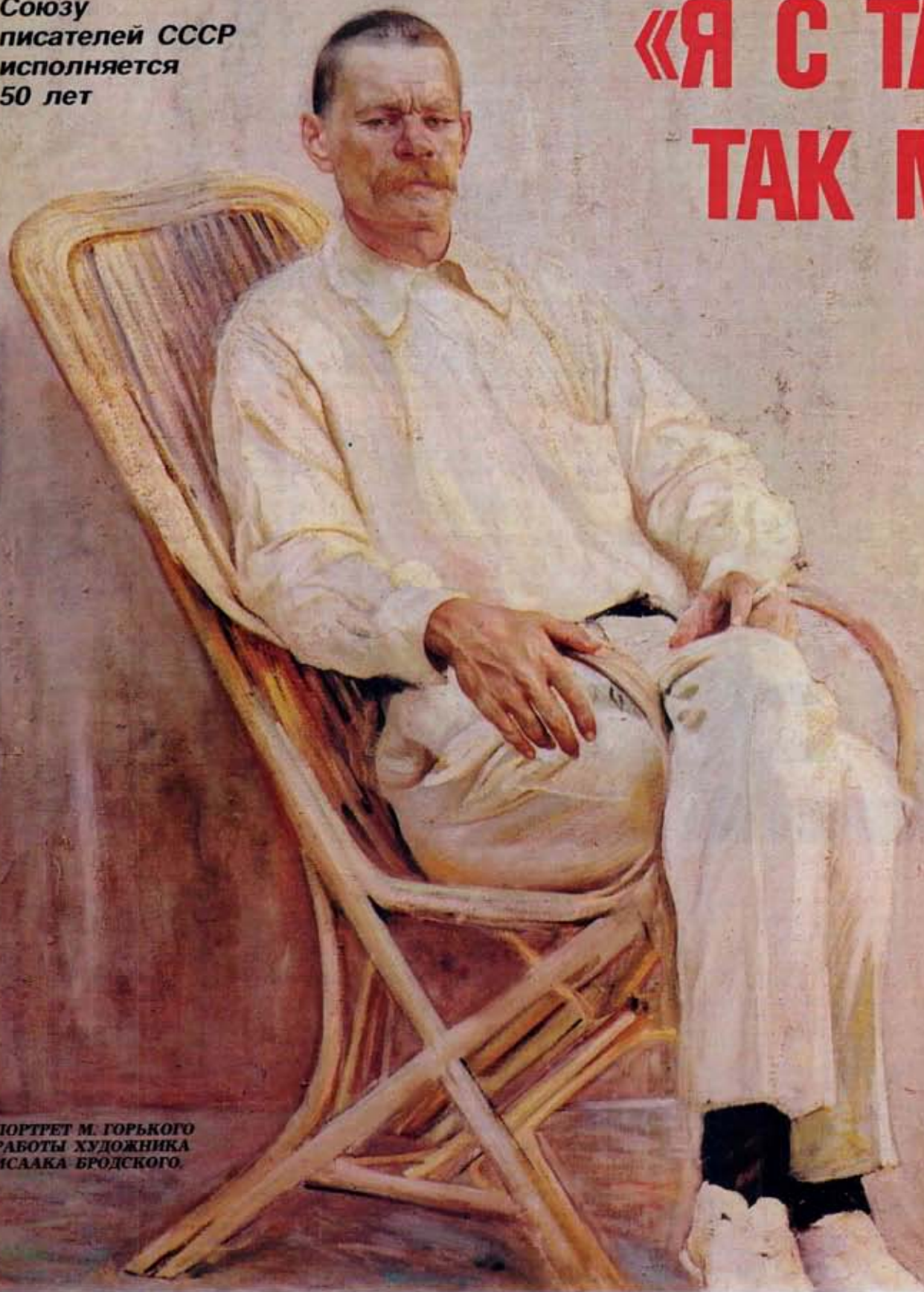
Поймет ли она что? Не знаю. Если и есть тут какая-то надежда, так только на то, что было ей все-таки и больно. К счастью, было больно. Что-то все же ныло, не давало покоя в уже безжизненно-попугавшей душе. И сдается, что-то еще шевелится там до сих пор... Что-то еще живо.

А на тех давних поминках по их матери сосед, прошедший войну, сказал еще так:

— Человек — существо сознательное. И одушевленное. Так что обязан поступать по-людски.

Союзу
писателей СССР
исполняется
50 лет

«Я С ТАКОЙ РАДОСТЬЮ ТАК МНОГО И

ПОРТРЕТ М. ГОРЬКОГО
РАБОТЫ ХУДОЖНИКА
ИСААКА БРОДСКОГО.

В августе 1934 года в Колонном зале Дома союзов собрался Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Это было время, когда молодая Страна Советов стремительно, неудержимо набирала мощь, когда крепились стальные мускулы ее индустрии, все больший вес набирал коллективный общесоюзный каравай, когда цели были ясны, а уверенность в их неуклонном достижении жила в сердцах и умах всех советских людей. Председатель Оргкомитета Союза писателей Алексей Максимович Горький, открывая съезд, сказал, что значение и смысл Союза «в том, что разноплеменная, разноязычная литература всех наших республик выступает как единое целое перед лицом пролетариата Страны Советов, перед лицом революционного пролетариата всех стран и перед лицом дружественных нам литераторов всего мира». Коллективизм, который составлял и составляет основу социалистического строя, оказал свое благотворное влияние и на такую специфическую сферу, как литературная деятельность. В едином общенародном деле формировался новый тип художника — художника-гражданина, живущего одной жизнью с народом, борющегося и строящего вместе с ним. И каждое новое поколение советских писателей, воспитанное на горьковских традициях активного вторжения в жизнь, проникнутое духом исторического оптимизма, вносит свой неповторимый вклад в вот уже полувекую историю писательского союза Советской страны.

Федор Гладков. «...когда я послал ему один из своих рассказов, он ответил мне: «Вы можете писать, у вас есть умение наблюдать жизнь, есть любовь к людям», — и предложил мне присылать ему все, что я напишу».

Константин Тренев. «Огромное значение в моей биографии имел М. Горький, откликнувшийся с острова Капри на посланные ему вещи и с изумительной лаской ободривший меня в тяжелые минуты. Полагаю, что без этих ободрений я едва ли начал бы писать».

Исаак Бабель. «В конце 1916 года попал я к Горькому. И вот, я всем обязан этой встрече. И до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением».

Константин Федин. «Он сделал для меня неизмеримо много».

Венямин Каверин. «Горькому... я в

значительной степени обязан всей моей литературной работой».

И как еще много подобных высказываний можно было бы привести! Потому что поистине удивительна и уникальна в своем роде та трогательная душа забота, с которой патриарх нашей советской литературы относился к своим собратьям по перу, будь то писатель с общепризнанным талантом или начинающий автор, у которого все еще впереди. Нет такой стороны литературного творчества, которой не коснулся бы Горький в своих письмах, статьях, выступлениях, беседах. Из этого огромного, неопределимого наследия мы представим вам сегодня часть лишь весьма и весьма скромную, но тем не менее дающую возможность задуматься о вещах серьезнейших, необходимых и литераторам и читателям.

«ЛИТЕРАТУРА — ТОЖЕ ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ...»

Мысль эта у Горького — важнейшая. Он формулирует ее с афористической краткостью:

«Литератор — глаза, уши и голос класса».

Или развертывает более подробно: «Решать за Вас вопрос: литература или общественная работа? — я, конечно, не стану, вопрос этот можете решить только Вы сами. Скажу однако, что, на мой взгляд, литература тоже общественная деятельность и — очень трудная».

Он утверждает ее и тогда, когда ведет разговор о вещах, казалось бы, внутрিলитературных. Потому что чрезвычайно высоко оценивал ту

роль, которую писатель обязан играть в жизни людей:

«Что такое «творчество»? Высокое, свойственное только исключительно одаренным людям, гармоническое настраивание разума и чувства, способное проникать в «таинственные» глубины психики и эмоциональной — подсознательной — жизни человека? Или это нечто более простое, а именно: способность искусно соединять данные опыта — мелкие факты и черточки — в стройное целое, в образы, типы, картины — т. е. то же самое, что делает работник науки, когда он из тысяч отдельных опытов создает гипотезу или теорию — орудия познания? В первом случае говорят о творчестве, во втором — о работе. В первом случае мастер словесного искусства не ставит пределов игре своего воображения и

ОСТЬЮ СЛЕЖУ ЗА МОЛОДЫМИ, УВЕРЕННО ЖДУ ОТ НИХ»

М. Горький

капризам субъективизма, во втором — опыт, поток уловленных, запечатленных памятью реальностей ставит воображению более или менее определенные, объективные преграды.

Для нас — это вопросы не только литературной техники, но и литературной политики, ибо в нашей стране, в наши дни все наше знание должно быть направлено на практические революционные цели, должно влиять на будущее наше. Необходимо, чтоб наша литература более или менее определенно, ярко, общезначимо воплотила общие вожелания, мечты, цели класса, который, властвуя в стране, изменяет все условия вкорененного в массы «бытия».

Отсюда, собственно, и все те требования, которые Горький предъявляет к творческой молодежи. Отсюда и его радость за них — тех, кому предстоит сотворить еще небывалое и в жизни и литературе:

«Талант? Это — любовь к своей работе, умение работать. Надобно отдавать всего себя, все свои силы избранному делу. Учиться надо, учиться, ребята! Учиться — есть чему, для вас накоплено много. Вы живете в самое интересное время из всех времен, которые когда-либо развевывались на земле... Если нас, теперь — стариков, читали сотни тысяч, — нас будут читать десятки миллионов. Есть для чего учиться и работать, не правда ли?.. У нас, в эти дни, родятся десятки тысяч ребят, которые хотят быть литераторами, учеными, техниками, музыкантами, главное же — хотят жить по-новому... Надо жить дружнее, надо помогать друг другу, ведь все вы — работаете в одном и общем деле».

«...ОТЛИЧНО ЗНАТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ...»

Вчитайтесь в эти строки писателя и вы почувствуете за ними не только глубинное знание жизни и любопытство к ней, но и самую подлинную любовь ко всему, что составляет прошлое, настоящее и будущее страны.

«Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом — это дает красоту и силу ему».

«Земля — наша, не только как то, на чем мы, люди, живем, но и как то, из чего мы созданы и из чего научились и учимся извлекать, создавать все, что нам необходимо для жизни и для творчества новых форм социального бытия».

«Россия изучать надо?» Верно и — ей-богу! — пора! Очень пора и надобно изучать ее с корней, имея в виду не вопрос — какова она? А вопрос — почему она такова?»

«Имейте в виду, что писатель должен отлично знать действительность и вообще должен знать как можно больше: естественные науки, история — необходимы».

Но знание действительности не обязывает Вас покорно подчиниться ей, Вы должны встать выше ее, т. е. так, чтобы видеть сразу и лицо и затылок каждого явления, каждого факта».

Горький убежден, что только богатство жизненных впечатлений позволяет писателю создавать правдивые характеры.

«Когда писатель работает книгу, он изображает в ней не портрет того или

другого знакомого ему человека, а старается изобразить в одном человеке многих, похожих на этого, одного человека; хорошо — живо, правдиво — написать, скажем, попа можно только тогда, когда знаешь штук 50 попов и от каждого из них возьмешь черты характера, сродные с характерами всех других знакомых попов, т. е. основные черты сословия церковно-служителей».

«Тема — это идея, которая зародилась в опыте автора, подсказывается ему жизнью, но гнездится во вместилище его впечатлений еще не оформленно и, требуя воплощения в образах, возбуждает в нем позыв к работе ее оформления».

«В условиях, которые создает бесклассовое, социалистическое общество, «вечные» темы литературы частью совершенно отмирают, исчезают, частью же изменяется их смысл. Наша эпоха предлагает темы неизмеримо более значительные и трагические, чем смерть человеческой единицы, какой бы крупной ни являлась ее социальная ценность. Индивидуализм это не утешит, но индивидуализм осужден историей на смерть».

Понимание жизни, рожденное знанием всех ее богатств, противоречий, трудностей и праздников, является нам в той убежденности, с которой Горький определяет основного героя книг писателя социалистического общества.

«Основным героем наших книг мы должны избрать труд, то есть человека, организующего процессами труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники, — человека, в свою очередь организующего труд более легким, продуктивным, возводя его на стеньгу искусства».

«Любите труд. Никакая иная сила не делает человека великим и мудрым, как это делает сила труда — коллективного, дружного, свободного труда».

И он совершенно неуступчив, когда это главное забывается:

«Интересный материал, но обработан плохо: поверхностно, непродуманно. Забыто главное, что следовало показать читателям: не показаны условия труда людей».

Пожалуй, эта неуступчивость сравнима только с его непримиримостью к произведениям авторов, которые не выработали еще свою истину, неразмытую позицию, не знают, с чем идут к людям:

«Я не могу назвать натурализм как прием изображения действительности приемом «контрреволюционным», но уверенно считаю прием этот неверным, к нашей действительности неприложимым, искажающим ее. Автор говорит: «Я писал правду». Ему следовало бы поставить перед собою два вопроса: один — которую? другой — зачем? Известно, что существует две правды и что в мире нашем количественно преобладает подлая и грязная правда прошлого, а — на смерть ей — родилась и растет другая правда. Вне столкновения, вне борьбы этих правд нельзя понять ничего, это — тоже известно. Автор неплохо видит правду прошлого, но не очень ясно понимает, что же ему делать с ней?»

...Автор рассматривает факты, стоя на одной плоскости с ними; конечно, это тоже «позиция», но и материал и

автор выиграли бы, если б автор поставил перед собою вопрос: зачем он пишет? Какую правду утверждает? Торжество какой правды хочет?»

И сама действительность подсказала великому писателю необходимость создания того творческого метода, рождение которого навсегда связано с его именем:

«Социалистический реализм в литературе может явиться только как отражение данных трудовой практикой фактов социалистического творчества. Может ли явиться такой реализм в нашей литературе? Не только может, но и должен, ибо факты революционно-социалистического творчества у нас уже есть и количество их быстро растет. Мы живем и работаем в стране, где подвиги «славы, чести, геройства» становятся фактами настолько обычными, что многие из них не отмечают даже прессой».

«РАБОТАЙТЕ, НЕ СКУПЬСЯ...»

Совет этот Горького молодым является естественным продолжением его взглядов на жизнь, литературу и творческую работу в целом. Совет этот не односторонний, вовсе не однозначен, как может показаться на первый взгляд.

Вдумаемся в следующие строки. «Надобно изображать, действовать образом на воображение читателя, а не писать протокол. Описание не есть изображение. Мысль, впечатление должно претворить в образ. Надо, чтоб воображение читателя иллюстрировало книгу, дописывало, договаривало ее. Многословие мешает ему в этом... Работайте, не скупясь сокращать написанное, не ленясь исправлять».

«Сомнение — для художника прекрасное свойство, а вот самомнение — пагуба... Работайте, пишите, но вместе с тем упрямо, непрерывно учитесь. Опыта, впечатлений у вас, молодежи, больше, чем у людей моего поколения, но вам необходимо знание техники, техники, техники! Изучайте с этой стороны... стариков — Гоголя, Толстого, Лескова, Чехова, Бунина, — умеете понять, чем они сильны, в чем обаяние их искусства. Изучить, понять это — значит вооружиться для хорошей работы. Талант? Не все «родится с талантом», его можно и выработать, развить».

А вот новый поворот того же совета не скупиться в работе.

«Пишите так, как будто Вы — свидетель на вековом суде правды с кривдой, а судья — Ваш лучший друг, в справедливость его Вы, безусловно, верите и скрывать от него ничего не хотите, даже — не можете».

Нашего брата судят по заслугам не критика, а — в конце концов — история культуры, основным же работником культуры является трудовой народ».

«Плохо, неряшливо написана книжка. Конечно, неряшливость формы и языка еще не порок, а, м. б., только техническая малограмотность, от этого можно вылечиться. Гораздо хуже то, что Вы, такой еще молодой, так мало знающий жизнь, оказались таким совершенно непосильным Вам и, конечно, не следили с ней, нагородили множество мелочной пошлости».

...Это тем более жаль, что человек Вы — способный, можете писать. Но

Вам нужно усердно учиться, а писать не торопитесь. В этом деле пословица «Поспешишь — людей насмешишь» вполне на своем месте».

Как просто, естественно и в высшем смысле правомерно проводит Горький свою мысль, касаясь самых разнообразных творческих категорий.

«...следует усердно заняться техникой стиха; всякое мастерство нужно хорошо знать, если хочешь хорошо работать... Как всякое дело, литература требует непрерывного совершенствования... Читайте возможно больше поэтов, для того чтоб хорошо, тонко слышать музыку стиха...»

«Начинать работу большими романами — это очень дурная манера, именно ей мы обязаны тем, что у нас издается множество словесного хлама. Учиться писать нужно на маленьких рассказах, как это делали почти все крупнейшие писатели на Западе и у нас. Рассказ приучает к экономии слов, к логическому размещению материала, к ясности сюжета и наглядности темы».

«В природенную талантливость я плохо верю. По-моему, есть только один талант: умение делать всякое дело с любовью к нему».

И, как всегда, он щедро и откровенно распахивает двери собственной творческой лаборатории:

«Я не натуралист, я стою за то, чтобы литература поднималась над действительностью, чтобы она смотрела немножко сверху вниз на нее, потому что задача литературы заключается не только в отражении действительности. Мало изобразить существе, необходимо помнить о желаемом и возможном. Необходима типизация явлений. Брать надо мелкое, но характерное, и сделать большое и типичное — вот задача литературы».

От единичного факта, от конкретной вещи Горький переходит к размышлениям о том, что нужно всей молодой советской литературе:

«Молодежь наша, вооруженная более или менее сносно теоретическим марксистским освещением процесса развития культуры общечеловеческой, совершенно лишена представлений о том, как люди жили, о будничной жизни прошлого, о тех условиях древнего феодального городского быта, в которых, медленно и трудно, выростал, воспитывался современный сложный человек, — сложный и тогда, когда он безграмотен. Замок и город, церковь и еретики, цех и торговцы и пр. и т. д. — вся мелкая, ежедневная борьба роста, вся история материальной, а также интеллектуальной культуры, все это нашей молодежи — неизвестно. Ее надобно вооружить фактами, ей необходимо знать историю творчества фактов».

«СЛОВО — ОДЕЖДА ВСЕХ ФАКТОВ, ВСЕХ МЫСЛЕЙ»

«Первоэлементом литературы является язык, основное орудие ее, и — вместе с фактами, явлениями жизни — материал литературы. Одна из наиболее мудрых народных загадок определяет значение языка такими словами: «Не мед, а ко всему льнет»... Слово — одежда всех фактов, всех мыслей. Но за фактами скрыты их социальные смыслы, за каждой мыслью скрыта причина: почему та

или иная мысль именно такова, а не иная. От художественного произведения, которое ставит целью своей изобразить скрытые в фактах смыслы социальной жизни и во всей их значительности, полноте и ясности, требуется четкий, точный язык, тщательно отобранные слова...

История культуры учит нас, что язык особенно быстро обогащался в эпохи наиболее энергичной общественной деятельности людей вместе с разнообразием новых приемов труда и обострением классовых противоречий».

«Займитесь собою серьезно, упорно обогащайте себя знанием русского языка, читайте больше, читайте таких мастеров словесного искусства, как: Пушкин, Гоголь, Лев Толстой, Лесков, Чехов, Бунин. Читайте, старайтесь уловить, чем отличается Лесков от Гоголя и Толстого, Чехов от Бунина; какими средствами достигают они того, что Вы как будто видите все, что они рассказывают Вам, и как будто слышите речи их героев. Учиться Вам — необходимо, потому что хотя Вы хорошо видите и чувствуете природу, хотя язык у Вас простой, довольно точный, без неприятных слуху и глазу фокусов, без щегольства, однако — языка у Вас мало, т. е. — мало слов, а ведь слова — материал, из которого создаются картины, образы, характеры».

А вот примеры иного плана. В них — речь уже не о значении языка в литературе вообще, в них — четко и кратко сформулированные оценки языка конкретных произведений.

«Разумеется, надобно хорошо знать речевой и литературный язык, но не следует смешивать их, как это делают современные молодые писатели, — у них весьма часто сам автор рисует обстановку, героев речевым языком и герои говорят этой же — его — речью. Все остальное — дело дарования, таланта и насыщенности Вашей опытом, т. е. материалом».

«Писать Вы можете хорошо, значит — и должны хорошо писать. У Вас не плохой, довольно богатый лексикон, есть свои слова, есть попытки создать из них свою фразу. Вы ее создадите, экономя количество слов, употребляемых Вами на изображение предметов, людей, пейзажа. Пишите гуще. Красота — это простота, четкость, ясность».

«Вы хотите «серьезно заняться литературой» и спрашиваете: думаю ли я, что Вы можете это сделать?»

Человек старший, я люблю ворчать и обязан указать, что вопрос Вы поставили неправильно; надо было спросить: есть ли у Вас способности к этой нелегкой и ответственной работе... Вы пишете: «я много бываю в казарме», было бы точнее, если б Вы сказали: часто, и определили время. Такие вот мелочи — не пустяки, поверьте мне! Язык должен быть прост и точен, это придает ему силу, рельефность, красочность. Очень советую Вам заняться теорией прозы и обогащением лексикона, т. е. накоплением слов...

Очень советую работать ежедневно понемногу, хотя бы напишете 5—10 строк, и то хорошо».

Но литературный язык для Горького — не что-то устоявшееся, застывшее, мертвое. Язык для него явление живое, подверженное влиянию бурно развивающейся действительности. Понимая неизбежность этого процесса, он призывает молодых литераторов быть готовыми к тому, чтобы не опоздать, не оказаться в роли посторонних. Потому что, не владея языком, витающим токи времени, невозможно писать вещи достойные.

«Процесс обогащения языка будет, конечно, идти, и не может быть иначе, но только нужно с известной осторожностью подходить к этому. Кроме того, на процесс обогащения языка повлияет еще язык науки и техники. Я глубоко убежден, что в ближайшем буду-

щем сближение мастеров культуры, литераторов, инженеров, ученых будет фактом. Я бы очень стоял на том, чтобы молодая литература обратила больше внимания на эту сторону, на сторону науки, где творится процесс очень важный, имеющий огромный интерес».

«...С ВЫСОТЫ ЭТОЙ ЦЕЛИ...»

«Задача литературы: отразить, изобразить картины трудовой жизни и воплотить истины в образы — характеры, типы людей. Есть поговорка: «Чем выше встанешь, тем больше видишь». Вот с высоты этой цели и посмотрим, насколько темы и сюжеты ваших произведений, товарищи, совпадают с основным стремлением возбужденной революцией творческой энергии и насколько вы ощущаете на самих себе влияние этого мощного возбудителя».

Осознать эту задачу, по мнению Горького, должна прежде всего творческая молодежь. Призывая ее к этому, он, однако, тут же строго предупреждает о трудностях, ждущих всякого, кто пойдет таким нелегким путем.

«Молодые литераторы должны иметь представление о трудности литературной работы, о запросах, которые предъявляет им эпоха, и об ответственности литератора перед читателем. Никогда еще в мире не было читателя, который так заслуживал бы права на любовь и уважение к нему, как этого заслуживает наш читатель».

Но «наш реализм», убежден он, стоит любых трудов.

«Буржуазно-дворянский реализм» был критическим реализмом у Стендаля, Балзакка, Толстого. Именно за это — за критицизм, выраженный в образной форме, — Ленин одобрял Толстого, Энгельс — Маркс одобряли Балзакка. Наш реализм имеет возможность и право утверждать, его критика обращена на прошлое и отражение прошлого в настоящем. А основная его задача — утверждение социализма путем образного изображения фактов, людей и взаимоотношений людей в процессах труда».

Программное требование Горького: писатель должен быть не только художником, но и историком и мыслителем. Время не отменяет, а только все более ярко и выпукло высвечивает всю его глубину и важность.

«Мы, литераторы Союза Советов, получили право говорить о том, что в мир пришел другой человек — человек без «мозолей в мозгу», со страшной жаждой показать себя, свои дарования, таланты. Интеллектуальная энергия, которая в потенции была, но активно не действовала, ныне великолепно действует... Мы являемся свидетелями все более интенсивной и очень успешной борьбы активно организованного разума с механическим разумом природы. В этой борьбе создается действительно новый человек, а мы, литераторы, все еще не можем этого человека поймать, изобразить и рассказываем анекдоты или длинные скучные истории о том, как люди работают, но не умеем показать, для какой высокой цели работают они...»

«Необходимо понять факт глубочайшего решающего значения для литераторов: жизнь становится все более богата разнообразными и необычными явлениями, а читатель — непосредственный творец этих явлений. Работает и думает он гораздо лучше, чем выражает свои мысли в словах, но отсюда вовсе не следует, что нужно сеять в мозг его лишние, уродливые, непроверенные слова, следует же, чтоб литература вошла в более тесное и непосредственное соприкосновение с жизнью».

Алексей Сурков. «...бессмертным деянием Горького останется в памяти народной его неутомимая, самозабвенная деятельность мудрого, доброго и изыскательного наставника начинающей литературной молодежи».

«Дорогая редакция! Хотим обратиться к тебе с вопросом. Мы учимся на последнем курсе. Наша близкая подруга и однокурсница собирается выйти замуж. Жених ее — иностранец, и после свадьбы ей предстоит уехать к нему. Лена не раздумывает, она все твердо решила. А вот мы ее отговариваем, даже собирали комсомольское собрание, говорили о том, как живут люди на Западе. Но Лена мы не смогли переубедить. Нам кажется, что ей будет одиноко и пусто. А как она будет воспитывать детей, учить их русскому языку? Но, может быть, мы зря рисуем будущее подруги в мрачном свете? Честно говоря, есть и те, кто завидует ей: вот, мол, повезло, окунется в красивую жизнь, будет шикарно наряжаться...»

Если вам известно о том, как живется нашим женщинам, уехавшим после свадьбы из Советского Союза, расскажите об этом.

В. ПЯТОВА, Л. БУКИНА.
Москва

ВСТРЕЧА НА ПАРК-АВЕНЮ

И долго еще эта встреча не давала мне покоя... То был последний день пребывания нашей туристской группы в Нью-Йорке. Мы были в музее «Метрополитен», а оттуда решили пешком пройти до гостиницы по вечернему авеню и стритам. Шли, глаза на яркие рекламы и бесчисленные витрины разнообразных лавочек и магазинов. По пути нам повстречался маленький скверик — всего три-четыре скамейки у какого-то памятника. И мы с попутчицей присели на свободную скамейку, с удовольствием вытянув гудящие ноги. И тотчас к нам подошла молодая, приятная женщина с девчушкой лет семи.

— Добрый вечер, — обратилась она к нам, — можно сесть рядом?

— Да, да, — сказала я, машинально подвигаясь на скамейке и не обратив в первый момент внимания на русский язык. И лишь когда они с девочкой

бесполезно, куда ни сунешься, глядят на тебя волком, дескать, самим мест не хватает, а тут еще иностранцы всякие. А если бы и было место, то для меня это тоже невозможно, ведь Ларочку некуда девать, здесь никаких яслей и детских садов нет. Об этом-то я раньше не думала. Тогда мне казалось все просто и весело — ну, как в кино. Но вот кино закончилось, и сейчас такая пустота. Ведь я совсем одна, ни с кем здесь не общаюсь. Муж на работе, забирает машину и уезжает по делам, неделями его не вижу. Не нахожу общий язык ни с кем...

Позже Надежда прислала мне письмо, привожу его почти полностью, потому что в нем, как мне кажется, довольно ясно выражены мысли, чувства, переживания, овладевающие большинством женщин, вышедших замуж за иностранцев и покинувших свою Родину:

«Почти всем нам, выехавшим за рубеж в связи с замужеством, кажет-

**Алла
ОСАДЧАЯ**

скромно присели на краешек скамейки, я подумала: странно, почему она подошла к нам, ведь рядом были пустые скамейки, и обратилась по-русски?

И женщина, как бы отвечая на мой немой вопрос, сразу заговорила:

— Не удивляйтесь, я уже давно иду за вами. Как услышала ваш разговор, как поняла, что вы совсем недавно из Москвы, так и пошла за вами. Зачем? Сама не знаю, это трудно объяснить. Не бойтесь, пожалуйста, мне ничего не надо, я ничего не собираюсь просить. Я понимаю, что выгляжу смешной, но мне вот только бы немножко поговорить с вами, побыть вместе...

Так состоялось мое знакомство с советской гражданкой Надеждой Н. и ее очаровательной дочуркой Ларой. Обычная история, каких немало в наши дни: она — москвичка, работала переводчицей на одной из международных выставок. Он — служащий какой-то американской фирмы. Встретились, познакомились, оба молодые, красивые, веселые. И завертелось... Через год он еще раз приехал по делам фирмы и увез Надю с собой.

— Честно сказать, — начала свой рассказ Надя, — тогда я не задумывалась, а даже радовалась: почему же не уехать в Америку, не посмотреть свет, тем более Ларочка уже должна была вскоре родиться. Хотя помню, как плакала мама, как отговаривали меня на работе. И вот уже шесть лет я живу здесь. Живу, как во сне, в ожидании, что вот-вот проснусь и окажусь дома. Это вот так, как вы, хорошо приехать сюда на пару недель, ну, на месяц, посмотреть всю эту экзотику, а потом — домой. А я уж насмотрелась. Домой так ни разу и не выбралась, во-первых, муж не пускает, боится, что не вернусь обратно. А во-вторых, и денег на поездку сейчас нет. Так получилось, что Джордж больше года не работал, а я — вот. — И Надя кивнула на девочку, прикорнувшую у нее на коленях. — Это вся моя работа, да и пытаться тут устроиться куда-то

ся, что это что-то временное. И всем нам не хватает душевного спокойствия (вернее, его совсем нет). Чувствуешь, как постепенно духовно беднееешь... Волнует будущее детей и наше будущее. Мне тяжело, мне очень плохо, никому до меня нет никакого дела. Но, может быть, я исключение? Я не могу похвастаться хорошими отношениями с мужем — они у нас не сложились. Поэтому мне по сравнению с другими еще тяжелее.

Каждая ошибка не проходит даром. И я теперь хорошо знаю, что самый несчастный человек у себя на Родине счастливее самого счастливого без Родины.

Да, мы виноваты перед Родиной. Но поверьте мне, многие из нас, ох, как уже наказаны за свою ошибку. В жизни любой ведь может ошибиться, и если человек в конце концов осознает свою вину, его надо прощать. Ведь ради любви чего только не сделаешь, особенно в молодые годы, когда не очень думаешь и кажется, что все радости еще впереди. А вот когда туман рассеивается, тогда и призадумываешься. Есть, конечно, среди нас и такие, которых интересуют только красивые тряпки, но мне кажется, что они не способны ничего переживать, они вообще не заслуживают, чтобы о них думали и говорили. Уехали, ну и ладно, воздух чище будет в родной стране. Но большинство уехало не такие, большинство уехало за своими мужьями, за любовью...

Очевидно, чтобы что-то понять, надо что-то потерять. И я знаю по себе, что нередко чувство патриотизма у многих наших женщин проявляется там, за границей, вдали от Родины. Мы любим каждое слово о ней и каждый раз с гордостью стараемся подчеркнуть свою принадлежность к великому Отечеству.

Не знаю, как в дальнейшем сложится моя жизнь, но всегда была русской и всегда останусь преданной родной земле, ее людям.

Это ужасная трагедия. Размеры ее невозможно представить, не испытывая на себе. Хотя мне 35 лет, но у меня ощущение, что мне все восемьдесят.

Многие бы я отдала, чтобы испра-

вить ошибку, вернуться домой. Но как мне вернуться теперь? С чего начинать? Муж собирается переезжать в Канаду. Не хочу ни в Канаду, ни в США—хочу в Советский Союз. Хочу комнату в общежитии. Вместо золотых гор в Канаде—работу. Хочу, чтобы дочка в школу ходила, в нашу советскую, в такую, в какой училась я. Хочу видеть ее в коричневом платье и белом фартушке... Я сплю и вижу себя дома, вижу сны, которыми навряд ли суждено сбыться...

Письмо, на мой взгляд, настолько красноречиво, что не нуждается в комментариях. И все-таки подумаем, почему молодая женщина так категорически утверждает, что «самый несчастный человек у себя на Родине несчастнее самого счастливого без Родины». Да, многие уехавшие за рубеж, теперь осознают, что Родина—это та точка опоры, без которой очень трудно жить. Это если измерять счастье духовными и моральными критериями. Но есть еще и материальные, которые тоже никак нельзя сбрасывать со счетов и которые для человека также являются точкой опоры. Эти критерии для человека чаще всего определяются стабильностью его ситуации, уверенностью в завтрашнем дне. Если даже с тобой случится какая беда, человек на Родине знает: он не один, кто-то да протянет ему руку в тяжелую минуту. А эта уверенность в сочувствии и доброте человеческой едва ли не самая главная точка опоры в жизни. Та точка опоры, которой западный образ жизни обычно лишает людей.—вспомните слова из письма Надежды: «Мне тяжело, мне очень плохо, никому до меня нет дела...»

кровь и зов родной земли. И для многих женщин то, ради чего они уехали—дети, стремление сохранить для них отца, семью, теперь оборачивается другой стороной: многие матери думают, как бы вернуть своих детей обратно в родную страну. Потому что, пожив на Западе и имея возможность не по туристским вояжам взвесить все «за» и «против», они ясно видят и понимают, в чем теперь проигрывают их дети, живущие за рубежом.

«Мне больше всего страшно за детей, за их будущее. Растут у меня два сына, а безработица среди молодежи уже сейчас достигла катастрофических размеров. Темы телевизионных передач для подростков: как найти работу, как уберечься от наркотиков, почему так много самоубийств среди школьников... Разве такие проблемы обсуждаются, например, в передачах радиостанции «Юность»? Дико было бы даже представить себе такое!

Как только мои сыновья подрастут, постараюсь, чтобы хоть на одно лето отправить их на Родину, в пионерский лагерь. Пусть выучат пионерские песни, поедят картошку у костра, поработают в колхозе. Короче, пусть у них будет хотя бы представление о другой жизни, о нормальной человеческой жизни без страха перед будущим. И потом, когда вырастут, приложу все силы, чтобы отправить их учиться на Родину, ведь они—советские граждане и, хоть растут на чужбине, прекрасно знают русский язык, интересуются культурой нашей страны. Конечно, мне больно будет расставаться с детьми. Но я знаю, что Родина-мать сможет дать им больше, чем я».

Марина Левитская. ФРГ.

Я работаю секретарем-переводчиком. В работе нахожу отдушину в жизни. Без работы мне было бы очень и очень тяжело в моральном отношении. Но и работа не всегда спасает.

Мне кажется, что женщина, покидая Родину, следуя за любимым человеком, чтобы строить семью, совершает эту роковую ошибку в первую очередь перед самой собой. Она лишает себя самого дорогого в жизни—Родины. И не сразу она понимает все это. Дело в том, что эту ошибку начинаешь осознавать только со временем и только в чужой стране, где другие традиции, другие обычаи и иной социальный уклад. А это все накладывает отпечаток и на психологию человека и на семейные отношения, то есть женщина, как личность, которой она была до замужества, живя в чужой стране, должна полностью нивелироваться, подчиняться другим устоям, перешагнуть какой-то невидимый барьер. Только тогда можно жить, а так—остается страдать...

Мне кажется, что анализировать и комментировать подобные письма бесполезно, мы просто не имеем на это права. Чтобы рассуждать, надо знать. Как говорится, самому влезть в эту «шкуру», тогда только, видно, можно все понять, до конца...

А вскоре мы познакомились с Ларисой Н. Она прилетела в Москву с детьми на два месяца. Тогда она была очень веселой, оживленной и показала мне какой-то беззаботной. Почему? Я поняла это позже—потому что у нее было впереди два месяца счастья: она с детьми была на Родине, со своими родными и друзьями. Купила путевки в

делать новую. Препятствие—расставание с Родиной. Теперь же—разрыв с мужем, ломка семьи. Семейные проблемы никак нельзя сбрасывать со счетов: иные мужья не дают развода, другие не дают согласия на выезд детей. А как быть с квартирой, с пропиской в Советском Союзе? И много, много еще подспудных вопросов, решать которые бывает весьма сложно...

Однако возвращаются, пройдя зачастую через муки и страдания. Вот одно из писем на эту тему:

«Позади пятый курс. Так мне хотелось уехать по распределению в Харьков! Но все решилось иначе. Мой муж Артур должен был возвратиться домой, на Запад. Мы уехали вместе. Нам с Артуром очень трудно стало жить. На работу по специальности устроиться я не смогла, Артур и не хотел, чтобы я работала. А потом случилось непредвиденное: на производстве, где работал Артур, произошла авария. Муж умирал на моих глазах. И, конечно, после его смерти я решила во что бы то ни стало вернуться на Родину. Не буду описывать, какие мучения пришлось пережить, прежде чем я вернулась на Родину. Таких страданий не пожелаешь и врагу. Теперь все позади. У меня есть любимая работа, хорошие и добрые друзья, у меня есть вновь обретенная Родина».

Эдита Л.

Это чрезвычайно обстоятельство—смерть близкого человека. Но дело в том, что возвращаются, оставив живых и в общем-то неплохих мужей и вполне благополучный дом.

Почему же все-таки они хотят вернуться на Родину, каковы тут главные мотивы?

Вот еще одна история возвращения... С Натальей И. мы познакомились в Москве. Она биолог, работает в одном научно-исследовательском институте. Десять лет жила в Мексике.

...Они познакомились еще студентами. Она училась на биофаке в институте, он—в университете Патриса Лумумбы. Родился сын. И вот муж должен был уезжать в Мексику. Перед Наташей встал дилемма: разлука с любимым мужем, без отца растить ребенка или покинуть Родину, оставить любимую работу и ехать в неизвестность. Женщина выбрала второе. Муж получил в Мехико хорошую должность, квартиру. И Наталья, наняв няню для сына, стала подыскивать себе место. Но ни о какой работе, тем более научной, тут и речи быть не могло. Она подрядилась давать частные уроки русского языка: хоть какая-то польза, хоть какое-то общение.

Но вскоре мужа перевели из Мехико в небольшой город Халапа. И там она лишилась последней отдушину—общение с советскими сверстницами, с которыми дружила в Мехико. В маленьком городке никому не нужны были уроки русского языка. И она все чаще оставалась одна, наедине со своими коврами и пылесосом.

— Я поняла, что без мужа, без своих ковров я смогу прожить, а вот без работы, без общения с родными по духу людьми—нет.

Некоторые женщины, уехавшие из нашей страны, нашли там то, к чему стремились: и муж, и дети, и материальное благополучие—кажется, живи себе... Но вот парадокс: на фоне всех этих благ вдруг вырастает недовольство собой и той жизнью, к которой стремились. На первый план выходит то, к чему они привыкли дома и не замечали этого, что казалось обыденным, будничным, порою обременительным и неинтересным: труд. Труд осмысленный, творческий, в гуще людей, с пользой для них.

Это то, что каждый у нас в стране волен выбирать и строить. Это то, без чего жить нельзя.

ТО, БЕЗ ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ

У меня в архиве хранится одно письмо, без обратного адреса. Вот оно:

«Все мы уехали из Союза не только за своими мужьями и не столько за

ВАНЮТСЯ МИРАЖИ...

НА КРУГИ СВОЯ

Возможно, некоторые читатели вспомнят: в шестидесятых годах на сценах советских театров с большим успехом шел лиричный и трагичный спектакль Леонида Зорина «Варшавская мелодия». О чем он? Случай свел в послевоенной Москве советского студента и польку, которая училась у нас в консерватории. Они полюбили друг друга, но в те годы браки с иностранцами в нашей стране были запрещены. У этой пары не было будущего. Идет время, меняются обстоятельства. Запрет этот давно отменен. Любите, женитесь невзирая на границы и расстояния. Советское государство не препятствует бракам с иностранцами и воссоединению семей, не отказывается от своих бывших дочерей. Гуманно относясь к этой проблеме, оно вовсе не расценивает браки с иностранцами как некую нелояльность, как шаг, имеющий политический характер. И эта гуманность ярко проявляется в новом «Закоме о гражданстве СССР», который предоставляет нашим женщинам, уехавшим за рубеж в связи с замужеством, самим решать: остаться советской гражданкой или принимать гражданство мужа. То-есть замужество механически не влечет за собой потерю советского гражданства. И большинство уехавших предпочитает сохранять советский паспорт.

Они видят в этом связывающую ниточку, которую не хотят рвать, видят в этом будущее своих детей. В «Закоме о гражданстве СССР», принятом 1 декабря 1978 года, указывается, что «ребенок, проживающий вне пределов СССР, может приобрести гражданство СССР по ходатайству об этом родителя». И большинство женщин, пользуясь этой возможностью, дают своим детям советское гражданство.

Дети... Вот мы и вернулись на круги своя. О них нельзя не думать, за них нельзя не переживать, в них наше будущее, в них наша надежда, в них наша

А ПОЕЗД УЖЕ УШЕЛ...

Так было испокон веков: женщины покидали родные, насиженные места и уезжали за мужьями своими, за любовью, строить семью, воспитывать с мужем детей. Жизнь есть жизнь, и без любви, без близких, без семьи трудно, очень трудно. Но есть еще одно великое чувство—это чувство родной земли.

Очевидно, тогда, в молодости, уезжая за рубеж, они не особенно задумывались и не понимали всей сложности своего положения. Помните как у Есенина:

Лицом к лицу—
Лица не увидать,
Большое видится
на расстояньи.

И вот, когда это расстояние и время пролегли между ними и Родиной, наметилось раздвоение, которое с годами становится все болезненнее.

С Ларисой Н. из Судана я вначале познакомилась заочно, через ее письмо. Женщины в общем-то благополучной судьбы. Жила в Москве, после окончания института увлеклась научной работой, очень любила театр, с родителями жила в большой дружбе. И вдруг полюбила иностранца, который приехал на стажировку в их институт. И вот ее письмо через десять лет:

«У меня есть одна неизлечимая болезнь—ностальгия, и эта болезнь усиливается с возрастом. Не удивляйтесь, я не оговорила, именно с возрастом. Сейчас мне 40 лет, многие говорят, что с годами человек привыкает ко многому. Но, увы, моя тоска по Родине усиливается с годами. Раз в два года я езжу в Москву, а как я возвращаюсь обратно, известно только мне. Радостное приземление в Москве и слезное расставание. И так всякий раз. Когда возвращаюсь после отпуска из Москвы, то мне нужно 2—3 месяца, чтобы опять привыкнуть к здешней обстановке... У меня хорошая, дружная семья, двое детей, дома мы говорим только по-русски.

подмосковный пансионат и поехала туда отдыхать с детьми. Обещала, что мы еще обязательно встретимся и она расскажет об отдыхе. Лето подходило к концу, а Лариса так и не появлялась. Но вот однажды она позвонила мне. Голос ее был тусклым и печальным:

— Я, собственно, хочу попрощаться с вами, завтра мы улетаем. Вчера с детьми мы целый день бродили по городу, катались на катере по Москве-реке, смотрели вечерние фонтаны на ВДНХ, вернулись домой уже затемно...

— А что же вы не появились после дома отдыха, ведь обещали?

В трубку—какое-то время молчание, потом тяжкий вздох, и в голосе слышатся слезы:

— Честно сказать, боялась к вам идти, боялась, что буду плакать. Знаю, что это глупо, но ничего не могу с собой поделать. Мне так тяжело уезжать, хотя знаю, что дома меня ждут и муж и работа... А вчера,—голос ее повеселел,—я звонила в справочную Аэрофлота и все попыталась, но задерживается ли наш рейс. Мне так хотелось, чтобы его отложили. Хотя бы на день-два. А лучше, навсегда...

Но самолет ушел вовремя. А перефразируя эти слова о самолете, можно сказать: поезд уже ушел. Ушел, и нет возврата. Хотя многие женщины, пожив вдали от Родины и познав «райскую» жизнь, хотят вернуться.

«А, надоело все! Все вроде есть, все, как я хотела, а чего-то не хватает. Не могу жить в этом узком чужом мире. Хочу домой—вот и все. У меня ведь советский паспорт, вот возьму и вернусь...»—пишет из Англии Лорина Горина, молодая женщина, мать двоих детей, жена врача.

Иные, с легкостью покидая Родину, думают: а, не уживусь, не понравится, разведусь и вернусь обратно. Советские гражданки имеют право на возвращение домой. Но не так все просто—сегодня уехал, а завтра приехал обратно... Да, когда-то была сделана ошибка, так надо крепко подумать теперь, чтобы не

ними, как за красивой, благополучной жизнью. И меня удивляют женщины, которые теперь что-то переживают. Их, видите ли, беспокоят только дети, только общение с русскими и желание вернуться на Родину. Будто у них нет никаких других проблем, чисто женских. Их недовольство, их неудовлетворенность я вижу лишь в одном — в отсутствии денег, в плохом материальном положении. У одной не хватает на жизнь, другой некуда пристроить детей. Я не стану ничего расписывать о себе. Меня не беспокоят эти проблемы, тем более что у меня пока нет детей. Но появляются — думаю, сумею их куда-нибудь пристроить. Живу, как хочу, не жалуюсь. Работаю в магазине, много путешествую с мужем, имею и машину и квартиру — словом, все, что хочу. И никакой тоски по оставленному дому не испытываю, и совесть не мучает меня. О какой Родине, о каком патриотизме могут говорить те женщины? Уехали — и всё. Водить рыбу ищет, где глубже, а человек — где лучше».

Галина М. США.

Я бы не прочь поближе познакомиться с этой Галиной М., любопытно все-таки поглубже узнать истоки ее «рыбьей философии». Но подобные женщины с откровенными потребностями взглядами как-то не встречались на моем пути; то ли я обходила их стороной, то ли они меня...

Встречались другие. Те, которые, покинув Родину (не будем гадать, что было преобладающим фактором — любовь или мрак заморской жизни), теперь мучаются, переживают, стремятся сохранить связь с Родиной и хоть чем-то быть полезной ей.

Вот как пишет об этом Ирина Хиксон из Англии:

«Мне очень повезло, поскольку я нашла работу, да еще по специальности. Второй год веду курсы русского языка при технологическом техникуме. В группе есть люди разных возрастов. При общении с ними я поняла, как мало знают они о нашей стране, а большинство имеют искаженную информацию о советской действительности, о политике нашего государства в вопросах войны и мира. И в то же время в группе есть слушатели, которым удалось уже побывать в Советском Союзе. И вот тут-то при разговоре о нашей стране часто возникают дискуссии. Те, кто был в СССР, доказывают, как много у нас хорошего, как много делает государство для простого труженика.

Я, конечно, тоже не остаюсь в стороне, хотя мое мнение подчас считается субъективным.

А однажды была затронута тема второй мировой войны. И я выяснила, что все знания на эту тему у моих слушателей очень ограничены, а чаще просто извращены. Да можно ли их винить? Откуда им черпать сведения? Они питаются тем, чем пичкает их западная пропаганда: радио, телевидение, газеты. И вот я одному студенту дала задание — сделать на русском языке доклад о блокаде Ленинграда. Конечно, помогла ему подобрать нужный материал, фотографии. Принесли проигрыватель, прослушали 7-ю симфонию Дмитрия Шостаковича. Мои слушатели ничего подобного не знали, не представляли, как все эти ужасы мог вынести человек, и сколько горя фашисты принесли моему народу.

После этой лекции как-то само собой возник у меня со студентами душевный разговор. Мы долго беседовали, говорили о будущем, о мире, выясняли, кто кому грозит войной. И этот урок принес мне огромное удовлетворение, я почувствовала, что в какой-то степени смогла изменить негативные взгляды своих учеников, просветила их и принесла пользу своей Родине».

Многие советские женщины сейчас оказались не только в Европе, но и в Австралии, Латинской Америке, Африке, где о Советской стране знают в основном то, что им несут антисоветская пропаганда и разномастные «знатоки» славянской души. При такой информации немудрено и запутаться. Изворачиваются или в лучшем случае замалчиваются миролюбивые инициативы

Советского государства. Западная пропаганда трубит о том, что, дескать, русские хотят завоевать мир. Но как, каким путем? Да, мы действительно хотим «завоевать» мир. Но только не оружием, а сердцами, добрыми делами и своим личным примером.

Так пытаются строить свою жизнь за рубежом некоторые советские женщины. Оговоримся сразу — некоторые, и далеко не все. Не каждая попадет в благоприятные условия, во-первых. И, во-вторых, не у каждой, будем смотреть правде в глаза, к сожалению, пробуждается такое желание.

Будучи в Мехико в прошлом году, я побывала в консерватории на концерте учеников преподавательницы по классу виолончели Зои Камышевой. Почти десять лет, выйдя замуж за выпускника университета имени Патриса Лумумбы, она живет в Мехико. Далеко не сразу, но ей удалось устроиться на работу в консерваторию, сперва на общественных началах. И вот на отчетном концерте ее ученики разных возрастов, от семи до двадцати лет, исполнили произведения Балакирева, Чайковского, Рахманинова, Скрябина. А восьмилетняя сероглазая Марисоль пела на русском языке песни русского композитора Лядовой.

После концерта я наблюдала, как ученики и их родители тепло и душевно поздравляли свою учительницу. Они приняли и полюбили эту советскую женщину, которая отдала им свои знания, свое умение и душевное тепло. И суть здесь гораздо глубже: через нашу культуру, через общение с советским человеком мексиканцы познают советский образ жизни. Я беседовала с одним подростком, учеником Камышевой.

— Вы знаете, — говорил он, — у себя дома я только и слышу: деньги, деньги... И лишь после знакомства с маэстро Камышевой я понял, что в жизни есть нечто более важное и интересное...

В Лиме при Обществе дружбы «Перу — СССР» есть школа с преподаванием ряда предметов на русском языке. Учится в ней около двухсот перуанских ребятшек. Своим созданием, своим существованием школа обязана советской гражданке Майе Роменец. В школе ребята не просто изучают русский язык. Они знакомятся с русской и советской литературой, изучают историю СССР, поют наши песни, словом, познают советский образ жизни. Даже создали пионерский отряд... Кроме Майи Роменец, которая работает завучем, в школе есть еще и другие советские женщины — преподавательницы русского языка и истории. А вот дочь свою Роменец отправила жить и учиться в Киев, к своей матери...

Что же Майю держит там, в Перу? Муж и школа, как призналась она мне. И, пожалуй, даже больше школа, без которой она не видит смысла жизни в Перу, она нужна там и ученикам и преподавателям. Когда я была в Перу, Майя как раз на время школьных каникул собиралась в Советский Союз и говорила своим коллегам и ученикам, что не уверена, вернется ли обратно. Я слышала, как преподаватели упрасивали Роменец обязательно вернуться обратно, подарили ей нитку бус из каких-то самоцветов, объясняя, что этот камень заставляет человека вернуться к людям, подарившим его...

ЧЕМ ИЗМЕРЯЕТСЯ РОСКОШЬ?

Такой вопрос ставит в своем письме русская женщина из Австралии Н. Лавазе. Ее занесли на чужбину ветры второй мировой войны. Но теперь, с высоты прожитых лет, она строго судит и себя и своих молодых соотечественниц, покинувших Родину и уехавших за границу:

«Мы были обмануты западной пропагандой и поехали не только за мужьями своими — за роскошью западной жизни. Я много путешествовала и видела, как в разных странах маленькие больные дети бегают за тобой с грязной протанутой ладош-

кой. Такого никогда не увидишь в Советской стране. И если говорить о роскоши, то она измеряется не яркими тряпками и машинами, а положением детей в обществе».

Мы привыкли оценивать гуманизм того или иного общества по положению в нем детей, по отношению к ним государства. И вот что пишут по этому поводу мать двоих детей Лорина Горина из Англии.

«Мне всегда казалось: будут у меня дети, и я стану счастливейшей женщиной в мире... Но теперь я уверена, что я была бы более счастлива в Союзе. Как вспомню наши ясли, детские сады — это такое благо. Здесь, в Англии, государство абсолютно этим вопросом не занимается. Кто-нибудь добровольно устраивает нечто вроде маленького садика. И где? Зачастую в церковном холле. Собирают по домам игрушки, детскую одежду, каждая мать приносит, что может: одна свяжет, другая сделает или сошьет игрушку, третья испечет пирог или торт. Но эти добровольные садики устраиваются всего два раза в неделю... А образование здесь в основном поставлено очень плохо. Это меня убивает. Чему научатся здесь мои дети?»

О своей «красивой» жизни в Австрии пишет Клавдия Шеренг:

«О какой красивой жизни, достатке, изобилии могут мечтать многие из нас, живущие на Западе? Растут дороговизна, безработица. К тому же в семье обычно один работающий. Стараясь приобретать вещи и продукты для семьи удешевленные. А все лучшее, что в витрине, нам недоступно, можем только смотреть.

Наша семья не имеет средств на отдых. Мы уже почти одиннадцать лет живем на Западе и ни разу за эти годы нигде не отдыхали по-настоящему. Такой возможности у нас просто нет. На предпрятии, где работает муж, нет никаких дополнительных материальных благ, кроме зарплаты, которой не всегда хватает на жизнь, не то что на отдых.

Иногда я приезжаю на Родину, в Белоруссию. Не от скуки и не потому, что нечего делать. Просто без нее не могу. Была и прошлой весной. Еще раз набралась силы и здоровья на родной земле. Можно сказать, Родина спасла меня. Я много болею, а перед возвращением в Австрию мне стало совсем худо и пришлось лечь в больницу. Меня хорошо подлечили. И мне бы хотелось поблагодарить главного врача Гадячской районной больницы и весь обслуживающий персонал за ласку, тепло, сердечное отношение, эффективное лечение простых людей».

Только там, за рубежом, на многих, как говорится, находит просветление, они начинают понимать и видеть то, чего не замечали в нашей стране и принимали раньше от государства как должное и обыденное: забота о детях, право на жилье, бесплатное медицинское обслуживание, гарантированные Конституцией.

Письмо из Англии от Лии Авенировой:

«Моему мужу Джорджу наша страна вернула зрение, дала возможность продолжать работать. Дело в том, что Джордж страдал острой близорукостью и постепенно терял зрение. Английские врачи отказались делать операцию, сказали — бесполезно. Что ожидало его? Мизерная пенсия и безработица. Однажды он прочитал статью о замечательном советском офтальмологе Святославе Федорове. Муж обратился за помощью к Советскому государству. Институт принял его на лечение, и доктор Федоров сделал Джорджу очень сложную операцию. И теперь он видит и может продолжать работать. Это счастье мужу дала моя Родина. Об операции, о чуде доктора Федорова была опубликована заметка, которая называлась «Спасибо России за чудо» в газете «Дейли миррор». Спасибо России за чудо! Эти слова и я говорю Родине своей. Меня она вырастила, воспитала и дала образование. Моему мужу советские врачи вернули зрение, а значит, возможность работать и жить. Я думаю, что и детям моим она поможет встать на ноги. И они, в свою очередь, где бы ни жили, будут ей

всегда верны и благодарны».

Как ни парадоксально, многие уехавшие женщины именно там, вдали, начинают особенно четко осознавать, что они потеряли, особенно ценить свою Родину, и у них с особой силой выкристаллизовывается чувство патриотизма. «Это как воздух, которым дышишь, не замечая его. Вот только когда его не хватает, ты начинаешь задыхаться», — говорит представительница одной торговой фирмы из Швейцарии Тамира Симон.

А ЧТО ДОРОЖЕ?

У нас в стране у обыкновенной нормальной женщины любовь к детям, к мужу, к работе — все собрано воедино и не противоречит друг другу. А там, за рубежом, выросшая в СССР женщина, во всяком случае, многие из них, начинают думать, взвешивать...

«Тысячу раз повторяю советским девушкам: подумайте и еще подумайте, прежде чем уезжать, менять Родину на любовь. Хорошее настроение ваше, благополучие — все временно. Слепленние Западом быстро пройдет. Яркие тряпки, которые вначале затуманят вам взор, быстро померкнут. И на смену придут пустота и тоска. Заверю вас: красивой жизни нет ни у кого и не будет в чужой стране. А когда и любовь пройдет, вы узнаете, что только Родина всегда остается с вами. Я тоже осуждаю себя за то, что осталась когда-то на Западе. Хотя, говорю себе, куда я могла тогда вернуться? Деревня моя была сожжена, родители погибли, а в концлагере я полюбила бельгийского парня, который спас меня.

И уж совсем не понять мне нынешних молодых наших девчат. Кто сейчас заставляет их уезжать из родной страны, где у них все есть, где они имели дома, квартиры, родителей, где получили образование и работу? А вот теперь сидят по своим нормам и ноют, каждая одну и ту же песню: домой хочу, к маме, сыта по горло и горячей заморской любовью и красивой жизнью. Будто в Советской стране мало хороших, красивых парней, с которыми можно построить счастливую, надежную совместную жизнь! Смолоду надо думать о будущем». Ольга Гущина. Бельгия.

Другая наша соотечественница, Филипповская-Деревяченко, тоже долгие годы живущая в Бельгии, пишет еще более определенно:

«Любовь к Родине дороже всего, потому что она вечна и неизменна, а все остальное, увы, проходит. И мой вам совет: ищите счастья дома!»

В этих письмах-исповедях нет художественного и журналистского вымысла (да такого и при желании не придумаешь, не испытывай все на себе). Такие письма пишут родным и друзьям, в редакции газет и журналов, в бывшие «свои» институты. И почти в каждом письме личная трагедия, разбитые мечты, одиночество, тоска и чувство своей ненужности в чужом для них мире. Все это исповеди несостоявшихся человеческих личностей. Все приведенные письма подлинны. Авторы писем вовсе не спускают краски, не стремятся рисовать свою жизнь за рубежом в черном цвете. У каждой свои проблемы, свои радости и свои трудности. И все-таки почти в каждом письме звучат вопросы: как жить дальше, чем и для чего? Что будет с детьми? А за вопросами этими следует горький упрек самой себе: что же я наделала? Зачем уехала? И предостережение другим: тысячу раз подумайте, прежде чем ехать...

И последнее письмо — москвички Ольги Джопли, вышедшей замуж за иностранца. Она просит совета у редакции:

«Что делать теперь? Уезжать нельзя, я не хочу покидать свою Родину и ехать в неизвестность. На работе ко мне в основном относятся с пониманием, хотя и чувствую иногда косые взгляды сослуживцев. Но где найти выход? Оставаясь дома, я покалечу свою жизнь и жизнь любимого человека, лишу ребенка отца. Как быть?»

На этот вопрос мы, к сожалению, не сможем дать Ольге ответа. Решать ей самой.

ПОСЛЕДНИЙ

ДОВОД

Леонид МЛЕЧИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

На целлофановых мешочках с кокаином дактилоскопическое исследование обнаружило отпечатки пальцев Холла. Такие же мешочки были у Уэстлейка и Филипа Никольса. Следователь собрался предъявить Холлу обвинение в организованной торговле наркотическими средствами. При наличии отпечатков пальцев заявления Холла о том, что наркотик ему подсунули, даже его собственному адвокату казались малоубедительными.

Правда, следователь пока не мог объяснить суду, откуда Холл, Уэстлейк и Никольс брали кокаин, но Холл понимал: ответ на этот вопрос скоро отыщется. Те, кто подсунил кокаин в его адвокатскую контору, дадут следователю доказательства простой версии: наркотики скупал Никольс, пользуясь связями с мафией во Флориде; Уэстлейк привозил кокаин в Вашингтон, а Холл продавал, благо знакомства у него в столице обширные.

Никольс и Уэстлейк мертвы и ничего не могут отрицать. Напротив, их плохая — в глазах обычных граждан — репутация (еще никто не забыл, как Никольс пытался взорвать памятник Вашингтону) будет свидетельствовать против Холла. Как опытный адвокат, Холл понимал: пока у него нет никаких надежд на благоприятный исход суда.

Сейчас все зависит от него самого. Если он сможет доказать, что стал жертвой заговора, то выиграет дело в суде и сможет учинить иск правительству в связи «с причинением серьезного личного ущерба». Это спасет его профессиональную репутацию. Полиция не станет проводить обыск на десятом этаже этого дома — подозрения Холла для нее не аргумент. Вот если бы он мог убедиться, что там действительно свила гнездо мафия!

Бертис Холл вошел в дом.

В подъезде никого не оказалось. Никем не замеченный, Холл прошел к лифту. На десятом этаже и впрямь темно, хоть глаз выколи, свет потушен даже на лестничной площадке. Рука Холла автоматически полезла в карман, где лежал коробок спичек. Но привлекать к себе внимание ему не хотелось. Он несколько минут простоял не двигаясь, пока глаза немного привыкли к темноте. Тишина была прямо-таки пугающая. Наконец он решился.

Непосредственно перед лифтом стояли громоздкое кресло и что-то вроде журнального столика. Здесь, видимо, и располагался днем молодой человек, в чьи обязанности входило не допускать на десятый этаж посторонних. Дальше неширокий коридор вел к квартирам. В коридор не попадал даже отблеск уличных фонарей, и Холл шел, держась рукой за стену. Судя по темным очертаниям, тут было всего три двери. Холл подергал за ручку — заперта, вторая — тоже. Третья, самая дальняя, подалась.

Холл открыл дверь, собираясь переступить порог, и в этот момент на всем этаже зажегся свет. Он захлопнул дверь и побежал.

Орвил Этвуд обычно ложился рано, но сегодня ему пришлось засидеться. Долгожданный звонок из Калифорнии раздался только в половине первого ночи. Потом к Этвуду приехал Фред. Они проговорили минут сорок. После этого вроде бы можно было идти спать, тем более что вставал Этвуд всегда в одно и то же время — ровно в шесть утра. Но ночной разговор с Фредом не понравился Этвуду.

Фред был, разумеется, почтителен (попробовал бы он быть непочитительным!) и исполнителен. Но прежде приказы ему передавались через третьих лиц, к Этвуду он имел право обратиться только в крайнем случае. Получив возможность разговаривать с Этвудом непосредственно, Фред, пожалуй, забылся. Он перестал считать себя исполнителем, ему понравилось обсуждать с Этвудом детали будущих акций, будто Этвуду нужен был советчик! Доктор Этвуд ценил Фреда, который работал на него лет семь. Но, видимо, нельзя слишком долго полагаться на одного и того же человека. Исполнителей надо менять.

Этвуду не надо было рыться в записной книжке, чтобы найти номер телефона генерала Хьюма, в свое время по совету Этвуда назначенного заместителем

директора ЦРУ — все нужные номера он помнил наизусть.

Хьюм сразу же снял трубку; привычка кадрового военного ставить телефон на ночном столике. И голос у него был твердый, ничуть не сонный.

— Извините меня, Ральф, — сказал Этвуд, — но мне необходимо срочно переговорить с вами.

Ослепленный ярким светом, Холл беспомощно метался. Он понял, что попал в ловушку. Дом ожил и наполнился звуками. Снизу поднимались сразу два лифта. Холл бросился к стеклянной двери, стараясь не пораниться, выбил стекло. Перепрыгивая через несколько ступенек, бросился вниз. Спустившись на два пролета, понял: поздно. Снизу и сверху уже слышны были голоса. Тяжело дыша, он остановился. Рядом с ним в большой — в человеческий рост — деревянной коробке был спрятан пожарный кран. Холл раскрыл дверцы, согнувшись, забрался в тесное помещение и, уткнувшись головой в брезентовый рукав, замер.

Несколько человек, грохоча тяжелыми башмаками, сначала пробежали вниз, потом поднялись вверх. Холл слышал обрывки фраз.

— Куда же он запропастился?

— Уйти ему некуда.

— Может, спрятался у кого-то в квартире?

— Да кто его пустит?

— Надо искать.

Стало тихо. В кварцевых часах Холла была лампочка, но сколько он ни нажимал на крохотную кнопку, ничего разглядеть не мог, поэтому время для него текло невыносимо медленно. Стоять приходилось в на редкость неудобной позе. Шея и поясница ныли так, словно у него начался радикулит, руки затекли. С волнением Холл прислушивался к тому, что происходит в доме.

Сначала до него еще доносились неясные голоса, шум хлопающих дверей, потом на лестничной площадке опять потух свет, и какой-то человек спустился вниз, освещивая себе карманом фонариком.

Когда стоять в обнимку с пожарным краном стало уже совсем невозможно, Холл старательно сосчитал про себя до ста и вышел.

После встречи с доктором Этвудом генерал Хьюм решил, что домой возвращаться уже бесполезно — скоро утро, и попросил шофера отвезти его в Лэнгли. Как только он уселся в вертящееся кресло в своем кабинете, включилось переговорное устройство.

— Сэр?

Хьюм попросил найти Эмсли.

— Пусть немедленно позвонит мне. Откуда угодно. Ясно?

Эмсли, Брунинг и Фред (Роджер Эберли) — все они работали в отделе внутренних операций ЦРУ — подразделении, абсолютно независимом от других служб. Формально отдел подчинялся контрразведке, на деле ее начальник только утверждал программу ассигнований отделу и визирует решения по кадровым вопросам. Даже генеральному инспектору ЦРУ отказывали в доступе к документации отдела, начальник которого выходил непосредственно на аппарат заместителя директора управления. Отдел занимался запрещенными законом о национальной безопасности 1947 года операциями в Соединенных Штатах.

Его сотрудники получили право вести слежку за отдельными гражданами или даже за целыми организациями, подозреваемыми в том, что в их ряды просочились коммунисты. Отдел внутренних операций беспрепятственно перехватывал частную корреспонденцию и занимался прослушиванием телефонных разговоров, получив санкцию заместителя директора управления. В настоящее время отдел почти полностью переключился на антивоенные организации.

Генерал Хьюм никогда не забывал о скандале, которым окончилась операция «Хаос» — Джонсон и

Никсон тоже пытались бороться с антивоенным движением, но довольно безуспешно. Хьюм поэтому старался быть вдвойне, втройне осторожным. Он предпочитал избегать рискованных акций: одобрил работу с Филипом Никольсом, но возражал против операции, в центре которой оказался известный адвокат Холл. Однако ему пришлось поступить так, как от него требовали.

Ральф Хьюм спешил выполнить просьбу Орвила Этвуда не только потому, что был обязан этому человеку своим назначением на столь значимый пост. После долгих лет малоинтересной работы в армейской разведке, затем в разведывательном управлении министерства обороны и в Агентстве национальной безопасности он в должной мере оценил представившуюся при посредстве Этвуда возможность перейти в ЦРУ, которое обладало самыми большими материальными ресурсами для проведения крупномасштабных и эффективных операций. Заместитель директора ЦРУ прекрасно понимал, что доктор Этвуд выполняет волю могущественных калифорнийских магнатов, которые держат в руках значительную часть военной промышленности Соединенных Штатов. Дружба с Этвудом в силу этих причин была бесценной. Хьюм надеялся выйти в отставку четырехзвездным генералом.

В разгар прошлой избирательной кампании Этвуд попросил Хьюма, который работал тогда в военной разведке, подыскать несколько опытных людей для выполнения щекотливых заданий. Группу возглавил Фред, которого на несколько месяцев специально уволили из ЦРУ, чтобы соблюсти все формальности. Его помощниками стали Эмсли и Брунинг. Опытные сотрудники разведки проникли в Белый дом — там хозяйничал Грейндж — и контролировали каждый шаг тогдашнего президента. Уже позже, начав работать в Лэнгли, Хьюм узнал, что ЦРУ всегда держало в Белом доме своих людей, причем не только клерков или шоферов, но и высших сотрудников президентского аппарата.

Разумеется, Центральное разведывательное управление не было вторым, или, как его еще называли, «невидимым» правительством. Лэнгли всегда подчинялось приказам власти имущих. Но в Америке те, кто определяет политику страны, не обязательно сидят в Белом доме.

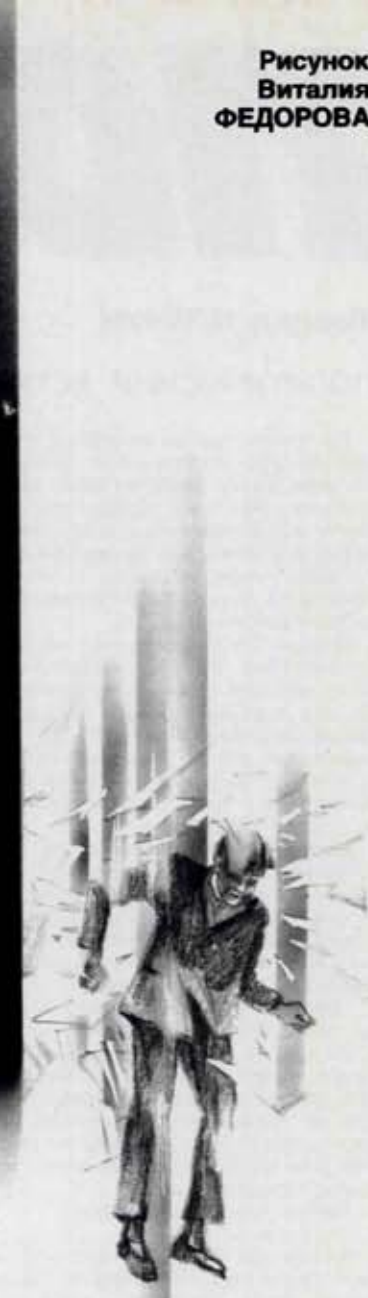
По просьбе Этвуда Хьюм велел агенту ЦРУ, который работал в Белом доме исполнителем директором отдела политики в области науки и техники, положить в сейф тогдашнего помощника президента по национальной безопасности Нельсона Ньюмена пакет с японским жемчугом, а потом позвонить в ФБР. Таким образом Ньюмена убрали, чтобы посадить в это ключевое кресло человека, который устраивал калифорнийских магнатов, — Адриана Корта. Агентом ЦРУ был и председатель Национального фонда искусства и гуманитарных наук, который передавал журналистам сведения о «брифинггейте» — с тем, чтобы скомпromетировать Генри Дугласа, Рэндольфа Хобсона и самого директора ЦРУ. Этих людей хотели убрать из администрации.

Дежурной службе наконец удалось отыскать Эмсли. Его немедленно соединили с Хьюмом.

— Вы мне нужны, Эмсли, приезжайте немедленно. — приказал заместитель директора ЦРУ.

Бертис Холл спускался по лестнице на цыпочках, уповав на то, что люди, искавшие его, уже разошлись — сколько же можно ждать. Несколько раз он замирал, когда слышал какой-нибудь звук. Ему повезло. В этом доме стараниями неизвестного архитектора лестница — видимо, в целях противопожарной безопасности — имела отдельный выход на улицу. Совершенно обессиленный, еле переставляя ноги, Бертис Холл выскользнул на улицу. Человек, стоявший у лифта, оглянулся на шум хлопнувшей двери, но уже никого не увидел.

Бертис Холл, торопясь домой, поехал прямо через центр ночного Вашингтона. Машин было мало. По сравнению с такими мегаполисами, как Нью-Йорк,

Чикаго или Лос-Анджелес, столица Соединенных Штатов — небольшой, можно сказать, провинциальный городок. Однако система регулирования дорожного движения функционировала идеально. У каждого светофора ему приходилось выстаивать полный срок, хотя он был один на всей улице. Нарушать правила он боялся, в нынешней ситуации ему ни к чему столкновения с полицией. В какой-то момент он не выдержал и съехал с магистрали на боковую улочку, решив, что так быстрее. Прямо на проезжей части два человека оживленно беседовали. Холл еле успел затормозить. В белом свете фар он увидел их лица. Одного из них Бертис Холл определенно знал.

— Да это же Роджер Эберли, — пробормотал Холл. Вместо того, чтобы по привычке автомобилистов обругать неосторожных пешеходов, Холл вылез из машины и с вежливой улыбкой подошел к Эберли. Второй человек отвернулся и отступил в тень.

Сенатор Плиммер был вне себя от возмущения. Он же говорил Фреду, что здесь их кто-нибудь может увидеть, и вот, пожалуйста, какого-то идиота бог принес. А может быть, это инсценировка? Фред привел свидетеля, который, если понадобится, подтвердит, что присутствовал при их переговорах?

Плиммер горько улыбнулся. Эти люди хотят покрепче прибрать его к рукам, и ничего с ними не сделаешь.

Ему придется выполнить требование Фреда. Конечно, президент примет его и выслушает, но больше им друзьями не быть.

Значит, калифорнийцы не совсем довольны политикой Белого дома. Чем ближе переизбрание, тем больше беспокоится обитатель Белого дома: американцы хотят от президента каких-то шагов по укреплению мира. И президентские советники начали сочинять для него миролюбивые речи. Но даже эта риторика, понял Плиммер, беспокоит военно-промышленный комплекс. Президент должен отправить в отставку Генри Дугласа, поскольку тот занимает умеренную позицию в области национальной обороны, и директора ЦРУ — тот недостаточно активно занимается борьбой с антивоенным движением (слишком занят собственными финансовыми махинациями). Активизацию антивоенного движения следует приписывать советским агентам (и доказать такую связь должен новый директор ЦРУ), а затем политически и психологически использовать это против тех, кто старается наладить отношения с Москвой.

Сенатор Плиммер не сомневался, что президент

выполнит все, чего от него требуют. Как бы ни хотелось ему приукрасить свой образ в глазах американцев и как бы ни были дороги ему помощники — Дуглас и директор ЦРУ. Эти двое, вспомнил Плиммер, единственные, кто связан с президентом много лет. Ничего другого ему не остается: скандал вокруг похищения документов показал, что с неудобным президентом можно расправиться. Как это сделали с Никсоном.

Плиммер вопрошающе посмотрел на Фреда. Они договаривались встретиться днем, на теннисном корте, но Фред все переиграл и поднял его из постели. Теперь, когда разговор закончен, сенатору не терпелось вернуться домой.

— Извините, мистер Холл. — Фред выдавил из себя улыбку. — Я должен закончить беседу с моим другом.

Фред подошел к Плиммеру.

— Ну, хорошо, сенатор. Мы, кажется, обо всем договорились. Завтра, как условились, я позвоню вам.

Плиммер вяло кивнул и быстро пошел по улице — его дом был совсем рядом.

— Как вы здесь очутились? — довольно бесцеремонно спросил Фред у адвоката. Он недоумевал, почему его люди упустили Холла. Ведь все было продумано до мелочей. Неужели Холл оказался умнее?

Фред слушал адвоката с нарастающим раздражением. Надо же, как элементарно Холл обвел их вокруг пальца. И сейчас они даже не попытались догнать машину Холла, хотя в ней был спрятан радиомаяк, включавшийся вместе с зажиганием специально для того, чтобы операторы из отдела внутренних операций всегда знали, где находится адвокат.

Фред счел нужным познакомиться с Бертисом Холлом для того, чтобы решить, в какой степени адвокат годится для той комбинации, которую они с генералом Хьюмом задумали. Фред нашел Холла подходящей кандидатурой и поручил своим подчиненным закончить это дело. Но они прошляпили. Придется все сделать самому. Плохо только, что Холл видел его с сенатором. Впрочем, адвокат как будто не узнал Плиммера.

— Интересная история, — протянул Фред, когда Холл закончил свой рассказ. — Ну что же, надо действовать. Отгоните вашу машину за угол — там она никому не помешает, и едем.

— А куда мы направляемся? — поинтересовался Холл, усевшись в машину Фреда.

Профессору Чейзу пришлось подняться необычно рано. Он хотел закончить все текущие дела, с тем чтобы днем вылететь в Нью-Йорк. В отеле «Уолддорф-Астория» он должен обедать с членами организации «Молодые консерваторы» и учредителями «Комитета по борьбе с опасностью». Устроители обеда хотели обменяться мнениями относительно стратегии Соединенных Штатов в космосе. Такие обеды вошли в обычай у Чейза и Корта; до начала работы в администрации они оба входили в «Комитет по борьбе с опасностью» и принимали участие в разработке новой военной стратегии, доказывая, что в ядерной войне можно выиграть и что Соединенные Штаты должны быть готовы ее начать. Многие члены комитета теперь работали в администрации: в руководстве агентства по контролю над вооружениями и разоружению, в аппарате государственного департамента, в ЦРУ и министерстве обороны. Долгие годы они ожидали своей очереди за кулисами, чтобы выйти на авансцену, и при нынешнем президенте их час настал.

По просьбе Адриана Корта генерал Хьюм принял на работу в ЦРУ нескольких экспертов «Комитета по борьбе с опасностью», которые подготовили ряд докладов об отставании американской военной мощи от советской; эти «секретные» документы были доведены до сведения журналистов — любимый прием в политической игре. Заниженные оценки состояния американской армии подготовили американцев к теории «окна уязвимости», которую проповедовал нынешний президент. Независимо от степени достоверности формула «окно уязвимости» звучала достаточно убедительно — это был удачный лозунг для избирателей и оправдание для подготовки нового военного бюджета.

Бертис Холл отрицательно покачал головой.

— Нет. Нет, — повторил он. — Я больше туда не пойду.

— Почему? — спросил Фред. — Вы же сами хотели все выяснить. Несомненно, разгадка скрыта там, на десятом этаже.

Уже было светло. Бессонная ночь оставила отпечаток на лице адвоката. Он выглядел очень усталым и постаревшим. Фред привез его к тому же самому дому.

— Я больше туда не пойду, Эберли,— твердо сказал Холл.

Минуто они смотрели друг на друга. Потом Фред решил. Он вытащил пистолет — наплевчанная кобура была скрыта под серым твидовым пиджаком — и направил его на Холла.

— Выходите из машины.

Фред не без удовольствия наблюдал за внезапно побледневшим адвокатом. Он ожидал, что Холл начнет звать на помощь или, напротив, умолять отпустить его, но адвокат молчал.

На десятом этаже было пусто. Фред указал Холлу на дальнюю дверь. Адвокат вошел в комнату и остановился в изумлении. Огромная комната с зашторенными окнами была вся оклеена плакатами антивоенного движения. На большом столе стояла компактная множительная аппаратура, пол завален листовками и брошюрами, призывающими к ядерному разоружению.

Он обернулся и спросил у Фреда:

— Так что вы от меня хотите?

— Я от вас ничего не хочу,— скучным голосом ответил Фред.— Я сотрудник Центрального разведывательного управления. Моя задача — выявить преступные связи американского антивоенного движения с агентами Москвы. Сейчас я вызову полицию, которая вас арестует, поскольку я, к сожалению, лишен такого права.

Фред шагнул в комнату, подошел к окну, попробовал раздвинуть шторы, но они не поддались.

— Что же вы так боитесь заглянуть сюда, а, Холл? Вас здесь давно ждут. Приманку в виде Диркса вы лихо заглотнули; сидели у него на «хвосте» столько дней, как правый агент из службы наружного наблюдения. Вы и в самом деле полагали, что он вас не замечает?

Фред вытащил из бокового кармана пиджака «уоки-токи».

— Чтобы вы были в курсе,— продолжал он.— На ручке двери, на столе, на кнопках аппаратуры и на листовках есть отпечатки ваших пальцев. Точно так же, как и на тех черных сумках, где вперемешку с листовками лежит динамит да еще письмо Филипа Никольса, адресованное вам. Письмо примерно такого содержания: «Я делаю это во имя нашего движения. Если я погибну, ты продолжишь наше дело». Несколько жильцов этого дома засвидетельствуют, что часто видели вас здесь. Они опознают и сумки. Впрочем, навряд ли вы решитесь что-либо отрицать.

— Это почему же? — зло нахмурился Холл.

— Неплохой парнишка ваш сын, а, мистер Холл? Вам, пожалуй, было бы неприятно узнать, что с ним произошел несчастный случай, не так ли? Это мой последний довод, и, надеюсь, достаточно убедительный.

Фреду, наконец, удалось раздвинуть шторы, и тусклый свет наступающего дня осветил его довольное лицо.

В этот момент дверь в комнату распахнулась от удара ногой, и Бертис Холл увидел человека в кожаной куртке, с пистолетом в руках. Прежде чем он успел что-либо сообщить, раздался выстрел.

Документ, который лежал на столе у Корта, когда он вернулся от президента, был доставлен спецкурьером.

Это была разработка по ведению пропагандистской кампании в связи с очередной встречей руководителей промышленно развитых стран капиталистического мира.

Корт одобрил документ. Еще вчера ему пришлось бы согласовывать все с Генри Дугласом, советником президента в ранге министра. Сегодня подписи Корта будут достаточно, потому что президент принял решение об отставке Дугласа, который вынужден отказаться от работы в администрации. Разумеется, не из-за причастности к скандалу вокруг похищения бумаг, а по чисто семейным причинам.

Министр обороны, спешно вызванный в Белый дом, нашел президента в хорошем настроении. Спикер палаты представителей высказал свои возражения по поводу расследования, проводимого конгрессменом Шэдди. «Я не вижу в этом особо важной проблемы», — сказал он. Можно было ожидать, что расследование будет спущено на тормозах и скандал утихнет.

Президент попросил шефа Пентагона подготовить для него большую разработку по космическому оружию — для выступления по телевидению. Американцы должны одобрить его решение: начать производство нового поколения космического оружия — в целях обороны от русских, разумеется.

Эмсли не решился по телефону сказать Этвуду, что Фред — он же Роджер Эберли — мертв. Он предпочел приехать домой к Этвуду и коротко доложить о предпринятых им усилиях, стараясь выставить в лучшем свете свои действия.

Отсутствие Эмсли, Орвил Этвуд подумал, что Фред как работник был сильнее. Акция с Филипом Никольсом была на редкость удачной и по замыслу и по исполнению. Был нанесен серьезный удар по антиво-

енному движению и здорово напуганы обыватели. Но ничего не поделаешь. Фред слишком глубоко проник в игру с Плиммером. Ему стало известно значительно больше того, что полагалось знать работнику его ранга. Да и с этим адвокатом он непозволительно долго возился. Теперь все кончено. Уже в вечерних газетах появится сообщение о том, что ФБР раскрыло конспиративную квартиру, где люди, называвшие себя борцами за мир, готовили очередной террористический акт против мира и спокойствия американцев. Они же, между прочим, приторговывали наркотиками. Надо полагать, шум будет большой. Антивоенное движение внушало и администрации и калифорнийским магнатам серьезную тревогу. Оно захватило широкие круги американцев, и, чтобы скомпрометировать борцов за мир, потребуются большие усилия. Этвуду, с его широкими связями в ЦРУ и в министерстве юстиции, поручили именно эту задачу.

Тем более что других хлопот у него не будет. Раскручивание истории с похищением бумаг у Грайнда, которое чуть было не вышло из-под контроля (из-за того, что конгрессмен Шэдди решил сделать себе имя на этом расследовании), в ближайшие дни отойдет в тень. Журналисты, которые раскручивали это дело, больше не получат никакой новой информации. Многие видные промышленники, поддерживавшие президента, забеспокоились, когда комиссия Шэдди решила добиваться доступа к президентским архивам в Гуверовском институте войны, революции и мира, который и так подвергался критике со стороны либералов за разработку консервативных политических программ для нынешней администрации. В президентских бумагах можно было найти точные суммы пожертвований «Силиконовой долины» в избирательный фонд президента. Если бы эти цифры были преданы гласности, это повредило бы магнатам в глазах общественного мнения, да и президенту пришлось бы подчеркнута продемонстрировать свою независимость от пожертвований.

История с похищением бумаг сыграла свою роль. И нынешний президент и те, кто мечтает поселиться в Белом доме, осознали, насколько они уязвимы в том случае, если их политика отклоняется от линии, начертанной хозяевами «Силиконовой долины», которые хотели единолично держать в руках рычаги государственной власти. Доктор Этвуд, один из многих посредников между калифорнийским бизнесом и администрацией, с удовлетворением отмечал в своих отчетах, что ныне в трех случаях из четырех Вашингтон следует курсу, полностью приемлемому для «Силиконовой долины». Поэтому, собственно говоря, не так важно, кто станет президентом. Так или иначе ему придется следовать этой линии.

Доктор Этвуд попросил генерала Хьюма убрать Джио и Уинтерса, которые надеялись выманить у Плиммера полмиллиона долларов в обмен на видеопленки. Эту акцию взял на себя Эмсли. Помимо Плиммера, на пленках были запечатлены люди, которых никак нельзя было скомпрометировать в глазах общественности. Зато Этвуд располагал теперь весомыми аргументами для разговора с этими людьми, вряд ли кто из них откажется выполнить его просьбу. Имея в руках видеопленки, Фреду ничего не стоило заставить сенатора Плиммера сделать все, что от него требовалось. Плиммеру осталось провести еще одно заседание сенатской комиссии по делам вооруженных сил и утвердить дополнительные ассигнования на космическое оружие.

Этвуд уже знал, что президент прислушался к тому, что передал ему Плиммер. Отправил в отставку Генри Дугласа, Рэндольфа Хобсона и директора ЦРУ (его место займет Хьюм), готовится выступить с жесткой речью по космическому оружию. Пентагон накануне выступления президента сообщит об успешном испытании лазерного космического оружия. Оно уже проведено: лазерной установкой, смонтированной на борту летающей лаборатории, сбиты пять ракет. Одновременно ускоряются работы по созданию лучевого, высокоэнергетического и противоспутникового оружия. В промышленном производстве этих систем кровно заинтересованы в Калифорнии. После беседы с президентом министр обороны предупредил магнатов «Силиконовой долины», что их ждут новые значительные заказы. В Вашингтоне опасались, что создание космического оружия вызовет оппозицию среди американцев. Но план, разработанный профессором Чейзом и генералом Шрайвером, кажется, удался, с облегчением подумал Этвуд: большинство американцев так прочно уверовали в существование «советской космической угрозы», будто она и в самом деле существует.

Этвуд мысленно поздравил себя с удачей. Он сделал все, что мог, и вроде бы успешно справился со всеми проблемами. Конечно, скоро появятся новые трудности, но пока что он летит во Флориду отдыхать. Весь месяц там будет хорошая погода. Перспектива была настолько приятной, что даже несусветный Этвуд скрестил средний и указательный пальцы правой руки, чтобы не сглазить.

Бертис Холл не понимал, что происходит: выстрел прозвучал, но он был жив. Он сделал шаг вперед и

замер. На грязном ковре лежал труп Роджера Эберли. Его голова превратилась в сплошное кровавое месиво. Должно быть, пуля была разрывной. Холл беспомощно посмотрел на убийцу — невысокого человека в кожаной куртке. Тот, стараясь не испачкаться в крови, подошел поближе к труп, бесстрастно осматривая то, что еще недавно было человеком, бросил пистолет на пол.

Потом человек в темной кожаной куртке и такого же цвета перчатках повернулся лицом к адвокату.

— Зачем вы убили его? — негромко спросил Холл.

— При чем здесь я? На рукоятке этого «магнума» 45-го калибра отпечатки только ваших пальцев, — последовал ответ. — Этого вполне достаточно, чтобы Большое жури, не колеблясь, предъявило вам обвинение в убийстве сотрудника Центрального разведывательного управления.

Бертис Холл покачал головой.

— Я ведь юрист. Слишком просто у вас получается — повсюду мои следы. Наносить чужие отпечатки на рукоятку пистолета или еще куда-нибудь — что-то я раньше не слышал о такой возможности.

— Неужели? — Убийца Роджера Эберли искренне удивился. — Да такие штуки проделывали еще во времена Конан-Дойля. Будет время, попросите из тюремной библиотеки рассказы о Шерлоке Холмсе, вам будет интересно.

Холл уже столько испытал за эту ночь, что, казалось, потерял способность поражаться. Но то, что произошло сейчас, не укладывалось у него в голове. Это было слишком жестоко и страшно. Он понял: те, кто устроил этот кровавый спектакль, не дадут ему выпутаться из этой истории.

Он, не отрываясь, смотрел на стоявшего перед ним убийцу. Коротко подстриженные усы, глаза почти без ресниц. Лицо порядочного человека, не какого-нибудь монстра. Холлу оно даже показалось знакомым. Как же он мог забыть!

Человек с такими приметам приходил к Филипу Никольсу в мотель перед тем, как этот несчастный так неудачно для себя попытался привлечь внимание американцев к страшным последствиям гонки ядерных вооружений. На его крови они нажили политический капитал. Теперь такая же роль уготована и ему, Холлу.

Бертис Холл, не сводя глаз с человека в кожаной куртке, медленно отступал назад, пока не наткнулся на подоконник.

— Это говорит Брунинг, — сказал человек в куртке, прижав к щеке потрескивающий «уоки-токи». Брунинг с интересом разглядывал стоявшего перед ним адвоката. На фотографиях Холл выглядел моложе и бодрее. Вместе с Эмсли и покойным Фредом Брунинг осуществил акцию с Филипом Никольсом, который давно собирался выступить против «ядерного безумия Вашингтона». Эмсли и Брунинг, выдав себя за единомышленников Никольса, уговорили его отложить демарш до рождества (чтобы Фред успел все подготовить). В отряде парковой полиции, который блокировал в тот день памятник Вашингтону, был снайпер из отдела внутренних операций ЦРУ, он и прикончил Никольса — по радиосигналу Фреда. Потом Бруннингу пришлось немало повозиться с Уэстлейком, который прилетел из Флориды выручить своего бывшего служащего. Шантаж не увенчался успехом, Уэстлейк взял да и умер прямо на глазах у Брунинга. Хорошо, что Фред придумал комбинацию с кокаином и притянул к делу адвоката. Фред был умный. Умный? Теперь все лавры достанутся им с Эмсли. Брунинг выполнил приказ, когда пристрелил Фреда. Сделал он это охотно: смерть начальника открывала перед его бывшими подчиненными хорошие перспективы. Особенно теперь, когда генерал Хьюм стал директором.

— Можно запускать полицию и приглашать журналистов, — закончил Брунинг и сунул передатчик в карман.

Холл понял, что его ждет. С неожиданной для Брунинга ловкостью он вскочил на высокий подоконник и выбросился из окна. Он умер от разрыва сердца, не успев коснуться земли; звон разбитого и посыпавшегося вниз толстого оконного стекла заглушил его предсмертный крик — во всем доме были прочные двойные рамы.

Из сообщения Эй-би-си:

«На середину января в Вашингтоне намечена грандиозная демонстрация участников антивоенного движения. Сторонники ядерного разоружения намерены потребовать от администрации резкого сокращения военных ассигнований, переговоров с Советским Союзом об ограничении гонки вооружений.

Представители Белого дома сообщили корреспондентам, что секретная служба, опасаясь террористических актов, направленных против президента, усилила меры безопасности в ответ на решение пацифистских групп провести демонстрацию. Семь самосвалов с песком установлены у главных ворот Белого дома. Вокруг Белого дома сооружаются дополнительные бетонные заграждения. Резиденция президента все больше начинает походить на хорошо укрепленную крепость».

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

Carlos
Fonseca

ТИПОГРАФИЯ— МОЛОДЕЖИ НИКАРАГУА

«Поможем Никарагуа построить молодежную типографию!» — с таким призывом обратилась к соотечественникам инициативная группа прогрессивных общественных деятелей, литераторов, руководителей молодежных организаций ФРГ. Авторы обращения напоминают, что только за один год движение «Сандинистская молодежь», направив 60 тысяч добровольцев в разные уголки страны, почти в пять раз снизило в Никарагуа процент неграмотных. Типография, которая будет выпускать молодежные журналы, брошюры, плакаты, станет проявлением солидарности с мужественной борьбой народа маленькой страны против агрессивных планов Белого дома и Пентагона. Поступило уже много денежных пожертвований от молодых рабочих, студентов, школьников. Типография будет присвоено имя Карлоса Фонсеки Амадора, основателя Сандинистского фронта национального освобождения, погибшего в 1976 году в бою с головорезами Сомосы.

«ЭЛАН», ФРГ

НАТО И ЖЕНЩИНЫ

«Этнический взрыв»

Ученые констатируют: за последние несколько десятков лет у японцев наблюдаются серьезные антропологические изменения. Еще в начале века о японцах говорили, как об одной из самых малорослых наций в мире. В 1939 году средний рост японца был равен 161 сантиметру, а сегодня... 170! За это же время средний вес японцев увеличился на 7,5 килограмма. По мнению профессора Асако Тохата из института питания, главная причина перемен кроется в изменении пищевого рациона. Молодые японцы принимают животных белков значительно больше, нежели поколения пожилых жителей Страны восходящего солнца. Эти последние консервативно придерживаются традиционной пищи: рис, рыба, соевый суп широ. В рационе же японцев младшего и среднего возрастов все больше преобладают овощи, фрукты, молочные продукты. Такое изменение питания имеет еще один результат — сократилось число сердечно-сосудистых заболеваний (смертность от этих болезней составляет в Японии 40 человек на 10 тысяч, а в США — 300 на 10 тысяч).

«ИОМИУРИ»,
ЯПОНИЯ

Жертвы акул

Каждый год отмечается около 400 случаев нападения акул на людей. Не меньше пятидесяти человек погибают, утверждает статистика. Но, по-видимому, действительное число жертв значительно выше, так как многие погибшие от зубов этих хищников упоминаются как «утонувшие». По невыясненным причинам акулы сейчас все чаще подходят к суше и появляются в водах, раньше считавшихся безопасными. Так, недавно такими считались воды Средиземного моря. Сейчас в этой зоне можно встретить по меньшей мере 13 из 350 известных видов акул. Не вполне безопасны стали и воды Балтийского моря. Правда, здесь акул мало, и даже крупнейшие, достигающие четырех метров в длину, избегают встреч с человеком. Однако пока не найдены средства, которые надежно отпугивали бы хищников. Акулы не реагируют ни на шум, ни на крики, ни на специальный порошок, окрашивающий воду.

«ПАНОРАМА»,
ПОЛЬША

Характерной особенностью для армий стран НАТО стало широкое привлечение к службе женщин: сегодня более 250 тысяч женщин носят военную форму — и это без учета женского персонала разных вспомогательных учреждений и предприятий (вроде прачечных, пекарен и т.п.). Представительницы «слабого» пола служат в американских пехотных частях, английских ВВС, на голландском военном флоте, в штабах бундесвера в ФРГ. Появились женщины-военнослужащие даже в Турции. Немалое их число имеют офицерские звания и несут службу в линейных частях. Бывают случаи, когда взводами и ротами, состоящими из солдат-мужчин, командуют офицеры-женщины.

Что толкает их на это? Призвание? Патриотизм? При проведенных в некото-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕДКОСТЬ

Среди наиболее ценных экземпляров библиотеки румынского города Констанца особый интерес вызывает Атлас. Он отпечатан в 1656 году в Амстердаме, содержит цветные карты стран мира того периода с пояснениями к ним на латинском, французском и голландском языках. Атлас издан в

массивном кожаном переплете и весит 15 кг. Читатели в широкую очередь говорят, что для переноса этого фолианта необходимо иметь руки Атласа — терзающие дризматические дельтоиды...

«СКИНТЕЙЯ»,
РУМЫНИЯ

В ЗАЩИТУ ТАДЖ-МАХАЛА

Построенный 350 лет тому назад знаменитый беломраморный дворец Тадж-Махал, расположенный в индийском городе Агра, подвергся разрушительному воздействию сернистого газа, выбрасываемого в воздух действующими нефтеперерабатывающими предприятиями. Городские власти приняли конкретные меры по спасению этой жемчужины индийской архитектуры. На нефтеперегонные заводы теперь поступает нефть с низким содержанием серы, что резко сократило концентрацию сернистого газа в атмосфере — до уровня, не создающего опасность архитектурному памятнику.

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

ЕЩЕ ОДИН «ЗОЛОТОЙ ДИСК»

Он преподнесен чехословацким издательством «Супрафон» известному певцу Карелу Готту. Эту почетную награду он получает в пятый раз: за двадцать лет фирма выпустила 5 миллионов пластинок с записями его выступлений.

«МЛАДЫЙ СВЕТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

рых странах опросах почти никто не назвал патриотические чувства в качестве мотива выбранного жизненного пути. Очень откровенно ответила одна бельгийка, носящая погоны лейтенанта: «На «гражданке» мне и не снились те деньги, которые я получаю на военной службе! Безработица, личная неустроенность, желание «жить прилично» — наиболее частые причины, которые заставляют женщин в странах НАТО надевать военную форму. Есть, конечно, и такие, которых влекут в армию властолюбие, тяга к самоутверждению и т.п. И все же каждую из этих причин дополняет желание иметь твердый заработок.

«ПАРАЛЕЛИ»,
БОЛГАРИЯ

СВЕРХБЫСТРЫЕ ПАЛЫЦЫ

На семинаре медиков, состоявшемся в Риме, была высказана гипотеза, призванная раскрыть загадку виртуозного исполнения музыкальных пьес знаменитым скрипачом Никколо Паганини. Профессор Ренцо Матеро, директор института хирургии руки в Савоне, пришел к заключению, что, кроме исключительного таланта, которым он был одарен, Паганини имел «сверхловкую» руку — благодаря как длительным упражнениям, так и морфологическим и физиологическим особенностям. Необычайная гибкость и подвижность суставов и мускулатуры, многократно упоминаемые в описаниях Паганини, сделанных современниками, побудили специалистов утверждать, что скрипач страдал так называемым синдромом Марфана, вызванным белковым нарушением равновесия и действующим на ткани, особенно на сухожилия суставов.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

Рай для мафии

В 30-х годах нашего века город Атлантик-сити (штат Нью-Джерси, США) пользовался славой одного из самых аристократических морских курортов мира. Однако в 60-х годах здесь осталось всего 34 000 жителей. Звезда Атлантик-сити закатилась. Некогда роскошные здания ветшали. Город переживал упадок. Ему грозил финансовый крах. И вдруг все перевернулось...

В 1976 году в штате Нью-Джерси был снят запрет на азартные игры. И в Атлантик-сити как грибы после дождя выросли гигантские казино, многочисленные отели... Всего за несколько лет некогда всемирно известный «светский» курорт превратился в крупнейший центр азартных игр. Но за большими деньгами пришла сюда и преступность. Сразу после того, как отцы Атлантик-сити легализовали в своем городе игорный бизнес, между крупнейшими кланами уголовного мира Нью-Йорка и Филадельфии началась война за господство в этой новой столице рулетки и азарта. Атлантик-сити в уголовной статистике занимает сегодня второе в США место, после Майами.

«НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС», США

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Я давний читатель вашего журнала. По-моему, он один из самых интересных журналов для молодежи. «Смена» прекрасно иллюстрирована, а этого не хватает многим нашим изданиям. Журнал постоянно откликается на пожелания своих читателей, публикуя материалы по их просьбам — статьи о молодежной музыке, о современной моде, о культуре и искусстве зарубежных стран, о спорте. Причем, на какую бы тему ни писались статьи, они всегда отличаются серьезностью подхода, инициативой, четкой подачей материала.

Поэтому я тоже решил обратиться к вам и предложить несколько тем для публикаций, которые будут, на мой взгляд, интересны не только мне и моим друзьям, но и многим другим читателям журнала.

Хотелось бы увидеть в одном из номеров «Смены» материал о появившихся в последнее время новых спортивных увлечениях молодежи, таких, как, например, дельтапланеризм, скейт. Расскажите об истории возникновения этих видов спорта, о том, как они развиваются у нас в стране.

Очень интересными в исполнении «Смены», думаю, были бы рассказы об известных музеях мира — Лувре, Прадо и других. Хотелось бы побольше узнать об их связях с нашими музеями и особенно с Эрмитажем. И, конечно, многих заинтересуют сообщения о том, какие зарубежные музеи будут демонстрировать в Советском Союзе свои коллекции в ближайшее время.

Недавно у нас в стране гастролировала известная группа «Матиа Базар» из Италии. Этот коллектив отличает своеобразная манера исполнения. Рассказ о «Матиа Базар» был бы как нельзя более кстати в клубе «Музыка с тобой».

И, наконец, последняя тема, которую хочется предложить: обзор новинок бытовой радиотехники, готовящихся к выпуску в 1985 году, новых направлений в этой области промышленности.

Читатель — «Смена» — читатель

Надеюсь, редакция найдет возможным удовлетворить хотя бы некоторые мои просьбы. Журнал, как мне кажется, от этого только выиграет.

С уважением,

ИЛЬДАР БАДРУТДИНОВ,
Ленинград

От редакции: Какой будет «Смена» в 1985 году? Это во многом зависит от вас, дорогие читатели. Намечая планы, мы учитываем прежде всего ваши письма, предложения, советы. Не будет нарушена эта традиция и в новом году.

Что касается пожеланий нашего читателя Ильдара Бадрутдинова в адрес клуба «Музыка с тобой», то уже в этом номере мы печатаем материал об итальянской группе «Матиа Базар».

О развитии новых видов спорта в нашей стране «Смена» пишет постоянно. В частности, рассказывали мы и о дельтапланеризме.

О том, как, в какой форме выполнить и другую просьбу многих читателей — рассказать о крупнейших музеях мира — сейчас идет деловой разговор в нашем редакционном коллективе. Здесь мы тоже рассчитываем на советы наших читателей. Кстати, думаем, им будет интересно узнать: сейчас в работе находится

большой фотоматериал об Эрмитаже, который познакомит читателей с будничной работой музея, о которой мало кому известно в подробностях.

О выставках. Наверняка никого не оставит равнодушным экспозиция «Спасенные шедевры из Дрезденской галереи», которая будет демонстрироваться в октябре в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве. В Государственной картинной галерее СССР откроется выставка, посвященная 800-летию сербской культуры (Югославия). Осенью в залах Академии художеств будут выставлены картины знаменитого художника из Мексики Давида Сикейросы. В музее Искусства народов Востока — работы мастеров из Вьетнама, Китая. Центральный дом художника в конце лета откроет выставку японского дизайна.

Новинки бытовой радиотехники тоже в планах редакции. Мы хотим познакомить наших читателей и с предприятиями, выпускающими современную аппаратуру, и с людьми, от которых зависит ее качество. А пока небольшое сообщение: налажено производство первой советской телемагнитолы «Амфитон». В компактном футляре черно-белый телевизор, радиоприемник и кассетный магнитофон. Телевизор с экраном 16 сантиметров по диагонали имеет ряд автоматических регулировок, обеспечивающих высокое качество изображения. Радиоприемник принимает передачи на всех волнах. А кассетный магнитофон имеет все современные позиции, в том числе кнопку «пауза» для перерыва записи или воспроизведения. К телемагнитоле можно подключать микрофон, магнитофон, проигрыватель, радиотрансляционную сеть и головные телефоны.

Итак, давайте подумаем вместе, посоветуем, каким быть журналу в будущем году. Сегодняшний разговор — только начало.

«Смена» ждет ваших писем.

По горизонтали:

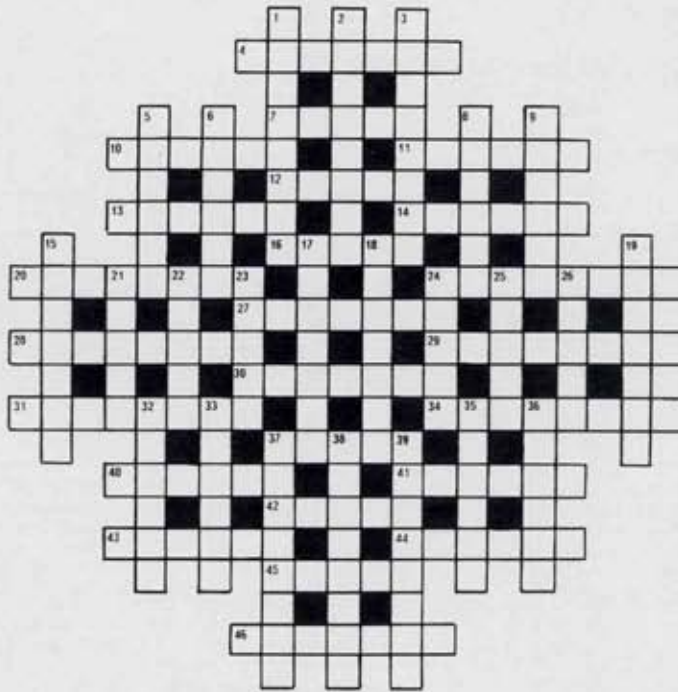
4. Глава повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». 7. Щит со световыми сигналами. 10. Аквариумная рыбка. 11. Комнатный цветок. 12. Инструмент для нарезания резьбы. 13. Африканский болотный аист. 14. Пахучая трава с белыми или желтыми цветками. 16. Сушеный виноград. 20. Фортельяновый цирк Р. Шумана. 24. Французский живописец, автор картины «Свобода на баррикадах». 27. Звукосниматель в проигрывателях. 28. Спортивное сооружение со специальной дорожкой. 29. Население североафриканской страны. 30. Советский ученый-гидрометаллург. 31. Поэтесса, последовательница Т. Шевченко. 34. Комедия Аристофана. 37. Лекарственное средство из лекарственных трав. 40. Пресноводный рачок. 41. Ответ на обращение, зов. 42. Средство переправы. 43. Неудача, провал. 44. Ощипанный от веток ствол срубленного дерева. 45. Вес товара без упаковки. 46. Отдельный человек, личность.

По вертикали:

1. Подводная лодка капитана Немо в романах Ж. Верна. 2. Земледелец. 3. Скобка, соединяющая несколько нотных строк. 5. Символ власти у казаков. 6. Единица электрической емкости. 8. Занятие с книгой. 9. Одна из величин размеров предмета. 15. Инвентарь для игры в теннис. 17. Овощное или декоративное растение. 18. Удар топором наискосок. 19. Меховой товар. 21. Героиня греческой мифологии, окаменевшая от горя. 22. Поэма Э. По. 23. Осветительный прибор. 24. Подземный водоток для осушения почвы. 25. Город в Конго. 26. Древнеримский писатель, автор трактата «О земледелии». 32. Химический элемент. 33. Древнейшее изобретение, без которого невозможно большинство механизмов. 35. Спортивная игра. 36. Город в Латвии. 37. Противник в спорте, диспуте. 38. Деталь одежды. 39. Растительноядное насекомое.

КРОССВОРД

Составили В. и Е. ХРИСТЕНКО,
Полтава

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

7. Покрасс. 8. Горал. 9. Егоза. 10. Октагон. 14. Совка. 17. Отзвук. 19. Дирекцион. 20. Литраж. 21. Доллар. 22. Аден. 23. Юкка. 24. Монтер. 26. Тишина. 27. Катхавар. 28. Пикша. 30. Ажаев. 32. Цинкляу. 36. Колье. 37. Экран. 38. Нитиюл.

По вертикали:

1. Беркут. 2. Ротанг. 3. Дупло. 4. Ибсен. 5. Щурок. 6. Фрост. 11. Корректив. 12. Анка. 13. Оцинка. 15. Верстак. 16. Аджарка. 17. Ондатра. 18. Золушка. 25. Цирк. 29. Шелли. 31. Жердь. 32. Центр. 33. Истина. 34. «Кандид». 35. Уэльс.

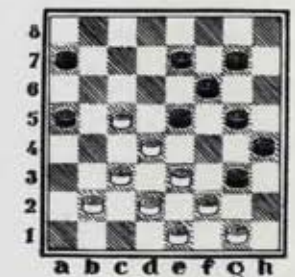
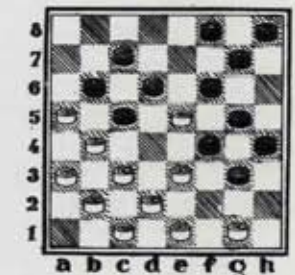

Под редакцией мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

В шашечном конкурсе 1983 года приняли участие несколько тысяч человек и 50 команд. После первой олимпиады число участников — любителей шашек значительно увеличилось. Отмечаем и возросший класс игры наших читателей. Об этом свидетельствует и тот факт, что жюри конкурса не смогло определить победителей. Согласно Положению о конкурсе в личных соревнованиях определяются 25 победителей, в командных — пять команд. 300 участников и 11 команд отлично выполнили все задания. Жюри решило дать дополнительное задание. К участию приглашаются читатели, у которых следующие регистрационные номера: А-1, 2, 6, 12, 19, 24; Б-1, 2, 3, 4, 5, 9, 10, 12, 15, 16, 17, 20, 22, 27, 29, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 43, 46, 50, 53, 55, 57, 66, 67, 71; В-3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 12, 14, 19, 21; Г-3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 18, 23, 24, 25, 28, 30, 32, 35, 40, 41, 43, 46, 49; Д-2, 7, 11, 15, 17, 18, 22, 23, 28; Е-1, 2, 3, 4, 9, 14; Ж-5, 9, 10; З-1, 3, 5, 8, 11, 13, 15, 16, 19, 21; И-3, 11, 12, 13, 15, 18; К-2, 4, 6, 12, 15, 23, 28, 29, 30, 31, 33, 34, 35, 38, 42, 45, 47, 48, 50, 56, 62, 65, 66, 71, 72, 77, 78, 79, 83, 84, 85, 86, 91, 93, 97; Л-1, 3, 6, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 22; М-1, 2, 3, 5, 8, 10, 11, 16, 24, 26, 27, 28, 34, 39, 42, 44, 45, 50, 51; Н-1, 2, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 24, 25, 27, 30, 31; О-1, 9, 10, 12, 14, 15; П-3, 4, 6, 7, 8, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19,

20, 21, 23, 25, 26, 27, 30, 33, 37, 41, 45, 47, 48; Р-3, 5, 8, 13, 15, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27; С-1, 2, 3, 4, 5, 9, 12, 13, 19, 22, 23, 24, 26, 27, 33, 36, 38, 39, 42, 45, 46, 49, 50, 52, 53, 55, 56, 58, 62, 63, 64, 65, 68, 70; Т-3, 8, 9, 10, 11, 13—23, 25, 27, 29; У-1, 3, 4, 6; Ф-3, 7, 8, 11, 12, 13, 14; Х-6, 8, 9, 12, 14; Ц-3, 4; Ч-1, 3, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 18, 19, 21, 23, 25; Ш-1, 2, 3, 4, 9, 11, 14, 16, 18, 22, 23, 24; Щ-1; Ю-1, 5; Я-2, 3, 8; команды: 04, 06, 08, 09, 010, 011, 015, 016, 020, 021, 022.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ.

В обоих заданиях белые начинают и выигрывают.

Ответы следует присылать на почтовых открытках (каждое задание на отдельной открытке с указанием первых восьми ходов).

Последний срок присылки ответов — 1 октября (по почтовому штемпелю). На открытках сделайте пометку «Дополнительное задание».

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.07.84. Подписано к печати 17.07.84. А 10292. Формат 70x108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1350000 экз. Изд. № 2162. Заказ № 3110. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865 ГСП Москва А-137 улица «Правды». 24

Дорогие друзья!

По традиции мы хотим поделиться с вами нашими замыслами: какой быть «Смене»-85.

Журнал всегда пристально всматривался в календарь знаменательных дат, в важные вехи жизни Советского государства, нашего народа, Ленинского комсомола. В честь 40-летия Победы «Смена» начала долгосрочную рубрику «Живая память». Вместе с читателями мы откроем новые, незнакомые прежде страницы ратного мужества участников войны. Мы назовем имена наших современников-энтузиастов, тех, кто ведет неустанный поиск павших героев, создаст уголки истории войны и музея, занимается гражданским и патриотическим воспитанием молодежи.

Представим: конец июля — начало августа, наша столица. На ее улицах — тысячи и тысячи молодых гостей из-за рубежа, в аудиториях — дискуссии о мире, дружбе, антиимпериалистической солидарности, на площадях — манифестации, шествия, концерты. XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Московский. Следя за фестивальной линией «Смены», дорогие друзья, вы приобщитесь к реальным проблемам нашей планеты.

По нашим прогнозам, в нынешнем году редакция получит более 100 тысяч читательских писем. Мы особо дорожим этими свидетельствами того, что «Смена» читаема, любима, популярна. Потому в будущем году мы продолжим рубрику «Письмо молодого рабочего», по достоинству оцененную тружениками предприятий, строек. Конфликт на производстве, условия труда и досуга, просьба помочь разобраться в сложной жизненной коллизии — все это для «Смены» темы актуальные, и наши корреспонденты готовы по тревожному вызову выехать в любую точку страны.

«СМЕНА»-85

Делать жизнь с кого? На чей опыт опереться молодому человеку, предпринимающему первые самостоятельные шаги? Ведь это так важно — достойно идти по жизни, преуспеть в профессии, завоевать уважение окружающих. На эти волнующие вопросы читатель найдет ответы в материалах рубрик «Герой для подражания» и «Автобиографии». Мы представим слово в наших публикациях заслуженным, всеми уважаемым людям, чья жизнь может служить для юношей и девушек нравственным примером, поможет в осмыслении мира.

Жизнь сложна, в ней встречаются явления, в которых непонятно разобраться человеку, особенно молодому. Ситуации, из которых надо уметь выходить достойно. В рубриках «Нравственная норма», «Письмо в редакцию — письмо из редакции», «Жизнь семьи», «Закон и ты», «Надо обсудить» известные публицисты ведут разговор именно о таких сложных моментах жизни.

Надеемся, читатели с одобрением примут состоявшееся в этом номере открытие футбольного клуба «Надежда» на страницах «Смены». А другие рубрики спортивного отдела? Пометьте на конверте своего письма в редакцию «Твой собеседник — чемпион» или «Спортивный автограф», сообщите нам, каковы ваши спортивные симпатии, и мы учтем вашу просьбу. Именно по заявкам читателей на страницах «Смены» в будущем году мы собираемся опубликовать материалы об известных спортсменах, и в частности о капитане сборной СССР по футболу Александре Чивадзе, капитане сборной СССР по хоккею Вячеславе Фетисове, центровом сборной СССР по баскетболу Арвидасе Сабонисе, ведущей спортсменке сбор-

ной СССР по художественной гимнастике Галине Белоглазовой, мировой рекордсменке по прыжкам в высоту Тамаре Быковой, талантливым советском фигуристе Игоре Бобрине.

А вот еще одна новинка: с первого номера 1985-го «Смена» поведет компетентный разговор о здоровье молодежи. Как относиться к самому себе, когда молод, полон сил и мало заботишься о перегрузках организма? Как в эту пору избежать «закладки» в организме болезни, которые проявляются потом? Итак, на страницах «Смены» — программа «Здоровье». В программе — самые последние научные взгляды, практические советы.

«Музыкальный взрыв» — так характеризуют искусствоведы массовый интерес молодежи к музыкальной культуре. О многих ее процессах, явлениях, тенденциях мы рассказывали в выпуске популярного, давно и основательно прописавшегося на страницах «Смены» выпуска клуба «Музыка с тобой». Редакция предполагает провести «круглый стол» с участием ведущих композиторов, поэтов, исполнителей, обсудить некоторые спорные и противоречивые явления в современной легкой музыке. Мы опубликуем материалы об известных советских исполнителях, ансамблях, расскажем о тенденциях развития джаза у нас в стране и за рубежом. Готовятся к печати творческие портреты популярных зарубежных мастеров песенной эстрады — Марыли Родович, Хелены Вондрачковой, Иржи Корна, Здравко Чолича, ансамблей «Неотон», «Пудис» и др.

Особый разговор о прозе и поэзии «Смены». В журнал пишут и самые известные мастера и начинающие авто-

ры. Среди наших постоянных авторов Виктор Астафьев, Юрий Нагибин, Кайсын Кулиев, Эдуардас Межелайтис, Роберт Рождественский, Виктор Потанин, Римма Казакова, Белла Ахмадулина, Юлиан Семенов, Расул Гамзатов, Николай Доризо, Владимир Цыбин, Леонид Жуховицкий, Лилия Беляева. Многие из них появятся на наших страницах в новом году. Планируем напечатать и переводы произведений выдающихся зарубежных писателей — Пабло Неруды, Ирвина Шоу, Рэя Брэдбери и др.

Под рубрикой «Силуэты» готовятся к печати эссе о Т. Шевченко, О. Хайяме, И. Бунияте, В. Белинском, А. Бестужеве-Марлинском. «Хрестоматия «Смены» познакомит с забытыми и неизвестными страницами прошлого. Рубрику «Литературные уроки» рассчитываем представить рассказами о творческих мастерских Кайсына Кулиева, Федора Абрамова, Петра Проскурина. И, конечно, «Смена» предложит вам встречи с молодыми мастерами искусства из мира театра и кино, представит вам творчество талантливых художников.

Около двух тысяч самодеятельных поэтов — рабочих, служащих, ученых, студентов и учащихся ПТУ — стали в 1984 году соискателями открытого для всех творческого конкурса одного стихотворения «Земля моя — судьба моя». В 1985 году конкурс продолжится, а его тематический девиз «Любовь все возрасты покорны», думается, всколыхнет широкие поэтические силы и, надеемся, принесет нам впечатляющие примеры лирики.

Вы любители остросюжетной прозы? «Смена» печатает в каждом номере повесть или роман — детектив, фантастику, приключенческую вещь совет-

ских или зарубежных авторов. Журнал рассчитывает познакомить вас с новыми произведениями советских и зарубежных авторов.

В новом году читатель вместе с журналистами совершит путешествия в Калмыкию, Воронеж, Ярославль, Павловск, мы познакомим с их достопримечательностями, этнографическими памятниками союзных республик. Все это маршруты нашей традиционной рубрики «Отечество».

Вы хотите одеваться модно, современно? Но ведь важно еще и выглядеть человеком со вкусом, умеющим разнообразить свою одежду не количеством нарядов, а умелым ее подбором, красивыми, смелыми деталями. Как это сделать? Об этом — в нашей постоянной рубрике «Молодежная мода».

В конкурсах «Смены» ежегодно принимают участие десятки тысяч читателей. Участники шахматных и шашечных олимпиад получают спортивные разряды прямо на дому, посылая решения задач и этюдов по почте. Тысячи подписчиков проверили и обогатили свои знания, участвуя в наших традиционных конкурсах эрудитов. Кажется, судя по количеству писем, и конкурсы кроссвордистов тоже станут традиционными для «Смены». Консультируют читателей, отвечая на их вопросы на страницах «Смены» или личным письмом, опытные юристы министерств и ведомств.

Словом, «Смена» — журнал о молодежи и для молодежи, издание, которое читают все — от пионеров до пенсионеров, ибо тематическая гамма сменовских страниц охватывает самый широкий жизненный спектр. Приглашаем вас, дорогие друзья, подписаться на «Смену». Двадцать четыре журнальные книжки, годовой комплект стоит 8 рублей 40 копеек, подписка на полгода — 4 рубля 20 копеек, на три месяца — 2 рубля 10 копеек.

Подписка принимается без ограничений.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820